

**Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок**

Е. В. Косинцева, Н. В. Куренкова

**«Все в этом мире от Бога...»:
роман Е. Д. Айпина
«Божья Матерь в кровавых снегах»**

Монография

г. Ханты-Мансийск
2010

УДК 82
ББК 83.3 (2Рос=Хат)
К 71

ISBN 978-5-9611-0049-5

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Рецензенты:

Л. А. Андреева – кандидат филологических наук

В. И. Сподина – кандидат исторических наук

Косинцева, Е. В.

Куренкова, Н. В.

К71 «Все в этом мире от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» : монография / Е. В. Косинцева, Н. В. Куренкова. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 143 с.

Монография представляет собой опыт литературоведческого осмысления романа «Божья Мать в кровавых снегах» хантыйского прозаика Е. Д. Айпина. Авторы рассматривают основные темы, мотивы романа, анализируют систему образов, выявляют литературные традиции в романе.

Книга адресована педагогам, студентам и всем, кто интересуется хантыйской литературой и творчеством Е. Д. Айпина.

УДК 82
ББК 83.3 (2Рос=Хат)

ISBN 978-5-9611-0049-5

© Косинцева Е. В., Куренкова Н. С., 2010

© Югорский государственный университет, 2010

© Оформление, ООО «Доминус», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Еремей Данилович Айпин – ведущий прозаик хантыйской литературы. В основном он пишет на русском языке, адресуя свои произведения читателям всей многонациональной России. Большинство произведений Айпина посвящено северной тематике. Его герои – это простые охотники, рыбаки, сельские жители. «Начинал Айпин с охотничьих зарисовок. Это и понятно. Он вырос в охотничьей семье. Мальчишкой научился читать таежные следы, выслеживать зверя, ставить капканы <...> различные охотничьи истории стали основой первых рассказов Айпина»,¹ – писал В. Огрызко.

Начало писательской биографии Е. Д. Айпина совпало с нефтяной эпопеей. Будущий писатель попробовал эту профессию на себе, будучи еще студентом Литературного института. Этот жизненный опыт помог ему написать повесть «В ожидании первого снега» (1979). В 1990 году вышел в свет его первый роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари», который высоко оценили исследователи и критики.

В своих произведениях автор поднимает проблемы нравственности, бережного отношения к природным богатствам края, но основная тема, которая волнует Е. Д. Айпина – не только как писателя и политического деятеля, но и как представителя народа ханты – это благосостояние и процветание своего народа. В связи с этим в романах автор рассказывает о проблемах и бедах коренных малочисленных народов, пытается проанализировать создавшуюся ситуацию и выявить причины вымирания народа.

Последнее творение писателя – роман «Божья Мать в кровавых снегах» (2002) – вызвало широкий общественный резонанс. В основу романа положены реальные исторические события 1933–1934 гг., известные из архивных данных как Казымское восстание. Этот роман можно поставить в один ряд с другими произведениями российских писателей, заговоривших в последние несколько десятилетий о «белых пятнах» в истории

¹ Огрызко, В. Вместо послесловия // Е. Д. Айпин. Клятвопреступник: Избранное. – М. : Наш современник, 1995. – С. 424.

Российского государства в целом и хантыйского народа в частности. «"Белые пятна" образовались (вернее, их образовали те, кто постоянно приспособливал историю к своим интересам) не только в истории всей страны, но и отдельных ее районов».²

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» воплощает трагедию целого народа, который устал жить в неволе и подчиняться пришлым людям, которым никогда не понять тех, кто всю свою жизнь прожил на свободе, в тайге. Как говорит Айпин, «<...> тема Казымского восстания волновала его с детства, поскольку мама и бабушка порой говорили о тех страшных днях, когда случилось это восстание, подавление которого было жестоким и безжалостным. Говорили с опаской, с оглядкой...».³ Написание романа стало возможным только после Перестройки. Над произведением автор работал с 1996 по 1999 гг. Айпин встречался с людьми, которые еще помнили о Казымском восстании по рассказам своих отцов и дедов, работал с архивными документами.

Однако роман, всколыхнувший общественность, не получил широкого исследования у литературоведов. Работы, которые раскрывают разные аспекты романа, исчисляются единицами. О романе писали А. Цукор, Н. Энгвер, О. Лагунова, Е. Роговер и С. Нестерова. Из зарубежных исследователей роман осмыслили Анн-Виктуар Шаррен, Каталин Надь, Доминик Норман Самсон де Шамбург.

Алла Цукор в статье «Лишь бы не было лжи и путаницы» (2004) подтверждает правдивость изображения исторических событий (причины Казымского восстания и методы его подавления) романистом.

Исследователи и рецензенты романа отмечают в произведении «новый подход к пониманию исторической судьбы народов Крайнего Севера».⁴ Автор «призывает «цивилизованный» мир принять брата-аборигена «на равных», помогает увидеть красоту мира в его первозданной природе, в нетронутой цивилизации».

² Общественно-исторические проблемы в литературе. – Режим доступа : <http://linky.ru/~review/htm/sochin/139.htm>

³ Севастьянова, С. Божья Матерь в кровавых снегах // Сургутская трибуна. – 2002. – № 200. – С. 8.

⁴ Энгвер, Н. То, что под камнем // Литературная Россия. – 2004. – № 13. – С. 10.

ей жизни».⁵ «Благополучие и комфорт, доставляемые технологическим прогрессом, не насыщают. Уважение к человеку – главное у остяков. Вся книга Айпина вопиет о неуважении красных к человеку, к остяку и вогулу, к ненцам, к другим людям народов Крайнего Севера».⁶ В своем творении Айпин показывает «<...> такую силу любви к жизни, к радости бытия, к богам и богиням, такое уважение к Божьей Матери, которое превосходит все технологические достижения века машин и машинных автоматов».⁷ Анн-Виктуар Шаррен в статье «Отражения и выражения» (2004) пишет: «Одним из самых симптоматичных произведений Айпина <...> является «Божья Матерь в кровавых снегах». Здесь он безоговорочно достигает своей цели (*сумел преодолеть уровень «узконациональных проблем хантыйского народа и его трагической истории, вознеся символ ханты до символа Человека» – Е. К., Н. К.*) <...>. Божья Матерь, детские испуганные глаза, чум, превращающийся в гробницу хантов под пулями комиссаров, кровь, многоцветные одежды, смерть – вся эта тематика прекращает существовать в строго описательной литературной форме, ибо автор, посредством страстного прорыва в иное духовное пространство, вверяет своим персонажам новое качество Символа или Иконы. <...> Именно таким образом, обратив историю и трагедию хантыйского народа в общечеловеческую историю и трагедию, он навсегда спасает свой народ от забвения».⁸

Существуют и другие отклики: «Роман «Божья Матерь в кровавых снегах», при всей эффектности названия, увы, соединил животрепещущий материал с исторической конъюктурой. <...> в книге перемешаны темы убиенной царской семьи, Ка-

⁵ Цукор, А. Лишь бы не было лжи и путаницы // Литературная Россия. – 2004. – № 41. – С. 6.

⁶ Энгвер, Н. То, что под камнем // Литературная Россия. – 2004. – № 13. – С. 10.

⁷ Энгвер, Н. То, что под камнем // Литературная Россия. – 2004. – № 13. – С. 10.

⁸ Шаррен, А.-В. Отражения и выражения: некоторые размышления о возрождении народа и о сути литературного творчества // Литературная Россия. – 2004. – № 41 (2173). – С. 6–7.

зымского восстания, конъюнктурные привязки к «родичам венграм» и еще многое другое. Плакатный схематизм, запрограммированная сенсационность и чувство исторической обиды – не союзники в художественной достоверности: все происходит в каком-то полуфантастическом пространстве». ⁹ С этой точкой зрения нельзя полностью согласиться. Да, на первый взгляд, неискушенному читателю может показаться, что в романе излишни некоторые элементы. Но при повторном прочтении уже понимаешь, что каждый образ, каждая деталь, не говоря уже о языковых средствах, содержат некий подтекст, который еще предстоит увидеть и понять читателю.

О. К. Лагунова в работе «Истинная цена воли» (2006) рассматривает основные сюжетные линии романа Айпина: «В романе три сюжетные линии. Одна связана с красным командиром Чухновским, вторая – с Матерью Детей, третья – с Белым. Первые две, а также вторая и третья пересекаются непосредственно, первая и третья опосредованно»; ¹⁰ дает характеристику некоторым главным героям: командир красных Чухновский – «некий синтез солдата – машины и командира-философа, он не просто убийца, он теоретик, размышляющий о смысле войн вообще, сравнивающий сражения, которые уже прошел, с войной на остяцких землях»; ¹¹ обращает внимание на структуру произведения и языковые средства, выделяет в романе мотивы власти, мотивы материнства и детства. В 2006 году выходит другая статья исследовательницы, в которой она рассматривает аксиологичность образного ряда в романе. Позднее в монографии «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века: Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги» (2007) в четвертой главе рассмотрит веру и род в последнем романе прозаика.

⁹ Ващенко, А. Бремя особого рода // Литературная Россия. – 2006. – № 37. – С. 14–15.

¹⁰ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах») // Врата Сибири. – 2006. – № 1(18). – С. 202.

¹¹ Там же. С. 203.

Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина» (2007) попытались рассмотреть роман «Божья Матерь в кровавых снегах» в рамках этапного анализа творчества писателя.

В данной монографии авторами предпринята попытка изучения романа Е. Д. Айпина в совокупности тем, мотивов, образов, поэтики. Не оставлены без внимания и литературные традиции.

1. Семейная тема в романе

Семейная тема – одна из наименее исследованных в хантыйской литературе. Говоря о семейной теме, ученые чаще всего рассматривают не тему в целом, а образ семьи в конкретном произведении или образ дома. Хантыйская литература богата произведениями с семейной темой. К этой теме обращались Г. Д. Лазарев в рассказах «Непа ранили», «Микай Ойка» и др., Р. П. Ругин в рассказах «Сватовство», «Три шкуры», «Погоня» и повестях «Сорок Северных Ветров», «В ожидании сына» и др.; Т. А. Молданова в повестях «В гнездышке одиноким» и «Касания цивилизации» и Е. Д. Айпин, раскрывающий семейную тему в рассказах «Лебединая песня», «Клятвопреступник», «Конец рода Лагермов», «Во тьме», в пьесе «Красная нарта», в повестях «В ожидании первого снега», «Я слушаю землю», «У гаснущего очага» и романах «Ханты, или Звезда Утренней Зари» и «Божья Мать в кровавых снегах».

Несмотря на достаточно внушительный список исследований творчества Е. Д. Айпина, семейная тема в его произведениях упомянута О. Лагуновой в монографии «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)» (2007) и А. Жулевой в работе «В зеркале нашего времени» (2008). А. Жулева отмечала: «Действие развивается по нескольким линиям, которые пересекаются не часто, появляются порой лишь в раздумьях главной героини или своеобразных авторских отступлениях».

Основная линия – жизнь и судьба во время восстания семьи остяцкого оленевода, борьба женщины – Матери Детей – за спасение своих продолжателей рода <...>. Вторая сюжетная линия в романе – действия военного отряда из Екатеринбургa, судьба командира-главаря <...>. Третья линия в развитии романа – жизнь и судьба белогвардейского полковника из бывшего царского окружения <...>. Четвертая сюжетная линия в романе – судьба и воздействие на людей иконы Божьей Матери.¹²

¹² Жулева, А. В зеркале нашего времени // Мир Севера. – 2008. – № 6. – С. 47.

О. К. Лагунова пишет: «<...> в романе все <...> имело место до времени, когда изменился цвет власти, когда потери и сиротство стали нормой жизни. Дети теряли родителей, сами преждевременно покидали землю, не успевая узнать, что такое жизнь. Родители не всегда могли отвести от них смерть, не всегда успевали защитить себя, чтобы помочь выжить наследникам».¹³

В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» через семью автор показывает судьбу народа после событий 1933–1934 гг., известных как Казымское восстание. Вновь видим в романе тот же подход к осмыслению народной темы через семью, который часто в прозе Айпина воплощается в модели: герой – семья (род) – народ – страна.

Семейная тема в романе является центральной. Семей в романе несколько: это семья, расстрелянная в чуме; молодая семья, которую поймал отряд Чухновского; семья ненцев; императорская семья; семья Сенгеповых, ценою своих жизней остановившая первый, наспех сформированный отряд красных; семья волков. Главное место в романе занимает семья Матери и Отца Детей.

Главной чертой в изображении семей в романе является трагизм. Жизнь каждого героя романа связана с потерями. Есть семьи, которые полностью разрушаются, все члены семьи погибают, но погибают по очереди. Так, например, семья, расстрелянная в чуме, умирает постепенно: сначала погибают те, кого заделали пули красных, а затем умирает младенец, которого пули не тронули. Автор показывает и семьи, где судьба кого-либо из близких остается неизвестной. Семья Матери Детей погибает постепенно: сначала умирает муж и старший сын, затем, на протяжении всего романа, Вера Саввична теряет одного за другим детей. Судьба последнего оставшегося в живых сына Саввы столь же неопределенна в финале романа. Даже семья волчицы

¹³ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2007. – С. 184.

покидает землю постепенно, но от этого не менее мучительно. В бомбежке гибнут волк и волчата, а раненая волчица уже сама ищет смерти, как избавления, у человека.

В романе нет счастливых семей. Однако Айпин четко определяет категорию женского счастья в рамках семейной темы – это стремление быть любимой супругой, матерью, достойной хозяйкой собственного очага. Так, Вера Саввична стремится к семейному счастью, несмотря на трагическую первую попытку. Читая роман, узнаем, что первого мужа героини увезли красные за то, что «Он пошаманил и сказал: «Слышу, вижу, идет Огонь, который спалит красных!..»,¹⁴ «<...> после того, как ее первого мужа русские увезли за шаманство, на нее повесили пушной и рыбный план за мужа. Делать было нечего, пожаловаться некому. Два года ей пришлось тянуть эту ляжку, пока не сменили председателя колхоза, и она не вышла замуж во второй раз, за Отца Детей».¹⁵ От первого брака у Веры Саввичны осталось трое детей, один из которых умер «во младенчестве». Она, стремясь к счастью, вновь создает семью с Отцом Детей. И вновь героиню настигает трагедия. Ее счастье разрушено временем и людьми, которые не имеют представлений о семейных ценностях, так как в романе Айпин не упоминает о наличии семьи ни у Чухновского, ни у Мингала, ни у других участников отряда красных. Наличие или отсутствие у героя семьи стало показателем нравственности и отличительной чертой положительного героя не только в данном произведении писателя.

Основу семейного повествования в романе представляет многодетная семья Матери и Отца Детей. Детей в семье семеро: Константин, который умер в младенчестве, сын, который был убит в одно время с Отцом Детей, дочь, которая живет в селекции мужа, Роман, Анна, Мария и Савва.

В романе показано разрушение семей. Через изменения, происходящие с семьями, автор транслирует внутренние, психологические трансформации героев. Это особенно ярко выражено у

¹⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 95.

¹⁵ Там же. С. 178.

Матери Детей. В начале романа Матерь Детей – Вера Саввична – это обычная женщина, мать семи детей, жена, хозяйка, которая хранит тепло домашнего очага. Автор рассказывает, как сильная женщина-мать берет на себя и обязанности супруга – главы семейства, после его гибели. Обязанности в семье разделяются и между детьми. Опорой матери становится старший сын Роман.

Понимая всю горечь и тяжесть, которая обрушилась на их семью и на мать, Роман разделяет трудности с нею, оказывает ей посильную помощь, поддерживает ее внутренние силы: «Мальчик понимал все, что хотела сказать ему Мать. Понимал все с полуслова. Понимал, что он теперь старший в доме. И на его плечи ложится нелегкая ноша, которую нужно нести с достоинством, как подобает настоящему мужчине. И когда смолкла Мать, выдержав нужную паузу, он вставил свое слово:

– Я не буду спать, мама...».¹⁶

Ребенка заставили повзрослеть раньше времени обстоятельства. Коротая с мамой ночи бодрствования, как часть погребального ритуала ханты, он начал делать игрушки, желая отвлечь от горя младших брата и сестер: «Утром проснутся братик с сестренкой – обрадуются, на какое-то время отвлекутся на новые игрушки».¹⁷

Эмоциональные переживания от встречи с красной «нелюдью», смерть отца и брата отразились и на младших детях в семье. Нарушен покой их детского сна. Однако их беспокойные ночные метания помогли матери, отвлекали ее от боли, которая разрывала ей сердце. Дети вселили в Матерь Детей уверенность, что на этой трагедии жизнь не закончилась. Дети, точнее спасение их жизни, стали новой целью в жизни героини. Они же дали ей силы сопротивляться горю: «<...> две мысли в ее голове засели крепко: детей спасти и огонь сохранить. В доме дети, которые остались без отца и брата. Им нужен огонь, нужно тепло».¹⁸

¹⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 32.

¹⁷ Там же. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 28.

Другой силой, которая вернула Матерь Детей в реальный мир, оказалась боль. Боль поселилась в сердце женщины, разрасталась там, пускала корни в материнское тело: «<...> и в ее памяти всплыл день прихода красных и гибель самых близких ей людей. И с новой силой нахлынула горестная боль. И эта боль вернула ее в реальную жизнь».¹⁹

Семейную тему писатель в романе переплетает с мотивом дороги. Дорога, которая призвана была стать путем спасения семьи, стала дорогой смерти и детей, и матери.

Вера в человечность умирает в героине вместе с осознанием, что жизнь человека потеряла свою ценность, когда беззащитную и безоружную женщину и детей расстреливает аэроплан красных: «Через мгновение грохнул взрыв. Вихрь ударил в грудь – и Матерь Детей упала навзничь <...>. И показалось Матери Детей, что вместе с грохотом она провалилась в Нижний Мир и навеки оставила Землю людей».²⁰ Вновь на землю вернули ее дети.

Дорога несет матери новые испытания – это и смерть детей, и картины расправы красных. В шестнадцатой главе автор детально описывает расстрелянный чум и семью, участь которой определил отряд Чухновского. Автор не уточняет принадлежность погибших к какому-либо полу или возрасту, просто короткими предложениями описывает состояние, позы. Но эти емкие фразы не требуют комментариев, они – наглядное свидетельство участи тех семей, которые встретились на пути «кровавых лиственничных дубинок»:

«Головка без капюшона.

Сведенные судорогой челюсти.

Лоб с круглым твердым отверстием чуть выше переносицы.

Головка в голубом.

Высокая женская шапка из белого пыжика. <...>

Губки с белым налетом от молока.

Взлохмаченная ягушка.

Пустая глазница.

¹⁹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 49.

²⁰ Там же. С. 68.

Единственный глаз покрылся сухой пленкой всепрожигающей ненависти к убийцам».²¹ Уточняет Айпин, что чум был расстрелян снаружи: «Младенца ни одна пуля не задела. И не потому, что красные пощадили его, просто красные стреляли по сидящим. В упор. Залпами. Через тонкую стенку чума».²² Не зря героиня резюмирует: «Там... кровавый пир красных!..».²³ Пир, ставший трагедией семьи, жившей в чуме. «Нет-нет, Матерь Детей с такою участью не смирится. Она до последнего станет спасать уцелевших детей <...>».²⁴

Айпин показывает нам женщину, сохранившую человеческие качества, несмотря на жестокие удары судьбы. И, чтобы подчеркнуть сострадательность в героине, автор вводит в роман волчью семью, которая тоже стала очередной жертвой красных: «В этот день аэроплану-лазутчику не повезло: не сбросил огненные камни, никого не прибил, не навел ужас, не напугал до смерти. Это уже был беспорядок. И поэтому летун очень обрадовался, когда увидел внизу на чистине волчью семью».²⁵ Живой осталась только волчица. Этих героинь объединяет природное начало – сильный материнский инстинкт. Обе оплакивают свою потерю: «И Волчица-мать заплакала. По-собачьи села на снег, задрала голову к небу и заплакала-завыла. Она плакала протяжно и тоскливо. На одной плачущей и долгой ноте. Так она оплакивала своих детенышей. Так она жаловалась Верховному на свою потерю, на свою судьбу».²⁶ Обе, находясь на грани жизненных сил, передвигаются ползком: «И Волчица-мать поползла по дороге, пахнувшей человеком.

Она ползла, когда зажигалась утренняя заря.

Она ползла, когда светило солнце.

Она ползла, когда угасала вечерняя заря.

²¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 166.

²² Там же. С. 167.

²³ Там же. С. 168.

²⁴ Там же. С. 172.

²⁵ Там же. С. 188.

²⁶ Там же. С. 191.

Она ползла, когда на небо поднималась луна».²⁷

Каждая из героинь ползет к людям, но с разной целью: Мать Детей – за помощью, волчица – за смертью. Горе объединяет женщину и волчицу. Волчица-мать, ищущая избавления от боли, недоумевает, не понимает, почему человек не убивает, а продлевает жизнь, делясь пищей: «<...> наконец догнала человека. Быть может, хозяйку. С сыном и собакой. Но женщина странно себя повела. Она не прикоснулась ни к ножу, ни к топору. Вместо этого она заговорила с непрошеной гостьей и затем поделилась едой, которую положила на дорогу. Увидев это, Волчица-мать заплакала. Она ничего не могла понять. Что, все в этом мире перевернулось?.. Кто перевернул? Война? Красные? Белые? Когда же это случилось? Когда?..».²⁸

Привлекает внимание тот факт, как автор в качестве одного из персонажей изображает волков. Волчья семья – это уже небольшая стая, и, в принципе, должна жить по «закону джунглей», руководствуясь врожденными инстинктами, но перед тем как убить оленя из «хозяйского», т. е. человеческого стада, волчица спрашивает разрешение у «Верховного», и берет оленя только в случае положительного ответа: «<...> пред тем как взять оленя, на окраине пастбища она задирала голову к небу и просила добычу у Верховного. И если тот разрешал, брала, если нет, то уходила ни с чем. Не станешь же сориться с Верховным из-за одного-двух оленей. Да и Он всегда знал, сколько полагается волчице-матери <...> но если она начинала брать без разрешения Верховного, то хозяин сначала смотрел сквозь пальцы, терпел сколько-то времени, но потом наказывал ее род».²⁹ Таким образом, автор создает гармоничный мир, в котором все взаимосвязано и каждому божьему созданию отведено свое место. Равновесие между добром и злом было нарушено чужими, которые чувствуют себя полными хозяевами и устанавливают свои порядки. Об этом говорит и Мать Детей, связывая с дан-

²⁷ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 192.

²⁸ Там же. С. 193.

²⁹ Там же. С. 189.

ным временем череду смертей в ее семье: «<...> с приходом красных что-то случилось то ли с иконой, то ли с нашей жизнью, – печально заговорила она после паузы. – Все пошло наперекос, будто течение жизни повернулось в другую сторону»,³⁰ и Белый рассуждает о результатах революции и борьбы за власть: «Ни одна революция не принесла блага ни государству, ни народу. Революционная верхушка завязнет в вечной борьбе за власть. Она сама, разделяясь на группки, начнет пожирать себя. <...> Жизнь народа и дела государства никого не будут интересовать. Россия рухнула в эту бездну»,³¹ и Волчица-мать: «<...> умная звериная мать смутно ощущала, что в мире существует очень тонкая, почти призрачная связь между двуногими и четвероногими. Если хозяин исчез, если превратился в пустоту, в ничто, то наступает твой черед. И, только уйдя на другие земли, к другому хозяину, можно спастись, потому что нормальной жизни не может быть в хаосе и беспорядке».³²

Мать, борющуюся за жизнь детей, не сломили ни смерть, ни голод: «До хруста сжав челюсти, она открыла глаза и сказала Небу назло красным:

– Нет, не умру! Не умру!...»³³

Костер, огонь стал символом жизни в романе. Автор через весь роман провел мысль, что связующим звеном женщины с жизнью являются дети. Не случайно в романе даже младший Савва поддерживал мать, видимо, чувствуя, что уже никого нет рядом с матерью: «Мать лишилась дара речи. Она долго широко раскрытыми глазами смотрела на младшенького сына, потом со слезами осыпала поцелуями своего несмышленьша, говоря радостно:

– Савва, миленький! Ты еще можешь петь?! Значит, мы с тобой не пропадем?! Значит, еще поживем!»³⁴

³⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 95.

³¹ Там же. С. 110.

³² Там же. С. 189.

³³ Там же. С. 196.

³⁴ Там же. С. 198.

Вопреки приговору Чухновского: «Без нас подохнут!»,³⁵ героиня решила выжить для того, чтобы сохранить жизнь детям и отомстить.

Надежду на возможность сохранить жизнь детям питает и императрица в романе. Она, как христианская жена, разделила трудности ссылки с супругом, была с ним до последнего дня. Их разлучила смерть. Семью же разрушила воля красных.

Счастье с любимым мужчиной пытается обрести и Маша, она оставляет своего мужа и идет вслед за Чухновским. Маша – образованная девушка, фельдшер, она должна помогать людям, облегчать их страдания, но чувства к Чухновскому уведут героиню в другой лагерь.

Семья Маши так же разрушается, но не столь трагически, как у Матери Детей – она просто уходит с Чухновским, не дождавшись своего мужа с промысла. В ответе Маши на вопрос Чухновского:

«– Маша, ты замужем?»

Маша секунду-другую помедлила, потом протянула неопределенно:

– Не-а... То есть...»,³⁶ видны открытость героини к новым чувствам, воплощению мечты, отказ от мужа ради стремления быть любимой, нужной.

На счастливую жизнь с мужем в семье надеется nenka Хомани. Несмотря на потерю единственного сына – Уччу погиб от пуль красных, – она снова ждет ребенка. Ожидание ребенка – символическое предчувствие новой жизни, но и оно несбыточно.

В романе повествуется и о семейном супружеском счастье князя-воеводы. Счастье мужчины-воина составляла жена: «Князь-воевода будто заново родился – так был рад спасению жены». ³⁷ Позже князь уходит на войну с «чужестранцами, пришедшими завоевать русскую землю»³⁸ и умирает. Княгиня оста-

³⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 24.

³⁶ Там же. С. 56.

³⁷ Там же. С. 92.

³⁸ Там же. С. 94.

ется с дочерью и сыном. И здесь семейное счастье разрушено войной.

Трагедия семей обусловлена историческим фактором: революция несет гибель семье императора. Император, Николай Александрович, «отрекся от престола» и был сослан вместе с семьей в Сибирь, где они были расстреляны. Семья Белого так же распадается под влиянием исторических обстоятельств времени: Белый отправляется спасать семью «государя» по велению воинской чести и присяги, его жена вместе с детьми уезжает в Европу. Это позволяет им сохранить жизнь, не разделить участь императора, его семьи и их окружения.

Трагизм семейной темы в романе усиливается религиозным контекстом: Мать Детей уподобляется святой, писатель проводит параллель между героиней и Божьей Матерью.

В центре событий романа автор поставил женщину. Семейная тема реализуется писателем также через женщину-мать. Все семьи в романе строятся на любви. Любовь Веры Саввичны растоптало историческое время. У императрицы любовь переходит в жертвенность и христианский супружеский долг. Безответную любовь мы видим у Маши. Другой основой семьи в романе является материнство.

В рамках реализации семейной темы в романе Айпин вновь обращается к истории рода. В произведении прочитываются истории родов Веры Саввичны и Белого. Прабабушка Веры Саввичны, Анна, вместе со своей матерью собирала ягоды и «<...> наткнулась на искусанную комарами, обессилевшую от голода княгиню». ³⁹ Они приютили ее у себя дома, а когда княгиня поправилась, она вместе с Анной уехала в Сургут. Через несколько лет Анна вернулась домой, не желая оставаться одной без княгини, мужа которой «Царь отозвал <...> в столицу». ⁴⁰ «Спустя какое-то время» ⁴¹ Анна родила сына, который продолжил свой род и народил семерых сыновей и четырех дочерей. Самой

³⁹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 95.

⁴⁰ Там же. С. 93.

⁴¹ Там же. С. 93.

младшей дочерью Анны была бабушка Веры Саввичны, Мария, которой досталась по наследству русская икона. Следующей преемницей иконы стала мама Веры Саввичны, Дарья. Все эти женщины прожили долгую жизнь. Вера Саввична была самой старшей в семье. Ее средняя сестра вышла замуж, заболела и умерла, затем младшая сестра вышла замуж, родила мальчика и умерла. Осталась Вера Саввична, и икона досталась ей, как единственной оставшейся в живых дочери.

Автор упоминает и родовых корнях Белого. Белый из семьи военных: «<...> все его предки были военными. И если умирали, то погибали в бою, защищая свое Отечество. Отец воевал с японцами. Дед принимал участие в Крымской кампании 1854–1855 годов, защищал Севастополь. Прадед сражался с Наполеоном».⁴² Он – аристократ, потомственный военный. Это сильный человек. Белый – человек чести, он верен воинской клятве. Для него на первом месте стоит служебный долг и семья государя. На вторых ролях – своя семья: «Вспомнил о семье. Она, как казалось, уже могла обходиться без него: дети подросли, крыша, хоть и на чужбине, у них была. А он все думал о России, о ее бесславном конце...».⁴³ Смысл жизни теряется, когда Белый узнает о гибели императорской семьи: «Ему хотелось умереть. И умереть достойно. Он не боялся смерти, но был не настолько слабым человеком, чтобы взять и просто застрелиться».⁴⁴ Его семья уехала в Европу, чтобы быть подальше от событий, происходящих в стране. Он, образованный человек, находясь в доме Матери и Отца Детей, начинает учить ребятшек грамоте.

С семейной темой в романе тесно связаны мотивы материнства и детства, которые выделяет О. К. Лагунова: «Заглавие романа, сюжетные линии в нем, система персонажей акцентирует два мотива: мотив материнства и мотив дитя. Многократно вспоминая о царской семье, Белый размышляет о судьбе наследников, которых было пять. В чуме, заполненном мертвыми

⁴² Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 107.

⁴³ Там же. С. 111.

⁴⁴ Там же. С. 107.

людьми, взгляд Матери Детей все время спотыкался о детские головки: «головка в оранжевом платке», «головка в лисьем капюшоне с ушками», «головка в выдровой шапке», «головка в голубом», «маленький капюшончик малицы», «губки с белым налетом от молока», поседевший младенец в люльке с раскрытым ротиком. На протяжении всего романа героиня именуется Матерью Детей, точно так же, как ее муж – Отец Детей. Везде сохраняются оба составляющих имени». ⁴⁵ Исследовательница приходит к выводу, что «в традиционной культуре оба мотива обычно сопряжены с обретением, радостью, счастьем, будущим. Но в романе все перечисленное имело место до времени, когда изменился цвет власти, когда потери и сиротство стали нормой жизни». ⁴⁶

Сквозь призму семейных отношений автор изображает быт коренного населения, нравственные и культурные ценности, обычаи: «<...> гость, видя, что хозяева ни о чем его не спрашивают (у них это не принято), сам рассказал о своих дорогах-путях»; ⁴⁷ «Жизнь любого человека должна быть бесценна. Независимо от того, русский он или остяк. Поэтому, если можем, мы поддерживаем дыхание всякого человека, кто к нам приходит, не спрашивая, кто он и чем занимается», ⁴⁸ – говорит Отец Детей.

Показательны параллели, которые проводит автор между семьями. Семья Белого и семья императора, семья Матери Детей и семья Божьей Матери. Еще один факт общности – герои не имеют имен собственных, а только собирательные: не отец, а Отец Детей, не мать, а Матерь Детей. Важна функция – мать и отец, то есть семья – это продолжение жизни.

⁴⁵ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (о романе Е. Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах») // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 215.

⁴⁶ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (о романе Е. Д. Айпина «Божья мать в кровавых снегах») // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 215.

⁴⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 99.

⁴⁸ Там же. С. 133.

Видим мы и этнические семьи ненцев – семья ненки, хантов – семья Матери Детей и Отца Детей и русских – аристократическая семья Белого и семья русского императора. Все семьи показаны через призму жертвенности, верности традициям, любви, веры.

Таким образом, семейные линии занимают значительное место в романе Е. Д. Айпина. Повествуя о судьбах людей разной национальности, разной культуры, автор рассказывает об исторических событиях, происходивших на северных территориях в первой половине XX века. Изображая быт хантыйской семьи, прозаик знакомит читателя с традициями, культурными и нравственными ценностями народа. На примере нескольких хантыйских семей, а именно, семьи Матери Детей, молодоженов и Сенгеповых, – автор показал мужество, самоотверженность и религиозность всего хантыгского народа. Семейная линия неразрывно связана с мотивами материнства и детства, с мотивом дороги и мотивом смерти. Семья в творчестве Е. Д. Айпина рассматривается как основа общества и основа личности, формирующая характер, мировоззрение, нравственные качества человека. В произведениях Е. Д. Айпина семья – это не только ячейка общества, в быте которой отражается современность, это еще и один из важнейших факторов становления личности героя.

2. Историческая тема в романе

На рубеже XVIII и XIX веков в литературе утверждается принцип историзма. Согласно сведениям Большого энциклопедического словаря: «Историзм в литературе: 1) принцип изображения характеров и обстоятельств, при котором писатель стремится понять и объяснить, что породило изображаемые им характеры и явления, каковы они по своей сути и что в результате описываемого может произойти дальше. Другими словами, это изображение какого-либо явления в процессе его естественного развития; 2) художественная достоверность в изображении быта, нравов, характеров, обстановки той или иной, а так же создание исторического колорита, например, в историческом романе».⁴⁹ В Иллюстративном энциклопедическом словаре читаем: «Историзм – принцип подхода к действительности как развивающейся во времени. Предполагает рассмотрение объекта как системы, закономерности его развития <...>».⁵⁰ Следовательно, историзм в искусстве предполагает художественное освоение конкретного исторического содержания эпохи, ее неповторимого облика и колорита; предметом изображения становятся тенденции общественного развития, раскрывающиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах персонажей. А. В. Ващенко в статье «Мы – ваша совесть» (1998) отмечает, что воссоздание, возвращение своей истории, ее осмысления – это задача насущная и для этнических литератур. Известный венгерский ученый Петр Домокош утверждает: «История малочисленных народов является частью русской истории. Даты больших исторических событий и в их жизни и культуре являются рубежными (например, взятие Казани, сибирские походы Ермака, восстания Разина и Пугачева, революции 1905 и 1917 годов, первая и вторая мировые войны и т. д.). Но помимо их следует <...> принять во внимание <...> те специфические об-

⁴⁹ Большой энциклопедический словарь / Под ред. Е. Е. Узловой. – М. : Дрофа, 1999. – С. 92.

⁵⁰ Иллюстративный энциклопедический словарь / Под ред. Т. В. Фирсановой. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 281.

стоятельства, местные события, войны, восстания, деятельность значительных личностей, создание институтов, выход в свет изданий <...>, которые являются собственностью истории народа, ее этапами, узловыми событиями». ⁵¹

В произведениях Айпина видим стремление запечатлеть культурно-историческую реальность. Прозаик иллюстрирует события истории российского государства начала XX века в рассказе «Клятвопреступник» и в пьесе «Красная нарта»; пишет о Великой Отечественной войне и ее влиянии на судьбы людей в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари», рассказе «В окопах или явление Екатерины Великой»; соединяет события истории страны с событиями региональной истории, например, Казымским восстанием, в романе «Божья Мать в кровавых снегах», историко-политический и социальный контекст событий 90-х гг. XX века звучит в рассказах последней книги прозаика «Река-в-январе».

Произведениями писателя постигаются черты народа ханты, его религиозность, порядок государственного устройства, географические особенности региона, – все то, из чего складывается культурно-историческая специфика. О том, что для упрочения и обогащения культуры народа важно обращение писателей к «национальным темам» и мыслям о «родном крае», говорил один из ведущих американских критиков середины XIX века Э. О. Дайкинк. ⁵²

Существенным звеном художественной тематики творчества Айпина оказываются явления исторического времени. В. Ходасевич утверждал, что для искусства важна современность автора, что он должен «дышать воздухом своего века, слышать музыку своего времени». ⁵³ Ту же мысль в 1860-е годы выражал лидер культурно-исторической школы И. Тэн, настой-

⁵¹ Домокош, П. Формирование литератур малых уральских народов. – Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1993. – С. 90–91.

⁵² Дайкинк, Э. О. Национальное в литературе // Эстетика американского романтизма. – М. : Просвещение, 1977. – С. 373–375.

⁵³ Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 4-х т. – М. : Высш. шк., 1997. – С. 150.

чиво соотносивший художественное произведение с «общим состоянием умов и нравов окружающей среды».⁵⁴

Художественные произведения Айпина с убедительностью свидетельствуют о богатстве культурно-исторической реальности. «Произведения художественной литературы и искусства – важный источник для понимания менталитета времени их создания <...> и для знания конкретных «исторических обстоятельств», особенно быта <...> тем самым художественная литература и искусство приобретают значение источников, важных для историографических наблюдений»,⁵⁵ – писал С. О. Шмидт.

О. К. Лагунова, анализируя роман Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах», подчеркнула: «Реалии истории в этом произведении Е. Д. Айпина органично уживаются с мифом. Уже в прологе возникает образ неуловимого народного мстителя, шамана, вождя Сени Малого, не желающего покидать (а значит уступать) священную землю. И когда в эпилоге речь пойдет о том, что через десять лет найти живого участника Казымского восстания было очень трудно, вновь воскресает имя человека-легенды, которого люди каждой реки считали своим».⁵⁶

Большинство советских историков вполне искренне считали, что советская власть спасла народы Севера от вымирания. Но была и другая правда, которую знали не все. Не знали о том, как вначале 1930-х годов бунтовали ханты Казыма. Есть как официальные версии истории, так и научные. Все они учитывают только беспристрастные объективные факторы, которые тоже почему-то нередко проявляют свою противоречивость и нестабильность. Благодаря этническим литературам, имеется этноисториография – та картина истории, какой ее видит данный этнос, в том числе и картина, представленная в народной традиции. Существуют и косвенные источники – исторические сказания, песни, легенды.

⁵⁴ Тэн, И. Философия искусства. – М. : Русло, 1996. – С. 187.

⁵⁵ Шмидт, С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. – М. : Олимп, 1997. – С. 102.

⁵⁶ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 181.

Народная традиция сохранения истории сильно влияет на рождение новых художественных решений. Так произошло с романом Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Автор находит архивные документы, содержащие ошеломляющие сведения о жутких деяниях большевистского времени, десятилетия хранившиеся под грифом «секретно», и помещает их в качестве приложения к роману.

Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова отмечают: «По словам Айпина, конфликт назревал давно, когда в 1931–1932 годах начались трения между остяками и местными властями, когда сотрудники ОГПУ арестовали в верховье реки Казым четырех авторитетных и зажиточных остяков. Автор тщательно следит за углублением наметившегося конфликта и видит причины восстания в стремлении народа отстоять свою свободу и независимость. Сохранить свои нравы и святыни, добиться освобождения своей земли от террора и насилия. Как пишет Айпин, остяки «хотели жить на своей земле. Хотели жить по своим обычаям и традициям, со своими радостями и болями, со своими богами и богинями». <...> трагический финал произошедших событий передан в Эпiloге, будучи подкрепленным целым рядом архивных документов, вынесенных в приложение к книге. Таким образом, история Казымского возмущения проходит через всю книгу, придавая ей острую публицистичность и документальную аргументированность. У читателя все время рождается ощущение того, что он присутствует при раскручивающемся «колесе времени» и оказывается свидетелем «перевернутого хода жизни», возникшего с приходом на остяко-вогульские земли красных».⁵⁷

У хантыйского прозаика история эпохи вкрапляется в роман, принимает вид рассказа о конкретных исторических событиях. Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» показывает мастерство писателя в воссоздании живой картины эпохи начала XX века. Роман отличает сложная система образов, включающая в себя и исторические лица, и вымышленных героев. Так, в романе мы можем встретить имена исторических и культурных дея-

⁵⁷ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 112.

телей, с которыми соотносится вполне конкретное историческое время: Петра Первого, Меньшикова, императрицы Екатерины, императора Николая, Наполеона Бонапарта, Ленина и Сталина, Троцкого, Колчака, Тухачевского и других.

Автор рассказывает, что хантыйские семьи живут обособленно, и чтобы добраться до соседнего стойбища, нужно пройти не один километр пути. В романе «Божья Мать в кровавых снегах» действие происходит не только в Сибири. С офицером мы попадаем в Царское Село во дворец на обед к императору, в послевоенную Европу.

Айпин мастерски, детализованно передает художественным словом подробности одежды, бытового окружения: «Она поставила на шкуру-волокушу люльку с Саввой и сложила все остальные вещи: маленький топорик, ружье, дорожный мешок с посудой, какое-то тряпье и легкую лебяжью ягушку <...>». ⁵⁸ Но писатель не превращает свои романы в перечень предметов, вещей, исторических реалий. Описания вещного мира у него – фон, который является необходимым сопровождением быта, жизненного уклада хантыйского народа.

Помимо передачи колорита эпохи, вещественности окружающего мира, это тонко дополнило психологическую характеристику героев. Прочитав эпизод, в котором рассказывается, как Мать Детей применила древний метод лечения при обморожении, мы поражаемся ее мужеству и стойкости: «<...> она принялась лечить свои пятки. Из дорожной мужской игольницы она вытащила самую толстую иголку и толстую нитку. Водя ниткой по бокам закопченной кружки-чайника, со всех сторон покрыла сажей. Иглу тоже смазала сажей. Потом, стиснув зубы, без единого оха и вздоха, прошила большими стежками сажевой ниткой левую обмороженную пятку. После, сменив нитку на новую, со свежей сажей, то же самое проделала с правой пяткой». ⁵⁹ Эти же функции выполняют и все детали быта и интерьера, использованные писателем.

⁵⁸ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 202.

⁵⁹ Там же. С. 201.

Герои Айпина ощущают свое родство с миром, всеединство людей, зверей, природы. Это чувство – важнейшая особенность хантыйского национального характера. Ежедневные обряды, обычаи, исполняемые ими, воспринимаются не как историческое прошлое народа, а как сегодняшняя жизнь.

Рассматривая те или иные факты региональной истории, необходимо обращаться к документам, подтверждающим события, что и делает прозаик. По поводу оценки Казымской трагедии у историков до сих пор нет единого мнения. А. Головнев в монографии «Говорящие культуры» по этому вопросу представил только архивные материалы, отражавшие точку зрения чекистов 30-х годов. Другая точка зрения у О. Д. Ерныховой. В монографии «Казымский мятеж» она считает, что во всем были виноваты приезжие комиссары, которые хотели навязать кочевникам свою волю. Свидетели того времени объяснили причину случившегося: советская власть стала собирать хантыйских детей в интернаты, ничего не объясняя родителям. Решив, что детей больше не увидят, родители в отчаянии стали с оружием сопротивляться этому угону. Из Центра была послана делегация с целью умиротворения коренных жителей. Но поведение «миротворцев» было так оскорбительно для местного населения, что привело к казни пришельцев. После этого последовала страшная месть советской власти: всех мужчин и мальчиков старше 12 лет увезли, отняли оружие, полностью конфисковали имущество местных жителей – меха, зимнюю одежду, съестные припасы, и обрekli тем самым на голодную смерть оставшихся женщин и детей.

В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» реалии истории (Казымское восстание) обозначены ссылкой на «документы того времени». С предысторией Казымского восстания читателя в романе знакомит командир красных – Чухновский. От него же мы узнаем об ультиматуме «всего остяцкого и самоедского народов» верховья Казыма. Автор приводит в тексте некоторые пункты этого ультиматума.

Фактографическая насыщенность романа – это фундамент айпинского мира, материал, из которого строится более сложная и многозначная художественная реальность. Соотношение до-

кументального факта и свободного творческого вымысла создает энергетику романа.

Айпин связал решение проблем истории с коренным, фундаментальным свойством человека – свободой. Свобода человека проявляется в гармонии между ним и природой, космосом, в отношениях между людьми. И точку нравственной опоры автор видит в присущей каждому человеку стихии внутренней свободы. Но не менее очевидно, что эта гармония зависит от его же поступков, действий.

Интересен процесс исторического движения в произведении Айпина. Он вытекает из противоречивости самого автора. Писатель утверждает, что все происходит по воле Верховного отца, высших сил. Айпин допускает, что фатализм в истории неизбежен: «И если будет суждено им (остякам) волею Верховного отца покинуть навсегда свою землю, то последние остяки уйдут с достоинством <...>». ⁶⁰ Здесь же прозаик утверждает, что основное движение человечества создается всеми людьми, живущими на земле, через их стремление к своим частным целям. В сюжете романа «Божья Матерь в кровавых снегах» автор в доказательство этому использует отрывки из документа – ультиматум 1933 года, в котором 80 семей остяков и самоедов верховья Казыма предъявляли требования к новой советской власти.

В истории бывают такие личности, которые необыкновенно ярко и полно воплощают в себе дух эпохи. Такой символичной фигурой был русский царь. На протяжении всего романа автор несколько раз переходит от событий, происходящих в Сибири, к судьбе царской семьи. Все эти переходы говорят об айпинской теории: и маленькие люди, и носители крупных исторических имен оказываются на поверку в одинаковой мере жертвами исторического процесса. Айпин идеализирует образ императора, отводит ему роль символа России, русского народа, православной веры, символа Отечества. Но этот исторический деятель – государь – наименее свободен. В романе «Божья Матерь в кро-

⁶⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 191.

вавых снегах» описаны такие исторические эпизоды, когда царь действительно оказался не хозяином, а исполнителем истории. Айпин видел во внезапной перемене участи, в славе и крушении еще недавно могущественного человека подтверждение своей концепции исторического фатализма – предопределенности событий: она складывается из божественного промысла. Но тут же допускает: «А ведь история могла пойти по-другому».⁶¹ И он убежден, что судьба России, возрождение ее зависит от воли одного человека – нового русского царя. Личные интересы других героев романа (Белого, Отца Детей) отошли на второй план, первостепенны для них решения общих проблем.

Читая о русском царе, ощущаем мотив свободы (утраченной с приходом Красных). Упоминаются все виды свобод, которые имели ханты до революции (при Белом Царе): свобода выбирать труд по сердцу, свобода вероисповедования, свобода жить на своей земле и в своем доме, свобода быть тем, кто ты есть по рождению. Образ утраченной свободы в романе становится основным.

«Русский царь оказался мудрым: в дела остяков почти не вмешивался и не пытался бездумно поломать привычный уклад их жизни. По его воле остяками продолжали руководить сами же остяки. Остяцкие князья, получив еще и княжеские титулы от русского престола, продолжали управлять делами остяцкого народа уже от имени самого государя-императора».⁶² Подтверждая сказанное, Айпин приводит документ, в котором говорится о титулованном остяцком княжеском роде Тайшиных.

Описывая русского царя, автор создает ореол величия. За этим ореолом не видно человека. Образ последнего российского императора воспринимает через мысли, размышления Белого, через диалоги между Белым и Отцом Детей. Не давая ни психологические сюжеты о русском царе, ни сюжеты о его внешности, Айпин не хочет отойти от истории. Он не решается предложить определенное решение для раскрытия характера истори-

⁶¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 237.

⁶² Там же. С. 156.

ческого лица, сам принимает его так, как он подан в истории. Образ русского царя – это не просто образ, мирно сосуществовавший с хантыйскими представлениями о правильном устройстве мира, герой-повествователь дает национальное толкование определения русского царя «Белый»: «Белый цвет – этот цвет жизни у остяков».⁶³

Мотив свободы порождает чувства бессилия и безнадежности у Отца Детей и у Матери Детей, но, прежде всего, – у русского офицера. Это чувство воплощается в слове «Белый». В сознании ханты в этом слове сливаются не только сакральность русского полубожества и северных высших сил, но и безвинность загубленных душ царской семьи и всего хантыйского народа.

Война, начатая с приходом к власти красных, напоминала бойню. Но даже исполнителю этой бойни Чухновскому Айпин дает право на свою веру. Это не просто убийца, он – теоретик, размышляющий о смысле войн вообще, сравнивающий сражения, которые уже прошел, с войной на остяцких землях. На гражданской войне ему все было понятно: где белые, где красные, где передовая, а где тыл. А тут есть простор, который позволяет безнаказанно творить, что хочешь. Но есть и снег по пояс, непривычная пища, непредсказуемая погода, да еще пуля из-за любой белой кочки. Чухновский выполняет приказы, но пытается осмыслить их. И что советская власть – это народная власть, и что народ ее должен любить и уважать, вызывает у него сомнения, так как он не может понять, почему же народ поднялся против этой своей власти: «Если бы это была кучка, небольшая группа, то местные карательные органы сами бы с ней справились, не стали бы вызывать на помощь войска с аэропланами. Все на много серьезнее».⁶⁴ И он делает вывод, что гражданская война на Севере – клятвопреступничество победителей, так как сложивших оружие, вместо выполнения обещания даровать им жизнь, расстреляли. Это война Чухновскому была не по нутру, но он никого не щадил: ни мужчин, ни стариков, ни женщин, ни

⁶³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 145.

⁶⁴ Там же. С. 82.

детей. Представитель новой советской власти остается верен своим жизненным установкам. Он понимает, что война с остяками бессмысленна, но он будет их вылавливать, преследовать, уничтожать, как велит ему долг офицера, находящегося на службе в армии. Чухновскому не нужна вера, поскольку это «опиум народа». В безбожии он черпает силы, безверие (точнее вера не в Бога, а в самого себя) ведет его к победе.

Любая война вскрывает в одних людях самые наилучшие черты, качества, в других – низменность, жестокость, бездушие. Таким является помощник Чухновского – Мингал. Как средство его психологической характеристики автор использует художественный прием «жест персонажа». Иначе можно сказать, что Мингал говорит о себе языком жестов и жесты эти не человеческие: «Командир увидел, как от удивления мышиные, с пакостливой пленкой глаза помощника почти вылезли из орбит»,⁶⁵ «Визгливо, по-собачьи, залаял Мингал».⁶⁶ Если Чухновский размышляет, думает, то Мингал – нет. Он только исполняет приказы, и исполняет изобретательно и безжалостно: «Так уж старался, что чуть ли не выворачивался из собственной шкуры».⁶⁷ Чухновский называет его «гадом». Этот «жест» – последовательно фиксируемые мимика и движения – заменяет внутренние монологи и самоанализ героя, а также авторскую характеристику. Мы можем только догадываться, что за нутро у этого помощника. Автор дает понять, что при удобном случае он может предать и своих.

В романе Айпиным реализована главная задача писателя – заставить слушателя заново пережить и осмыслить трагические события давно минувших лет. С приходом войн, революций общая картина жизни любого народа резко усложняется: жизнь предстает в дисгармонии, это мир множества людей, драматических событий, борьбы. Важнее всего, однако, что в поле зрения героев теперь национальная и общественная жизнь страны.

⁶⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 24.

⁶⁶ Там же. С. 58.

⁶⁷ Там же. С. 249.

3. Языческие и христианские мотивы

В современном литературоведении термин «мотив» используется в разных значениях и контекстах, отсюда и различие толкования этого понятия. В учебнике «Теория литературы» под редакцией Н. Д. Тмарченко говорится, что «мотив – любая единица сюжета (или фабулы), взятая в аспекте ее повторяемости, типичности, т. е. имеющая значение либо традиционное (известное из фольклора, литературы; из жанровой традиции), либо характерное именно для творчества данного писателя и даже отдельного произведения»,⁶⁸ «Мотив может быть выражен в тексте всего лишь одним словом, однако при этом заключать в себе широкий и глубокий смысловой контекст».⁶⁹

При рассмотрении религиозных мотивов в романе выявляется тесное переплетение языческих представлений и верований народа ханты с православными христианскими традициями. Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова пишут: «Еремей Айпин раскрывает не только обычаи и нравы, но и верования. Он показывает причудливое соединение у остяков двух религий – христианства и остатков язычества. Так, его земляки считают, что православная икона оберегает человека в доме и во дворе, а за их пределами вступают в силу их остяцкие боги и богини, например, боги земель и вод. Эта особенность имеет исторические корни: в свое время русские священники окрестили всех остяков, и в каждом доме была православная икона. Но и древние языческие представления у них чудесным образом сохранились».⁷⁰

На протяжении нескольких столетий шло насаждение христианской веры в ее православной форме северным народам, что привело к поголовному крещению жителей, это многократно

⁶⁸ Теория литературы : в 2-х т. / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Академия, 2004. – С. 194.

⁶⁹ Там же. С. 23.

⁷⁰ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 116.

упоминается автором в романе: «Остяки все крещенные»,⁷¹ «<...> все старшее, дореволюционное поколение было крещеным»,⁷² «К тому времени (время царя Петра) русские священники окрестили уже всех остяков, и в каждом доме была икона».⁷³ Несмотря на этот факт истории, исследователи фиксируют, что даже во второй половине XIX века «<...> язычество во многом сохранило свое приоритетное положение в духовной жизни народов Обского Севера».⁷⁴ Естественно, христианизация не прошла бесследно, «традиционные воззрения переплелись с некоторыми элементами христианства <...> например, к христианским святым ханты и манси стали относиться так же, как к духам воды и леса»,⁷⁵ что мы и наблюдаем в произведении Е. Д. Айпина: «Удивительно сплелись две веры – православная и остяцкая. Считалось, русская икона охраняет человека от нечистой силы только внутри дома, поблизости от него. А за пределами дома человек находится во власти языческих богов и богинь».⁷⁶

Христианские мотивы реализуются в романе через икону Божьей Матери и образ Богородицы, связаны в основном с образом Белого офицера, языческие мотивы – в обычаях, обрядах, в культах, описываемых в романе, в мифологической картине мира народа ханты.

Образ главной героини романа Матери Детей сложен. Именно через нее транслирует автор двоеверие народа. В романе появляются три православных образа, знакомые любому человеку: образ Богородицы, образ Христа, образ Иуды. Черты Ирода – библейского кровавого царя, заложены автором романа в Чух-

⁷¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 16.

⁷² Там же. С. 80.

⁷³ Там же. С. 93.

⁷⁴ Кузьмина, А. С. Христианизация коренных народов Обского Севера: Культурологический аспект. – СПб. : Инфо-да, 2004. – С. 96.

⁷⁵ Там же. С. 107.

⁷⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 93.

новского и его окружение, обобщенно палачом выступает в произведении «Красное время».

Образ Богоматери – один из ключевых в романе. Он представлен иконописным ликом святой девы, и ее голосом, видением. Именно иконописному образу Богоматери уподобляет Айпин свою героиню. Не зря образы двух матерей – небесной и земной – путает Чухновский, сходство отмечает и Белый. Героиня сроднилась с иконой, которая была хранительницей их рода не одно поколение, передавалась из поколения в поколение по женской линии, все обладательницы иконы (прапрабабушка Анна, бабушка Мария, мать Веры Саввичны – Дарья) прожили «долгую жизнь», будто и правду их хранила икона Богоматери.

На протяжении всего романа автор подчеркивает сходство образа Матери Детей с образом Богоматери, даже в именах: не Дева Мария, а Божья Матерь, не Вера Саввична, а Матерь Детей. Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова отмечают: «<...> есть в произведении еще один необыкновенный образ Матери. Он изображен на христианской иконе и представляет лик Божьей Матери. Этот образ живет во многих главах романа <...>. Божья Матерь, чья икона висит в остояцком чуме, оберегая людей, молчаливо взирает на происходящий вокруг разбой. О ней вспоминает в своих причитаниях Матерь Детей, на нее печально глядит Белый, осеняя себя крестным знамением <...>; на нее поднимает влажные блестящие глаза героиня, ища у нее объяснения и поддержки. Божья Матерь, казалось, внимательно прислушивается к словам людей о преступлениях XX века. Сердобольная, она проливает слезинку, похожую на прозрачную капельку тающего под весенним солнцем снега. Ее скорбный лик видит бывший белый офицер перед последним мгновением своей жизни.

Художественная функция образа Божьей Матери в романе многогранна. Это не просто икона, а раненная, расстрелянная главарем карателей икона. В сознании персонажей она видится истекающей кровью, с красной пулей в груди. Эта пуля предназначалась для Матери Детей, поэтому Божья Матерь воспринимается как спасительница хозяйки дома от преждевременной гибели. С этой иконой Мать не раз вступает в диалог, вопрошает ее, как жить, мысленно лечит ее рану листовым табаком и пора-

жается тому, что, несмотря на ранение, Божья Матьер сохранила магическую энергию, доброту и силу. Как Матьер и израненная страдалница, она оказалась в романе своеобразным подобием Матери Детей. <...> Наконец, Божья Матьер, как и Матьер Детей, тоже оказалась в кровавых снегах. В этом состоит ее главенствующая роль в произведении, объясняющая смысл емкого названия романа». ⁷⁷

Матьер Детей посещают видения, в которых она общается с Божьей Матьерю, задает ей вопросы, и она ей отвечает: «<...> из глубин ее сознания всплыла Божья Матьер <...> женщина спросила Божью Матьер:

– Как быть?

Ответ был кратким:

– Жить»; ⁷⁸ «Положила голову на согнутую руку, закрыла глаза и направила мысль-вопрос Божьей Матери:

– Как мой Савва?

– Жив, – Ответила Богоматьер.

– Где он?

– У людей». ⁷⁹

Матьер Детей – «земное отражение Богоматери», ⁸⁰ – пишет А. Цукор. О. К. Лагунова доказывает ту же самую мысль: «Пуля оставляет кровоточащую рану в груди Божьей Матери. Ползущая на четвереньках, тянущая шкуру-волокушу с ребенком, Матьер Детей, исчерпав все возможности как-то подкармливать дитя, поддерживает его жизнь сочащейся из надреза на груди кровью. Показательна в этом плане возникающая перед совершенно обессиленной женщиной картина ее последнего дня земной жизни: начало весны, остатки красных спешат на свою базу в Березово; она на вершине крутой горы-сопки, на открытом месте, снизу с удивлением смотрят на нее красные и пленные

⁷⁷ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 122–123.

⁷⁸ Айпин, Е. Д. Божья Матьер в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 242.

⁷⁹ Там же. С. 244.

⁸⁰ Цукор, А. Лишь бы не было лжи и путаницы // Литературная Россия. – 2004. – № 41. – С. 6–7.

остяки; пули летят мимо, не задевая ее; шаг влево, и «приняла пулю в грудь».⁸¹

Айпин часто использует в своих произведениях знаки, символы, предвещающие несчастье в жизни героев. В данном произведении, еще когда на Обском Севере было достаточно спокойно, доносились лишь вести о политическом изменении в стране и бесчинстве «красных», икона Божьей Матери замироточила, по устоявшейся традиции иконы мироточат накануне крупнейших судьбоносных событий в истории страны и народа; Белый, создавая иконы в честь убиенной царской семьи, невольно изобразил их похожими на детей Веры Саввичны и ее мужа, тем самым предсказав их гибель. Произошла своеобразная канонизация живых, вместо принявших мученическую смерть. Еще одно знамение – два ворона, которые сопровождают Матерь Детей в дороге. Согласно устоявшейся символике ворон – птица вещая в славянской культуре. Ворон предвещает смерть, что мы и наблюдаем в данном произведении: «Два ворона летели по-над дорогою. Держались низко к земле. Впереди упряжки. Матерь Детей ждала, что они свернут влево или вправо или поднимутся высоко в небо. Но нет, они не сворачивали с дороги и не устремлялись в высоту. Они продолжали свой полет в том же направлении, куда она ехала с детьми.

Матери Детей это очень не понравилось. И она придержала упряжку, замедлила движение. Но и вороны, заметив это, сделали разворот в сторону, снова нагнали нарту и медленнее стали махать крыльями, словно поджидая путников-людей. Тогда женщина стала подгонять оленей, прибавила скорость. Но и вороны побыстрее зашевелили крыльями, не стали отставать.

Вороны – вещие птицы, что-то хотят сказать, куда-то ведут, – подумала женщина. – Только к хорошему или к плохому?»⁸²

⁸¹ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 208.

⁸² Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : Пакур, 2002. – С. 121.

Главный православный образ – Иисуса Христа – своеобразно воплотился в романе в русском офицере. Однажды упомянув его имя (Петр Николаевич), Айпин, на протяжении всего произведения, именует героя Белым. Выбор цвета не случаен в имени героя. Это указывает и на избранность героя. Белый – не только белогвардейский офицер, это человек со светлой душой, мыслями. Черты мученичества усиливают религиозное восприятие образа. Благая цель героя – молитва о спасении души всех живущих в России – своеобразный крест героя, который он несет с достоинством до последнего часа жизни.

В романе прослеживается путь духовных исканий героя: от потомственного военного до страдальца, богомольца, принявшего на себя все грехи людей и стремящегося отмолить их: «Буду молиться за упокой души государя и его детей, за души всех безвинно убиенных, буду отмаливать свои и чужие грехи».⁸³

Для общения Белого с Богом важны христианские атрибуты: церковь, иконы, не случайно он строит в тайге «Русский Божий дом», рисует иконы, на которых изображает членов царской семьи: «Белый попросил Отца Детей выстрогать семь прямоугольных дощечек, размером чуть меньше столика на одного человека. потом ему понадобилась краска. И Мать Детей помогла ему отварить краску из коры лиственницы. <...> Получив все необходимое, Белый взялся за новую работу с опаской, с внутренним трепетом. Иконы он никогда не писал. Но когда-то увлекался живописью. И сейчас надеялся, что рука после некоторой разминки заработает сама. Он водил указательным пальцем по доске, создавая воображаемый рисунок, потом долго сидел с закрытыми глазами, как бы высматривая что-то невидимое другим. <...> И, к своему удивлению, довольно легко и быстро начал писать портрет императора Николая Александровича. После создал образы Великих княжон и самой императрицы. В его памяти остались лишь основные черты их лиц и характеров, детали время безжалостно стерло. Теперь он двумя-тремя десятками линий и штрихов оживлял лики царской семьи. Каж-

⁸³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 159.

дый день он делал по одной работе. Работал с раннего утра до позднего вечера.

С утра, проснувшись, он сразу начинал думать о том, кого предстояло написать. Сначала рисовал в воображении, лишь потом, к концу дня, брался за кисть. После каждой завершённой работы он чувствовал необыкновенную легкость. Был почти счастлив от осознания того, что ему удалось оживить черты человека, вдохнуть в них жизнь. И с этим легким ощущением счастья он ходил до следующего утра». ⁸⁴ Именно икона Божьей Матери наделяет героя силой для продолжения жизни: «Пробуждаясь, каждый раз он поднимал глаза и крестился на икону, а потом долго и молча смотрел на нее. Ежеутренне он словно проходил по трем мирам: из мира сновидений перебирался в мир Божьей Матери, а оттуда – в мир людей. И в Божьем мире пребывал ровно столько, чтобы получить необходимые силы для продолжения жизни на земле...». ⁸⁵ И умирает он на мраморной садовой скамье у православного храма: «<...> когда он почувствовал, что подступило его последнее мгновение и впереди его уже ничего не ждет <...> пошел к православному храму». ⁸⁶ Смерть героя в саду, дающем душевное умиротворение, – своеобразно воплощенная в романе писателем идея райского сада, куда попадает безгрешная душа в другой жизни. Здесь же отражается и еще одно религиозное представление о бренности тела и бессмертии человеческой души: «Ему хотелось уловить миг, когда его душа отделится от тела и медленно станет подниматься к небу, к Господу Богу. Но Господь не торопится, видно, все размышляет: принять ли его душу. И он знает, почему Тот сомневается. Сколько раз в семнадцатом и в восемнадцатом зывал к Нему: "Господь, спаси и сохрани царя! Господь, спаси и сохрани Россию". А Господь то ли не услышал его молитвы, то ли просто не устоял перед красными. <...> Но Бог милостив... Пред последним земным мгновением он ощутил необыкновенный прилив сил и увидел себя молодым <...> Он набрал воздуха, чтобы

⁸⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 115–116.

⁸⁵ Там же. С. 90.

⁸⁶ Там же. С. 234–235.

скомандовать атаку полку, – и на этом дыхание его замедлилось. Но он и без слов сумел выдохнуть: "За веру, царя и Отечество...". И его белый конь взвился к небесам». ⁸⁷

Противостояние добра и зла, божественного и демонического – главная формула романа. Белому противопоставлены в произведении «красные» – «приспешники сатаны». ⁸⁸ Чтобы усилить это сравнение, автор наделяет предавшего свой народ каюра именем Иуда, и награду он получает столь же ничтожную, что и библейский прототип: «А этому остяку что пообещали власти за предательство? Каждый вечер по кружке спирта? За каждую отнятую жизнь глоток водки?». ⁸⁹ Так в романе появляется еще один образ из библейской истории. Айпин рассказывает и историю героя со столь говорящим именем, подчеркивая не столько внутреннюю слабость героя, сколько предрешенность его судьбы именем: «Может, и прав салымец Иуда, проводник, разведчик и переводчик. <...> Иуда. Ну и имя ему досталось! Под стать его натуре. А получил он его просто. Остяки все крещенные. При крещении поп, может спьяну, почти всех на этой реке окрестил Иудами. Имя прижилось здесь, почитай, с восемнадцатого века. <...> ПроЙдоха, конечно, порядочный этот Иуда-салымец, но без него никуда». ⁹⁰ Продажность героя отталкивает от него командира красных Чухновского: «Знаешь, Иуда, если после войны тебя свои не прикончат, то, может статься, я тебя пристрелю... За твою продажность!

– Не бойсь, командир, сам застрелюсь! – почти весело пообещал проводник.

– Во-о гад!.. <...>

С гражданской войны он не жаловал перебежчиков. Знал, что такие рано или поздно все равно продадут». ⁹¹

Идея спасения в вере не нова в литературе. Эту идею проносит в романе Белый, в вере видит спасение и Отец Детей: «Жаль его.

⁸⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 237–238.

⁸⁸ Там же. С. 106.

⁸⁹ Там же. С. 16.

⁹⁰ Там же. С. 16.

⁹¹ Там же. С. 15–16.

Больно за его искромсанную самими же русскими светлую и добрую душу. И, к сожалению, никто не в состоянии помочь ему.

Разве что русский Бог?

Разве что возведенный им Божий дом?

Разве что Божья Матерь?

А Божья Матерь, казалось, внимательно прислушивалась к горьким словам людей о судьбе русского царя и его детей, о судьбе русского народа и о судьбе Белого человека, попытавшегося в одиночку предотвратить самое страшное и гнусное преступление двадцатого века на Земле, молча уронила слезу.

И в притихшем доме каждый подумал о своем. Кто о слезинке сердобольной Божьей Матери, кто о прозрачной капельке тающего под весенним солнцем божьего снега на крыше.

Но в конечном итоге все: и то, и другое – от Бога...».⁹²

Символом православной веры выступают в романе и религиозные сооружения: храм в Европе, Божий дом – часовня на Севере. Все храмовые сооружения так или иначе связаны с Белым: «Белый в лесу возводил часовню. Внутри – четыре шага в длину и четыре шага в ширину. В высоту – четыре аршина, или двенадцать лесных фей. Башенка-колокольня с четырьмя квадратными окошечками на четыре стороны света в два аршина в высоту, или восемь фей. И все это над четырехскатной крышей, покрытой берестой и колотым тесом. <...> Когда строительство было закончено, когда одноглавая часовня прочно встала на землю, над ней поднялся крест».⁹³

Образ сада, в котором завершается земной путь Белого, имеет символическое значение. Во времена зарождения христианства сады часто служили местом отправления религиозных обрядов и молитв, в Священном Писании упоминается о саде Гефсиманском, в котором Господь часто бывал с учениками своими, и где Он пред своими страданиями молился до кровавого пота;⁹⁴

⁹² Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 138.

⁹³ Там же. С. 114–115.

⁹⁴ Библейская энциклопедия. – Репринтное издание. – М. : ТЕРРА, 1990. – С. 615.

кроме этого, дефиниция слова «рай» в переводе с персидского обозначает сад – «так названо прекрасное жилище первого человека, описанное в книге Бытия». ⁹⁵ Образ сада в художественной литературе и в подсознании христиан по-прежнему остается символом рая, куда и попала душа героя: «И его белый конь взвился к небесам...» ⁹⁶

Еще один образ Святой Троицы своеобразно воплощается в романе писателем; он уточняет – «небесно-земная троица», которая выступает очередной иллюстрацией двоеверия в романе.

Языческие верования раскрываются в романе через особое миропонимание народа ханты, реализуемое в почитании духов огня, Земли, небесных светил (культ которых присутствует в произведении), в космогонических представлениях, в этнографических описаниях, в обрядах, в обычаях остяков.

В романе реконструируется вертикальная картина Мира, согласно которой «Вселенная делится на три космические зоны: небо, землю и подземный мир». ⁹⁷ Монолог о мироустройстве автор вложил в уста Отца Детей: «Отец Детей неспешно стал рассказывать, куда, по остяцким верованиям, уходит человек. Все земные люди, умирающие своей смертью, попадают в Нижний Мир, мир ушедших. Этот мир располагается прямо под Средним Миром, миром людей, то есть под землей. Этот мир для простых смертных. А воины, погибающие в бою, и люди, преждевременно погибающие не своей смертью, уходят в Верхний Мир, мир богов». ⁹⁸

«Мифические персонажи, обитающие во всех трех мирах, предстают в качестве общих обско-угорских духов, возвеличенных до статуса божеств и образующих языческий пантеон». ⁹⁹

⁹⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 594.

⁹⁶ Там же. С. 238.

⁹⁷ Кузьмина, А.С. Христианизация коренных народов Обского Севера: Культурологический аспект. – СПб. : Инфо-да, 2004. – С. 31.

⁹⁸ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 135.

⁹⁹ Кузьмина, А. С. Христианизация коренных народов Обского Севера: Культурологический аспект. – СПб. : Инфо-да, 2004. – С. 31.

Хозяином Верхнего мира является небесное божество Торум, он распоряжается судьбами людей, управляет животными, может наказывать и помогать: «<...> командир попросил деда: "Укажи дорогу к Божьему дому". – "Нет, не укажу". – "Почему?". – "Если я открою тебе дорогу, Бог меня накажет, и я умру". – "А если не покажешь, так от моей руки можешь помереть..." На что мудрый дед возразил: "Это уже как мой Бог решит, не от твоей воли зависит". Командир ему: "Я решаю, а не твой Бог!" Дед опять возразил: "А мой Бог поворачивает твой ум. Куда захочет, туда и повернет. Как он захочет, так и сделаешь"». ¹⁰⁰ Когда Белый стал извиняться, за то, что он стал нахлебником в семье, Отец Детей «успокоил его:

– Про это дело не беспокойся – не мы тебя кормим-поим...

– А кто же?

Хозяин кивнул в сторону неба:

– Наш Верховный Отец.

– Каким образом?

– Он пошлет в мои сети-невода лишнюю рыбку, на мои стрелы-пули – лишнюю птицу и лишнего зверя, в мое стадо – лишнего оленя. Для гостя, а ты у нас гость. Он прибавит мне немного удачи во всех делах». ¹⁰¹

Огонь в произведении – «главный хранитель дома и жизни» ¹⁰² – живое существо «всесильное и всевидящее», ¹⁰³ способное «очищать», ¹⁰⁴ для него запасают «пищу» – дрова, его благодарят за тепло, главная героиня даже клянется огнем, когда защищает своих детей от главаря красных Чухновского: «Говорю: не стрелял – видит огонь! – и она кивнула в сторону очага в центре чума, где догорал костер». ¹⁰⁵

Особое место в культуре ханты, занимает культ Земли. Ее имя табуировано, об этом автор пишет не только в романе, но и

¹⁰⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 81.

¹⁰¹ Там же. С. 98.

¹⁰² Там же. С. 37.

¹⁰³ Там же. С. 9.

¹⁰⁴ Там же. С. 47.

¹⁰⁵ Там же. С. 9.

в ранних своих произведениях, например, в повестях «Я слушаю землю» (1983), «У гаснущего очага» (1998): «<...> нельзя часто повторять священное имя Той, что держит нас: Земля!.. Только в особо значительных случаях, на больших торжествах-праздниках, а также в критическую минуту, когда зывают о помощи, – вот тогда называют Ее этим высоким именем – Земля! А в повседневной жизни зовут просто Сидящей».¹⁰⁶ А в романе автор уточняет – «Сидящая, или Сидящая Матерь».¹⁰⁷ Земля – мать всего живого на земле, она тоже оплакивает своих детей: «Матерь Детей взялась за сооружение последнего пристанища для ушедших из жизни. Земля на поляне <...> за зиму окаменела от морозов. Обледеневшие комья, разлетаясь черными слезами Сидящей, сыпались на белый снег».¹⁰⁸

О. К. Лагунова пишет о том, что «Божья Матерь в романе ассоциируется не только с иконой, но и с образом той, которая дает и оберегает жизнь».¹⁰⁹ Так ханты именуют Богиню Калтащ, которая является хозяйкой Среднего мира – «<...> богиня-покровительница женщин и новорожденных. По своей значимости она близка к таким древним мифическим образам, как Матерь-земля и Матерь-огонь, эти божества слились воедино в образе Калтащ».¹¹⁰ «Под влиянием христианства Калтащ стала восприниматься местным населением как Богородица».¹¹¹

В трудную минуту Матерь Детей обращается с просьбой о помощи к Солнцу и Месяцу: «Она ползла и молилась Солныш-

¹⁰⁶ Айпин, Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во ; Москва: ЗАО «Фактория Арктики», 1998. – С. 235.

¹⁰⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 31.

¹⁰⁸ Там же. С. 38.

¹⁰⁹ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах») // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 208.

¹¹⁰ Кузьмина, А. С. Христианизация коренных народов Обского Севера: Культурологический аспект. – СПб. : Инфо-да, 2004. – С. 31.

¹¹¹ Там же. С. 32.

ку-Матушке. Ведь Солнце было Матушкой всех земных людей. Солнце было красавицей-женщиной. Солнце было богиней. А богине можно молиться. С богиней можно поговорить <...> ночью она призывала на помощь Месяца-Старика. Он тоже был богом. Во всех молитвах его связывали с Солнцем, подразумевая, что они муж и жена <...> сейчас мать посылала мысль-молитву: «Месяц-Старик, со своей высоты на меня взгляни, силы мне дай и дух мой укрепи, до человеческого жилища добраться помоги!».¹¹²

В тексте упоминается еще одно божество, уходя с кладбища, Мать Детей обращается к покойным: «Здесь Гром-Старик и Медведь ходят. Отсюда вы обратно возвращайтесь, дальше за нами не ходите...».¹¹³ Имя «Гром-Старик» отправляет нас к одному из ранних произведений Айпина, из которого мы узнаем, что «Гром-Старик – это добрый бог. Он летает по небу и зорко смотрит на землю. И как только увидит злого Духа, который обычно прячется под деревом, прильнув к стволу, так с грохотом бьет по нему стрелой».¹¹⁴

С детальной точностью в романе описан погребальный обряд, занявший несколько страниц в произведении. Он в полной мере отражает миропонимание остяков: из него тоже можно вычленить информацию о вертикальной картине мира, о вере в то, что и в Нижнем мире люди продолжают жить, только уже «обратной жизнью»¹¹⁵ и им необходимы все предметы, которыми они пользовались при жизни в Среднем мире; о количестве душ, имеющих у женщин и мужчин, и многое другое. Не все души умерших отправляются в Нижний мир: «<...> воины, погибающие в бою, и люди, преждевременно погибающие не своей

¹¹² Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 220.

¹¹³ Там же. С. 47.

¹¹⁴ Айпин, Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во ; Москва : ЗАО «Фактория Арктики», 1998. – С. 66.

¹¹⁵ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 33.

смертью, уходят в Верхний Мир, мир богов <...> души, пройдя по шести ли Небесным Слоям, по семи ли Небесным Слоям, снова возвращаются на Землю».¹¹⁶ Языческие мотивы раскрывают идею реинкарнации, перерождения и возрождения не только человека, но и целого народа и всей страны: «И Белый Царь, побродив по Небесным Слоям необходимое число лет и зим, вернется на Землю. Душа его нетленна. Душа его бессмертна <...> и снова Белый царь взойдет на свой трон и начнет править Россией, русским народом...».¹¹⁷

Языческие представления народа раскрываются и через символику цвета. Белый цвет в культуре многих народов – цвет чистоты, невинности, а в хантыйской культуре – это еще и «цвет жизни», «божественный цвет». Белых оленей «вручали Верховному Отцу или его сыновьям и дочерям», «белые одежды <...> оберегали от невзгод человека».¹¹⁸ Белый снег – «божественный снег», и путь богомольца Белого лежит через Север «по снегам». И в названии романа заложена эта идея: кровавые снега – оскверненные священные места.

Для Е. Д. Айпина уже стало характерным внедрение в романы публицистических вкраплений, когда автор прямо, либо косвенно, вкладывая в уста своих героев, заявляет о своем мнении, гражданской позиции. Так, он размышляет о вере устами Демьяна, героя романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990): «Все они (*люди – Е. К., Н. К.*) нуждаются в простой вере, которая объединяет их, которая зовет их к доброте и справедливости. Пусть символом этой веры будет бог. Может быть, его нет вовсе. Но что-то должно объединять людей, связывать их. Можно это объединяющее начало называть не богом, а каким-нибудь другим словом. Это все равно. Главное – чтобы в людях была простая вера во что-то или в кого-то. С помощью этой веры они ищут Высшую Истину Жизни».¹¹⁹ К этим же мыслям он возвра-

¹¹⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 135.

¹¹⁷ Там же. С. 135–136.

¹¹⁸ Там же. С. 146.

¹¹⁹ Айпин, Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 133.

щается и в романе «Божья Матерь в кровавых снегах». Вера, по мнению автора, главное, что поможет выжить народу в «смутные времена». Через синтез христианских и языческих мотивов Айпин показывает единство всех народов России, и не важно, какому Богу ты молишься, главное, чтобы в тебе была вера, помогающая остаться человеком, а без веры люди «озверели, утратили человеческий облик»,¹²⁰ «<...> без Бога в нем (в человеке – Е. К., Н. К.) просыпаются самые низменные страсти. Он становится разбойником, бандитом, вором, начинает все крушить на своем пути и в конце концов уничтожает самого себя».¹²¹

Таким образом, мы видим, что языческие мотивы реализуются в романе через этнографические описания и религиозные представления народа. В произведении представлены космогонические воззрения народа и пантеон божеств, во главе которого находится Верховное Божество – Торум. Кроме Торума, в тексте фигурируют такие божества, как «Сидящая», «Солнце-Матуша», «Месяц-Старик», «Гром-Старик». Христианская религия представлена через храмовые комплексы, через иконы, через канон вознесения и причисления к ликам святых, через создание образов, балансирующих на грани жизненно-бытового и религиозного сознания. Это Вера Саввична, соотносимая с образом Богородицы, это Белый, в котором сочетаются черты и мученика, и пророка, который отождествляется с образом Христа. Это и образ Иуды. И прозрачная параллель с библейским царем Иродом. Пророчества, фиксируемые автором в романе, носят конкретный символический характер: схожесть ликов икон, созданных Белым, с лицами детей Веры Саввичны; слеза, скатившаяся с лица Божьей Матери; два ворона. Две веры: христианская и языческая соседствуют друг с другом, дополняют друг друга. Автор показал двоеверие хантыйского народа, сложившееся под влиянием русской культуры в течение нескольких столетий.

¹²⁰ Айпин. Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 108.

¹²¹ Там же. С. 106.

4. Мотив дороги в романе

Понятие дороги в мировой литературе рассматривается с точки зрения фольклорной и философской традиции. Фольклорное понимание образа дороги берет свое начало от мифологии и связано с приметами, отношением к дороге, как к живому существу, а философское понимание образа дороги было представлено в русской литературе XIX века в творчестве П. А. Вяземского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина. По мнению Ю. Лотмана, дорога, как форма линейно направленного пространства «становится удобным художественным языком для моделирования темпоральных категорий («жизненный путь», «дорога», как средство развертывания характера во времени)».¹²² В творчестве Е. Д. Айпина мотив дороги вобрал все эти элементы.

Отчетливо он проявляется и ярко прослеживается в последних двух романах «Ханты, или Звезда Утренней Зари» и «Божья Матерь в кровавых снегах», в которых автор рассказывает о судьбе своего народа в свете исторических событий первой половины XX века.

Основные сюжетные линии романа «Божья Матерь в кровавых снегах» строятся на перемещении главных героев в пространстве: Матерь Детей идет на Аган к людям, чтобы спасти своих детей; Белый едет на Север, чтобы спасти царскую семью, а после ее смерти идет через Северный ледовитый океан в Европу, к своей семье; Чухновский приезжает в Остяко-Вогульский округ и разъезжает на оленьих упряжках по его просторам для подавления восстания. Кроме главных героев в движении находятся и второстепенные: Маша Оболкина, бросившая мужа и последовавшая за Чухновским ради женского счастья; семья ненцев, вступившая на тропу войны из-за смерти сына; молодожены, ставшие очередной жертвой отряда красных; гонцы, ехавшие поднимать народ; Сеня – неуловимый мститель, который не участвует в развитии сюжета и появляется только в прологе и в эпилоге как символ непокорности

¹²² Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. Избранные статьи : в 3-х т. – Таллин : Александра, 1993. – Т. 1. – С. 414.

всего народа. Все это – не просто движение персонажей, служащее для развития сюжета, – это жизненный путь, который выбрали герои под влиянием окружающих людей и обстоятельств. Таким образом, мотив дороги представлен в произведении традиционно с философской точки зрения: дорога – жизненный путь героев произведения.

Авторская позиция в данном произведении не однозначна. Он осмысливает жизнь через понятие дороги и через нить: «она накрепко уцепилась за тонкую и хрупкую нить жизни»,¹²³ и «Все они думали о том, кто наделяет удачей, кто оберегает дом, кто плетет-нашептывает долгую и счастливую жизнь...»,¹²⁴ «Ехала Мать Детей, потихоньку погоняя оленей. Мгновения медленно наматывались на клубок ее жизни».¹²⁵

В фольклорной традиции мотив дороги представлен только в одном эпизоде и проявляется в олицетворении образа дороги: «Дорога привела Матерь с детьми к селению».¹²⁶

С мотивом дороги неразрывно связан мотив встречи. Все герои, кроме полковника Белого, встречаются с отрядом красных под предводительством Чухновского, и эта встреча определяет их судьбу: приносит смерть или в корне меняет жизнь не в лучшую сторону. Семья ненцев неоднократно встречается с отрядом красных: при первой встрече погибает их четырехлетний сын, в результате чего они «встают на тропу войны», при последней встрече они вовлекают в эту войну семью главной героини и погибают сами. Молодая пара, ехавшая повидать родителей жены, попадает в руки отряда Чухновского и погибает. В размеренную жизнь еще одной хантыйской семьи врывается Чухновский и уносит две жизни, а оставшихся в живых приговаривает к медленной смерти от голода и холода: «Без нас подохнут!».¹²⁷

После трагической смерти мужа и старшего сына Матерь Детей отправляется в дорогу, чтобы сохранить жизнь своих детей. Эта

¹²³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 29.

¹²⁴ Там же. С. 99.

¹²⁵ Там же. С. 87.

¹²⁶ Там же. С. 165.

¹²⁷ Там же. С. 24.

дорога постепенно превращается в дорогу смерти. На протяжении всего пути ей не встречается ни одно живое существо, кроме умирающей волчицы. Вместо живых она видит только трупы: «распятого посреди дороги человека»,¹²⁸ «погибших оленей»,¹²⁹ расстрелянных людей в чуме, замерзшего младенца, изнасилованной «молочки».¹³⁰ Один за другим гибнут ее дети. Примечательно то, что они умирают не от голода и холода, как хотелось бы Чухновскому, а в противостоянии с красными, воплотившимися в образе чудовищных железных птиц – аэропланов, которые «в хорошую погоду охотятся за каждым человеком»,¹³¹ сбрасывают связки гранат на все живое, что попадает в поле зрения. От осколочных ранений и погибают Анна, Марья и Роман.

Все столкновения с красными происходят на открытых местах: озерах, болотах, создающих аллюзию первых военных действий на Божьем озере, описанных в прологе романа, являющихся причиной карательных действий красных. Неоднократный возврат к отправной точке произведения закручивает временную и сюжетную «ось» в спираль, воссоздавая древние представления людей о жизни как о цикле, недаром героиня сравнивает периоды своей жизни с кругом: «С ружьем она уже прошла два круга жизни. На первый круг ступила в ранней юности, когда умер отец Савва <...> второй круг одолела после того, как ее первого мужа русские увезли за шаманство <...>, а теперь вступает с ружьем в третий, последний круг своей жизни»,¹³² – и метафорически отображает представление народа о бесконечности жизни и бессмертии души: «<...> души, пройдя по шести ли Небесным Слоям, по семи ли Небесным Слоям, снова возвращаются на Землю».¹³³

Если говорить о том, что на примере одной семьи автор показал типичную для того времени ситуацию (брошенных на произвол

¹²⁸ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 121.

¹²⁹ Там же. С. 123.

¹³⁰ Там же. С. 168.

¹³¹ Там же. С. 64.

¹³² Там же. С. 178.

¹³³ Там же. С. 135.

судьбы людей, без самого необходимого для жизни в бескрайних северных просторах), то вполне логично и естественно, что с жизнью Саввы, как единственного продолжателя рода, автор связывает судьбу всего хантыйского народа: «<...> если Савва спасется, значит и народ спасется». ¹³⁴ Финал произведения остается открытым, несмотря на оставленную автором надежду: «Ей стало легко и хорошо. Начинается новая, небесная жизнь. И впереди радостная встреча с любимыми детьми и мужем. Как хорошо-то, хорошо... Но к реальности ее вернули земные звуки <...> она уловила легкую поступь идущих к ней на помощь». ¹³⁵

Расстрелы и бомбардировка безоружных людей очень напоминает отстрел сайгаков в Моюнкумской саванне в романе Ч. Айтматова «Плаха»: «<...> они скоро забыли о вертолетах и снова затрусили по степи к сайгачьим урочищам, не ведая ни сном ни духом, поскольку им то не дано, что все они, все обитатели саванны, уже замечены, уже отмечены на картах в пронумерованных квадратах и обречены на массовый отстрел...», ¹³⁶ сравним: «<...> полетят наши аэропланы – и все высмотрят с неба, все занесут на карты, зарисуют на бумагу», ¹³⁷ «<...> красные решили никого живым с Водораздела не выпускать. Особенно в южном и юго-западном направлениях. Там на Оби стояли старинные крепости-города Березово, Сургут, Кондинское, Самарово, или, по-новому, Остяко-Вогульск. И красным совсем не хотелось, чтобы весть об их кровавых и бессмысленных зверствах дошла до людей. И поэтому Водораздел они превратили в мертвую зону, в мертвую землю, где надлежало уничтожить всех восставших остяков, успевших скрыться здесь после главного сражения на Божьем Озере». ¹³⁸

¹³⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 240.

¹³⁵ Там же. С. 254.

¹³⁶ Айтматов, Ч. Т. Буранный полустанок ; Плаха: Романы. – М. : Профиздат, 1989. – С. 315.

¹³⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 79.

¹³⁸ Там же. С. 171.

В обоих романах, и в «Плахе» Ч. Айтматова, и в «Божьей Матери в кровавых снегах» Е. Айпина – за зверскими убийствами стоит борьба за власть, с разницей только в масштабах. В первом случае из-за невыполнения плана по сдаче мяса районное начальство могло получить строгий выговор или освобождение от должности, во втором, восстание могло перекинуться на другие территории и, в конечном счете, привести к свержению власти не только в регионе, но и в стране.

Именно стремление обладать неограниченной властью движет многими красноармейцами и, в частности, Чухновским. Он любит войну и военные походы, поэтому все его воспоминания связаны с различными войнами и военными действиями, по которым можно проследить его карьерный рост от младшего командира до командира отряда. Благодаря особому рвению и жестокости проявленной при подавлении Тамбовского крестьянского восстания, отряд Чухновского направляют в Сибирь на подавление остяков, где с самого начала он чувствует себя хозяином: «Теперь вся жизнь завертелась вокруг него, красного командира. По законам военного времени все здесь для Красной Армии, все для красного бойца. Местной, районной власти как бы уже не существовало. Ни партийной, ни советской. Ни милицейской. Ни прокурора, ни судьи. Нет старших. По военному положению хозяин один – тот, кто командует войском <...> еще в гражданскую, будучи младшим командиром, впервые ощутил это сладостное чувство вседозволенности и превосходства».¹³⁹ Ради этой вседозволяющей власти и превосходства Чухновский глубоко прячет остатки человеческих чувств, которые не позволяют ему стрелять в безоружных женщин и детей, и убивает, правда, чужими руками.

Если сравнить Чухновского с Кровавым Глазом из романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», то прослеживается сходство в характерах, предпочтениях, судьбах этих героев. Так, они оба родом из пролетариев («Гордился, что сын рабочего, из пролетари-

¹³⁹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. –С. 50–51.

ев...»,¹⁴⁰ «Глава красного войска Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев...»),¹⁴¹ свою служебную карьеру оба героя начали после революции 1917 года, только один был военным, другой – милиционером, от «рядового оперуполномоченного до начальника дослужился»,¹⁴² и тот и другой участвовали в подавлении Казымского восстания: «Поэтому и рвался на подавление Казымского восстания в 1934 году. Остяков в страхе надо держать»,¹⁴³ оба наслаждаются своей властью: «В девятнадцатом году на реке Конде он выколачивал золото из местного попа-бородача <...> такие же юнцы, как и он сам, с гвалтом подхватывали батюшку и швыряли в омут. А тот, выныривая из воды, все хрипел: «Господи, спаси раба твоего грешного». А главный деревянно хохотал в бородастое лицо попа: «От дуrolом – чо захотел! Не у господа, а у меня спасения проси, дуrolом! У ме-ня-я!...». Быть может, тогда он впервые ощутил сладостную силу неограниченной и бесконтрольной власти над людьми...».¹⁴⁴

Еще один герой, остервенело рвущийся к власти, помощник Чухновского Мингал: «Уж больно тот был изобретателен и безжалостен в борьбе с врагами революции и Советской власти. Так уж старался, что чуть ли не выворачивался из собственной шкуры»,¹⁴⁵ все приказы выполнял беспрекословно, и пленных собственноручно добывал, стараясь выслужиться, и огэпэушнику «стучал» на собственного командира. Но все же, несмотря на все свои ухищрения, он остается жалкой пародией на вождя пролетариата: «Гордился тем, что ему, как и командиру, досталось имя вождя мировой революции. Но еще на гражданке, чуть ли ни с детства, друзья-приятели переиначили его славное имя,

¹⁴⁰ Айпин, Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 217.

¹⁴¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 50.

¹⁴² Там же. С 219.

¹⁴³ Там же. С. 204.

¹⁴⁴ Айпин, Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 204.

¹⁴⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 58.

называли его Лодька»,¹⁴⁶ а в отряде он потерял и это имя, за злопамятный и мстительный характер его называли только по фамилии, чаще переименовая ее в клички «Мангал», «Мандал».

Через образ Белого и его размышления о происходящих событиях в стране прослеживается путь развития России и судьба русского народа. Автор, устами героя, категорически заявляет, что этот путь ведет в никуда, в бездну, к самоуничтожению: «Ни одна революция не принесла блага ни государству, ни народу. Революционная верхушка завязнет в вечной борьбе за власть <...> жизнь народа и дела государства никого не будут интересовать. Россия рухнула в эту бездну».¹⁴⁷

Возрождение страны, по мнению Белого, возможно лишь при восстановлении монархии и возвращении народа к религии, так как без этих двух составляющих, монархической власти и церковной власти, интеллигенция того времени не представляла будущее страны: «Государь – это символ России, государства, русского народа, символ веры. Государь – это наместник Божий на земле. И тот, кто замахнулся на него, замахнулся на русский народ и на Бога, замахнулся на Российскую государственность».¹⁴⁸

Белый переосмысливает всю свою жизнь и приходит к выводу, что он, и естественно все остальное дворянство, виноваты в «кончине страны»: «Жгли мои книги и картины, грабили мой дом и мои конюшни, мои амбары и сады русские люди, которые не умели читать и писать, не могли понять назначение картин и скульптур, парков и фонтанов. Если бы они могли читать и писать, они не стали бы жечь книги Пушкина и Толстого, не стали бы разрезать холсты Верещагина и Кипренского <...> я мог бы обучить их грамоте, позаботиться об их пище, одежде и кровле. Но, однако, я заботился только о своих детях, о своих родных и близких <...> вот в итоге и захотелось этим несчастным вытащить кусок хлеба изо рта того, кто жил в хорошем доме или дворце».¹⁴⁹

¹⁴⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 58.

¹⁴⁷ Там же. С. 110.

¹⁴⁸ Там же. С. 105.

¹⁴⁹ Там же. – С. 120.

Мотив дороги выступает в романе как движение души человека к Богу. Перед нами разворачивается эволюция жизненных и духовных приоритетов русского офицера, военного в третьем поколении, целью жизни которого было служение Родине и царю. После смерти государя и его наследников Белый утрачивает смысл жизни и ищет на поле брани смерти. Дважды он находится на грани жизни и смерти, и оба раза его спасают и выхаживают сердобольные люди. Первый раз выходила семья священника: уже там, прислушиваясь к молитвам хозяина, герой приходит к мысли «что надо бы помолиться за своих товарищей, погибших за Россию на поле брани».¹⁵⁰ Второй раз его спасает хантыйская семья, и первое что он увидел, открыв глаза, была икона Божьей Матери, которая оказала на него сильное воздействие: «Пробуждаясь, каждый раз он поднимал глаза и крестился на икону, а потом долго и молча смотрел на нее. Ежеутренне он словно проходил по трем мирам: из мира сновидений перебирался в мир Божьей Матери, а оттуда – в мир людей. И в Божьем мире пребывал ровно столько, чтобы получить необходимые силы для продолжения жизни на земле».¹⁵¹ После выздоровления он чувствует угрызения совести и вину за то, что не смог предотвратить смерть царя и его семьи: «Моя вина в том, что я вовремя не приехал, не сумел их спасти, не успел поднять всех тех людей, кто помог бы им выжить»,¹⁵² «Я виноват в их гибели. Не будет мне прощения ни на этом, ни на том свете»,¹⁵³ – за то, что участвовал в бессмысленном кровопролитии и остался жив: «Война закончилась, а он все еще живой, все еще дышит, ходит по земле, обильно политой русской кровью, кровью белых и красных. И эта окровавленная земля жгла ему пятки».¹⁵⁴ Такая логика мышления сближает данного героя с Седым из романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», который тоже чувствует вину перед родственниками погибших на войне, толь-

¹⁵⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 112.

¹⁵¹ Там же. С. 90.

¹⁵² Там же. С. 112.

¹⁵³ Там же. С. 141.

¹⁵⁴ Там же. – С. 111–112.

ко за то, что он, будучи почтальоном, привозил повестки и похоронки: «Ефрем знал, что не он начал эту войну, не его страна. Но он все равно чувствовал себя виноватым перед людьми. Будто не война, а он разлучал девушек с женихами и братьями, женщин – с мужьями и сыновьями, детей – с отцами и старшими братьями».¹⁵⁵ Показательно, что образ Седого тоже приближен к мученическому, святому, который заставляет людей меняться к лучшему, задуматься об истинных ценностях: «В зимовье Седого люди получали нечто такое, что нельзя сравнить ни с каким чаем: они, возможно, начинали чаще улыбаться друг другу и всему окружающему, будь то птицы, звери или деревья-травы. Может быть, после, отъехав от гостеприимного дома Седого, они задумывались об истинном назначении человека на земле...».¹⁵⁶ Этот герой уже при жизни, пройдя череду испытаний, достиг духовной высоты, и считается святым: «Молиться на него надо»,¹⁵⁷ – говорят герои произведения.

Белый же, как Иисус Христос, принимает на себя все грехи русских и весь остаток жизни посвящает искуплению этих грехов, и только перед самой смертью обретает душевный покой. Таким образом, его жизненный путь представлен не только линейно (служение царю и Отечеству, участие в гражданской войне, путь в Европу, в безопасное место), но и вертикально, как религиозно-моральное восхождение героя. Показательным в этом плане является эпизод последних минут жизни Белого. Умирает он на садовой скамейке у православного храма со словами на устах: «За веру, царя и Отечество...».¹⁵⁸

Таким образом, мотив дороги осмысливается в романе Айпиным с философской точки зрения: дорога – это внутренне становление личности, душевного равновесия, это жизненный путь отдельных героев, это судьба всего народа и страны.

¹⁵⁵ Айпин, Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман. – М. : Молодая гвардия, 1990. – С. 53.

¹⁵⁶ Там же. С. 50.

¹⁵⁷ Там же. С. 69.

¹⁵⁸ Там же. С. 238.

5. Женские образы в романе

Женская тема в творчестве Е. Д. Айпина еще мало изучена. Авторы не ставили своей задачей исследование женских образов в творчестве прозаика, а лишь в некоторых работах упоминали о героинях произведений писателя. Ю. Попов, Н. Цымбалистенко в статье «Сага о народе ханты» (2002) говорят: «Любовь, природа, искусство – вещи для Е. Айпина неразрывные, поэтому и линии женского тела ассоциируются у его героя с линией горизонта, следом падающей звезды, "изгибом печального месяца на ущербе", извивом Агана-реки...»¹⁵⁹ Т. Куньк в материале «Отстоять красоту своей земли» (2008) пишет: «Безымянные улицы, безымянный город, безымянная девушка, но все вокруг отдано Ей».¹⁶⁰ В. Петушков в работе «Дорога к Утренней Звезде» замечает: «Женщина, жена, по своей природе более прочно вросла корнями в землю: у такого-то нужные вещички попроси, словечко замолви. Она все больше о пропитании и одежке для детишек печется, вот и подрезаны у нее крылышки, не может на них, слабеньких, взлететь».¹⁶¹

Вместе с тем, Айпин – один из немногих прозаиков-ханты, кто в своих произведениях создал типологию женских образов, проследил изменение женского образа в художественном произведении. Ярким образцом раскрытия и женской темы и женского образа стал роман писателя «Божья Матерь в кровавых снегах».

Современное литературоведение накопило опыт осмысления женских литературных образов, есть и сложившаяся типология женских образов в литературе. Постараемся раскрыть женские образы в романе Айпина, опираясь на существующие подходы к анализу художественного образа в произведении.

¹⁵⁹ Попов, Ю. Сага о народе ханты // Хантыйская литература: Сборник / Ю. Попов, Н. Цымбалистенко ; сост. В. Огрызко. – М. : Литературная Россия, 2002. – С. 67.

¹⁶⁰ Куньк, Т. Отстоять красоту своей земли // Мир Севера. – М. : Литературная Россия, 2008. – № 6. – С. 39.

¹⁶¹ Петушков, В. Дорога к утренней звезде // Литературная Россия. – М., 2008. – № 6. – С. 55.

Образ Матери, образ Возлюбленной, образ Святой женщины, образ Воительницы, образ Земной женщины – вот далеко не полный перечень образов, которые фиксируются в прозе писателя.

Айпиновский женский образ – это сильная женщина. Она сильнее духом окружающих ее людей. Так, юная пленница Чухновского противостоит ему в романе: «Конвоир привел пленную – хрупкую молоденькую девушку с черными длинными косами и приятными чертами чуть удлинненного смуглого лица. Обхватив плечи тонкими, как у девочки-подростка, руками».¹⁶² Пленница не дрогнула перед главарем, который убил ее мужа: «Садись. – Она взглянула на табуретку, отошла от порога в сторону печки, но не села».¹⁶³ Она совершает побег из лагеря, черпая силы в сопротивлении, граничащем с отчаянием.

Айпиновский же образ идеальной женщины включает, прежде всего, умение любить и жертвовать собой ради любимого, ради своих детей – это синтез двух образов: образа Матери и образа Возлюбленной. Всех героинь писателя объединяют любовь и желание быть счастливыми.

Образ Матери у писателя – женщина с волевым характером, безграничной силой духа. Материнский идеал у Айпина – это мужественная, целеустремленная, негибкая женщина. Редкое исключение в творчестве писателя, когда Мать имеет имя, чаще всего, вводя образ Матери в повествование, Айпин не называет ее по имени, а использует обобщенную формулировку, выраженную словом «мама».

Материнский образ в творчестве прозаика имеет этнические корни, отмеченные еще А. В. Головневым в работе «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров»: «Материнская цепь непрерывна и вместе с тем всеохватна. Она будто пульсирует, разбегаясь духовной кровью из одного материнского сердца по всему телу, а затем вдруг вновь оказываясь собранной в маленьком сердце для нового толчка. Она легко меняет цвет <...> оказывается в чередѣ зим и лет <...> дня и ночи <...> рождения и

¹⁶² Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 79.

¹⁶³ Там же. С. 78.

смерти <...> Она неслышно переходит из камня в огонь, из огня в солнце, из солнца в ворону, из вороны в березу, из березы... повсюду. И отовсюду – в человека. Вернее, не в человека вообще, а в образ женщины-матери».¹⁶⁴

Образ Матери в творчестве Айпина неотделим от народных традиции. Именно Мать выступает в роли хранительницы древних обрядов и обычаев ханты (обряд погребения, обряд защиты, обряды, связанные с огнем и т. д.) и приобщает к этому детей. Матери свойственно чуткое отношение, сочувствие и сострадание к людям. Так, в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» Матерь Детей выхаживает раненого Белого: «Раны его смазывали медвежьим жиром. Поили отваром трав. Силы ему возвращали медвежьей горькой. Матерь Детей заносила с улицы это застывшее в лед снадобье, складывала маленький кусочек и заставляла глотать, а уж потом запивать».¹⁶⁵

Мать, согласно древнему закону природы, дарует жизнь. Естественным поэтому является изображение матери в окружении детей. Героини произведений Айпина из всех сил пытаются спасти детей, они борются за их жизни: Матерь Детей в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» кормит своей кровью из груди Савву ради жизни ее кровиночки. Потеря ребенка становится трагедией. Ощущения матери автор сравнивает с пустотой: «С уходом Анны у нее все усиливалось ощущение пустоты. Пустоты в сердце. Пустоты в душе. Пустоты вокруг себя. Пустоты на земле».¹⁶⁶

Мать – хранительница очага, который символизирует семью, родство. Родственные связи в семье поддерживаются женщиной. Так, например, в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» говорится об иконе, которая передавалась из поколения в поколения и именно по женской линии.

¹⁶⁴ Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – С. 539.

¹⁶⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 89.

¹⁶⁶ Там же. С. 127.

В произведениях Айпина героиня, в силу характера и воспитания, становится главой семьи. Мужа Матери Детей убили белые. Создавая женские образы, Айпин использует антитезу: сильный – слабый. На фоне слабого мужского образа показывается сильный женский характер.

В центре внимания Айпина образ Матери. Это не случайно, именно женщина чутко реагирует на происходящие вокруг изменения: «Ее волновала судьба народа, но, в первую очередь, судьба детей».¹⁶⁷ А между матерью и ее детьми существует еще более тесная связь, разрыв которой причиняет страшную боль и ребенку, и матери: «Мать Детей направилась к дому по разоренному становью. Все ее тело стало сгустком одной большой боли, и теперь она не чувствовала, где боль, а где не боль. Вместо сердца ощущала черную пустоту. Но две мысли в ее голове засели крепко: детей спасти и огонь сохранить».¹⁶⁸

Редким проявлением материнского горя в произведениях писателя становятся плач и слезы. Видим слезы матери в романе «Божья Мать в кровавых снегах»: «У нее невольно потекли слезы, и она незаметно для детей смахнула их рукой».¹⁶⁹

Автор показывает, как по вине чудовищных обстоятельств нарушается естественный ход жизни: дети оказываются под угрозой смерти раньше матери, а мать становится свидетельницей страданий и гибели своих детей. Супруга последнего российского императора до конца остается с детьми и мужем, разделяет их судьбу. Мать Детей не может жить в мире, в котором нет мужа и детей. Спасши Савву, она надеется, что с ним все будет хорошо. Поэтому героиня не сопротивляется смерти. Автор не повествует о смерти матери, но художественные детали дают возможность понять глубину потрясения, переживаемого героиней.

Нет ни в одном произведении Айпина описания внешности героини, образ Матери возникает на эмоционально-чувственном

¹⁶⁷ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 130.

¹⁶⁸ Там же. С. 28.

¹⁶⁹ Там же. С. 127.

восприятию. Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова, анализируя образ Матери Детей в романе, пишут: «В наибольшей мере ведущие черты и потенциальные возможности остяцкого народа, его красоту, героизм и жизнестойкость воплощает образ Матери Детей <...> Он отличается своей исключительной выразительностью и монументальностью. Нарисательное слово «Мать» неизменно пишется у Айпина с заглавной буквы. Как и рядом стоящее слово «Детей». Этим условным обозначением писатель подчеркивает символику образа и его предельную обобщенность. <...> образ Матери содержит в себе и нечто индивидуально-конкретное, неповторимое. <...> Рисуя образ Матери Детей, писатель обнаруживает свойственный ему глубокий психологизм. Он проявляется в тонкости переживаний героини, в диалогах, которые она ведет с живыми детьми, и в исповедальных интонациях ее монологов, обращенных к мертвым. Психологизм скрывается и в открытости ее души всем горестям, которые выпали на долю ее народа, в сочувствии болям других, часто совершенно незнакомых людей, в потрясениях, которые она испытывает при виде распятых, изуродованных, убитых сородичей. <...> Мать Детей наделена чутким отношением, сочувствием и состраданием к людям. <...> Мать Детей проходит несколько кругов жизни и смерти». ¹⁷⁰ А. Цукор в статье «Лишь бы не было лжи и путаницы» (2004) подчеркивает: «<...> авторское «я» пронизывает все литературные образы романа, выявляет нерасторжимую внутреннюю связь с его центральным образом – Матерью Детей. Через ее взгляд, чувства, разум, через ее нечеловеческую боль и страдание он призывает нас увидеть и осудить насилие, которое не должно существовать в этом мире как явление». ¹⁷¹

Сближается с образом Матери в романе образ Святой женщины. Этот образ, созданный Айпиным в романе, восходит к православной христианской традиции. «Святые – мифические

¹⁷⁰ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 117–118.

¹⁷¹ Цукор, А. Лишь бы не было лжи и путаницы // Литературная Россия. – 2004. – № 41 (2173). – С. 6.

или исторические лица, которым в различных религиях приписываются благочестие, праведность, богоугодность, посредничество между богом и людьми. Женский образец совершенства в христианской традиции – это, конечно же, Святая Дева Мария, чья жизнь служит примером совершенного служения Богу и истоком возникновения самого идеала Мадонны в христианстве».¹⁷² Не случайно Айпин проводит параллель между Верой Саввичной и Богоматерью. Их роднит не только жертвенность. Писатель внешне уподобляет свою героиню иконописному образу: «Главарь от неожиданного напора отшатнулся, не выдержав жгучего огня материнских глаз, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел другую женщину с ребенком. Эта, прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучала светлым ликом ровный свет и кротко и добро смотрела прямо на него. Он снова глянул на женщину со злояростными глазами. Его налитые кровью глазищи заматались от кротко-доброй к злояростной, от злояростной к кротко-доброй. Он не сразу сообразил, что перед ним икона Божьей Матери».¹⁷³ О. К. Лагунова отмечает: «Божья Матерь, как известно, – главное женское божество во многих мифологиях мира, основная ее функция – созидательная, она участвует в творении мира (идентифицируется обычно с землей); в созидании населяющих вселенную богов, людей, животных и т. д. В ряде мифологий Божья Матерь соотносится с умирающим и воскрешающим богом, рассматривается как источник жизненной силы и бессмертия».¹⁷⁴

Важно, что сразу героиня представлена читателю как Матерь Детей. Чухновский и Белый невольно сопоставляют Божью Матерь с Верой Савичной: «С Божьей Матери он перевел глаза на хозяйку. Она сидела в своем углу и, держа на правом бедре младенца, кормила его грудью. Голова ее с равным пробором чер-

¹⁷² dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/91984/Святой [Электронный ресурс]

¹⁷³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 10–11.

¹⁷⁴ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 184.

ных волос, сплетенных в две косы, прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. Со строгим и непроницаемым выражением она смотрела на тихо бормочущий в чувале огонь. Сидела она неподвижно, словно была высечена из камня. Потом, когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась от своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню за тепло и склонила голову на дитя, повернув его лицом к очагу. С живою любовью и нежностью она глядела на него. В это мгновение она точь-в-точь напоминала Божью Матерь с иконы в золотом окладе, она была также красива и добра».¹⁷⁵ Тесная связь матери с иконописным образом использовалась писателем и раньше в рассказе «Клятвопреступник», в повести «Я слушаю землю».

Связь между двумя Матерями настолько сильна, что позволяет героине общаться с Богородицей, просить у нее совета, искать ответа на свои вопросы: «Положила голову на согнутую руку, закрыла глаза и направила мысль-вопрос Божьей Матери:

– Как мой Савва?!

– Жив, – ответила Богоматерь.

– Где он?

– У людей.

– Это хорошо!.. – вздохнула женщина».¹⁷⁶ Двоеверие способствует и внутреннему, духовному общению героини романа с Торумом верховным божеством хантыйского пантеона: «Там, на Седьмом Слое, живет Верховный Отец, Бог Торум. Вот Он, с верхней стороны, совсем близко. И она опять поставила свой вопрос:

– Как быть?

Верховный Отец не заставил себя долго ждать. Как ей показалось, ответ пришел довольно быстро:

– Живи».¹⁷⁷

¹⁷⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 90–91.

¹⁷⁶ Там же. С. 244.

¹⁷⁷ Там же. С. 241.

Появление религиозной образности в романе Айпина подготовлено не только упоминанием спасительных обращений к молитве, но и всей атмосферой страданий Матери, пытавшейся спасти своих детей от неизбежной смерти: «Притянув малыша, она развязала тесемки ягушки от шеи до пояса, медленно вытащила правую грудь, из берестяных ножен на правом боку вытянула поясной нож и посидев мгновение неподвижно, как бы в оцепенении, острием лезвием надрезала грудь. И когда засочилась кровь, притянула сыночка и дала ему кровоточащую грудь».¹⁷⁸ Молитва женщины к Божьей Матери закономерна в романе: «И женщина обратилась к ней, позвала ее: «Божья Мама, приди, помоги мне добраться до человеческого жилья»,¹⁷⁹ но ведь молитвенным заклинанием звучат слова, произнесенные героиней от имени детей, в адрес аэроплана: «Нас не надо убивать. Мы только-только на свет вылупились. Мы еще совсем маленькие. Мы еще жизни то не видели. Мы еще на Солнышко не налюбовались. Мы еще на Луну не насмотрелись. Мы еще путей-троп не успели по жизни натоптать <...> Мы еще маленькие. Нам еще нужно пожить. Красная машина нас не тронет...».¹⁸⁰ Однако, молитвы Матери не услышаны, но вера героиней не утеряна. Не случайно к молитвам она обращается на протяжении всего пути. О. К. Лагунова пишет: «Дни и ночи, завершающие путь Матери, – время молитв, обращенных к Солнцу, Месяцу, покровительнице Агана, молитв, в которых была одна просьба: дать силы, укрепить дух, помочь добраться до человеческого жилья».¹⁸¹

Айпин на страницах романа показывает, как материнское чувство доходит до полного самопожертвования. Любовь к детям сочетается в героине с ненавистью к красным, но даже не-

¹⁷⁸ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 217.

¹⁷⁹ Там же. С. 250–251.

¹⁸⁰ Там же. С. 66–67.

¹⁸¹ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 188.

ненависть не в состоянии подавить в ней милосердие. Так, она не дала собаке отогнать волчицу, оставляя ей кусочки еды.

Божья Матерь в финале романа идет на помощь Матери Детей, чтобы даровать ей успокоение, избавление от земных тягот и боли: «Яркий снег слепил глаза. Она зажмурилась. И тут снова явилась к ней картина ее последнего земного дня. И показалось ей, что лежит она не посреди оленьего зимника, а в кедровом подросте на вершине сопки-крутояра с простреленной грудью. И, рассыпаясь на мельчайшие песчинки-пылинки, одновременно уходит вниз к Сидящей и вверх к Верховном Отцу – в его Божий Мир. У нее как бы не стало тела, душа отделилась от плоти, и все земные беды, горе, потери, ненависть, зло и злоба остались позади. Ей стало легко и хорошо. Начинается новая, небесная жизнь. И впереди радостная встреча с любимыми детьми и мужем. Как хорошо-то, хорошо... Но к реальности ее вернули земные звуки, пока еще неясные, невнятные, далекие, но они жили в снегах, усиливаясь и медленно прижимаясь. Она уловила легкую поступь идущих к ней на помощь. То ли людей, то ли Божьей Матери...».¹⁸² Путь к спасению в романе стал дорогой смерти. Героиня Айпина не умирает, а возносится на небеса, путь в иную жизнь ей указывает Богоматерь: «<...> ее тепло и дух уходят вверх, в небо, к Верховному Отцу, туда в заповедный уголок неба. Она еще раз напомнила себе, что туда забирают тех, кто погибает на войне, и всех тех, кто умирает не своей смертью. Туда поднялись души погибших дочерей и сыновей женщин вместе с Отцом детей. И вот теперь она по своей доброй воле уходит к ним, к своему семейству, к своему выводу. Ее ждет небесная жизнь в кругу семьи. Там все начнется сначала. Там всех ждет иная, более счастливая судьба. А конец ее земной жизни первой оплачет Сидящая, затем Верховный Отец, а после этого, возможно, много времени спустя, сыночек-несмышлениш Савва <...> Сама она, Матерь Детей, все равно

¹⁸² Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 253–254.

не смогла бы прожить на земле с таким тяжким грузом потерь, с таким черным грузом зла и ненависти в душе».¹⁸³

Просматривается в романе канонизация героини при жизни, которая усиливает сближение образа со Святой: «Матерь Детей была поражена и встревожена тем, что в иконах, писанных то ли острием ножа, то ли отваром травы, то ли кровью, проступали образы ее милых детей – и дочерей, и сыновей. А в облике государя просматривались черты Отца Детей, а в государыне – некоторые линии собственного лица. Что это такое? Почему так получилось? Неужели и ее семью, ее близких ждет такая же мученическая кончина?!».¹⁸⁴

В Матери Детей видны черты мученичества, восходящие к религиозной традиции. Свой путь спасения героиня проходит, безропотно преодолевая уготованное судьбой: «<...> Матерь преследовали тяжесть, цвет, суковатые шипы и запах дубин. Ей казалось, будто они сами передвигаются по земле, оставляя следы по снегу, сами избивают людей, сами мчатся с одной реки на другую, из одного селения в другое, то есть получалось, ими уже никто не управляет. И они как сумасшедшие до смерти забивали всякого, кто им попадался на пути».¹⁸⁵

Образ Матери в романе сближается и с образом Воительницы. Литературоведы, рассматривая данный образ, говорят, что Воительница обладает сильным характером и для нее типично заниматься мужскими делами, не чуждо ей и воинское занятие, хотя порой и в обычном ремесле она выполняет тяжелую мужскую работу. Применительно к хантыйской литературе в целом и творчеству Айпина в частности, правильное говорить не о сближении образа Матери с образом Воительницы, а о сближении образа Матери с образом Земной женщины. Этот тип женского образа отражает национальную обусловленность женского характера, в сознании которого издревле заложена и воинственность. Это ярко иллюстрирует Айпин, когда приводит в романе

¹⁸³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 249.

¹⁸⁴ Там же. С. 118.

¹⁸⁵ Там же. С. 128.

остяцкую концепцию ведения войны: «На этой войне у остяков свой порядок вступления в бой. Сначала воюют мужчины, а когда погибают, вступают женщины, последними дети, те из них, кто уже может держать в руках ружье».¹⁸⁶

Мать Детей берет в руки ружье, движимая желанием защитить и отомстить. Она вступает на тропу войны, когда убивают сына Романа: «И Мать без слов поддалась страстному порыву сына: уничтожить огненно-каменное чудовище. Она схватила ружье за ствол и, озираясь на небосвод, выскочила на нартовую колею. Выпрямилась, повернула голову в сторону гудящего аэроплана, замахала руками и, словно тот его мог ее услышать, закричала свистящим шепотом надсаженного горла:

– Давай, давай сюда! Вернись!».¹⁸⁷ Стреляя по аэроплану, она как бы мстила за погибших детей: «За Анну!».¹⁸⁸

Жизнь научила Мать Детей обращаться с ружьем. Еще в ранней юности, когда умер ее отец Савва, она пустилась по первоснежью на охоту, чтобы прокормить семью. Она была старшей дочерью. Потом, когда мужа увезли за шаманство русские, на ней остался пушной и рыбный план мужа. Два года она работала, пока не сменили председателя колхоза, и она не вышла замуж.

Еще одна героиня романа, в которой просматриваются черты бунтарства – Маша: «Ведь во мне бунтарский дух сидит <...>. Это с детства мне так говорили. Мол, много кровей в тебе смешалось: и остяцкая, и казахская, и питерско-разночинная, вот и несет тебя вечно туда, куда, может, и не следовало <...>».¹⁸⁹ Она – образованна (окончила Остяко-Вогульскую фельдшерско-акушерскую школу). У нее есть возможность пойти по стопам отца-революционера, участника гражданской войны, но она поехала с Чухновским оказывать первую помощь в тылу. Маша борется за свою любовь к Чухновскому и становится его соуца-

¹⁸⁶ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 9.

¹⁸⁷ Там же. С. 176–177.

¹⁸⁸ Там же. С. 181.

¹⁸⁹ Там же. С. 63–64.

стницей: «Ну, красная Маша, лечи красного командира!».¹⁹⁰ Именно эта героиня обретает портретные штрихи в романе: «<...> белотелая рыжая девица с насмешливыми зелеными глазами».¹⁹¹

Еще один образ, черты которого прослеживаются в романе – это образ Возлюбленной. Чаще всего этот образ связывают с поэзией, но Айпину удалось воплотить его в прозаических произведениях. Черты образа Возлюбленной просматриваются в Маше, Матери Детей. Образ Возлюбленной, создаваемый Айпиным, не имеет конкретного портретного описания.

С воплощением этого образа в романе связано появление в произведении любовного треугольника: Маша бросает мужа и едет на фронт за Чухновским. В финале романа видим, что сделанный выбор не приносит счастья героине. Мать Детей строит свою жизнь на стремлении любить и быть любимой, но ее мечты растоптаны реальностью: погибли оба мужа героини. Материнская любовь – движущая жизненная сила героини – с развитием повествования переходит в отчаяние, сменяющееся иллюзорной надеждой.

Как видим, Айпин соединил в героинях своего романа черты разных женских образов: образа Матери, образа Возлюбленной, образа Святой, образа Земной женщины. В разных героинях воплотились типичные черты того или иного женского образа, однако смену всех образов удачно проследил писатель на примере главной героини – Матери Детей. Писателю удалось создать образ мужественной женщины, которая, испытывая безразмерную боль и страдание, на протяжении всего повествования стремится восстановить равновесие мироздания. Это просматривается в деталях, например в том, как она следит за соблюдением погребального обряда. Мать Детей стремится к удержанию жизненного порядка даже перед лицом смерти. Обостренность чувств, желание спасти свой род и отомстить помогают женщине выжить и принять определенный временем и обстоя-

¹⁹⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 55.

¹⁹¹ Там же. С. 53.

тельствами финал ее земного пути: «Все левее и левее ложились пули. Когда ожидание стало томительным, она сделала шаг влево. И приняла пулю в грудь. <...> она по своей доброй воле уходит к ним, к своему семейству, к своему выводку. <...> все равно не смогла бы прожить на земле с таким тяжким грузом потерь, с таким черным грузом зла и ненависти в душе».¹⁹² Именно женские образы помогли столь остро зазвучать исторической и семейной темам в романе, в значительной степени раскрыли мужские характеры в произведении.

¹⁹² Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 249.

6. Образ Воина в романе

Наряду с женскими образами, в романе Айпина выделяется образ Воина. В романе видим и художественное, и мифологическое воплощение этого образа. Образ Воина получает и мужское, и, отчасти, женское отражение в произведении. Стоит также отметить, что образ Воина осмысливается писателем в романе концептуально, через призму русской и хантыйской культурной традиции.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой поясняет слово «воин» как: «Человек, который служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом».¹⁹³ Этимология слова Воин отсылает нас к корню *voj-* «погоня», «отряд преследователей». Этот корень восходит к индоевропейскому *uei-* (*ueia-*) «гнаться» > *viti* «преследовать». Именно погоню и преследование видим в произведении хантыйского прозаика.

Айпин вводит образ Воина в роман через противопоставление двух героев – Белого и Чухновского. На первый взгляд – это две полярные ипостаси одного образа, и повествование это подтверждает. Чухновский – воин-захватчик. Белый – воин-защитник. «С целью усиления неприятия чинимого в обском краю разбоя Е. Айпин вводит в свое повествование фигуру Белого, так же люто ненавидящего деяния красных, что и народные мстители – остяки и вогулы. Он преисполнен боли за Россию и распространяет свой гнев на всех тех, кто вытравил все лучшее в стране, кто разбудил в ней самые низменные страсти, «чтобы одна половина народа уничтожила другую, чтобы в живых остались те, у кого напрочь искалечена душа. Это уже не люди, а существа страшнее зверя». <...> Следует, правда, заметить, что далеко не со всеми суждениям Белого, претендующего на роль положительного героя, читатель может согласиться. Трудно принять его убеждение в том, что единственное спасение России – в самодержавии <...>. Но надо принять во внимание, что это мысли и суждения белого офицера тех лет, а они

¹⁹³ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1994. – С. 90.

вполне могли быть именно такими. Хуже другое: главы, посвященные Белому, вышли оголено и исключительно публицистическими и оказались лишенными той образной плоти, в передаче которой так силен Еремей Айпин. Показ заменен здесь информацией и суждениями. К тому же персонаж наделен нереальным богатством талантов: Белый и воин, и удачливый придворный, и знаток древних летописей, и живописец, и архитектор, и пророк. Ему удается одному построить в лесу часовню и украсить ее картинами-иконами, воссоздающими по памяти лица членов императорской семьи, а одновременно и всех детей хозяев, приютивших его. Счастливый баловень судьбы, он в начале тридцатых годов без денег одолевает безмерное пространство России и благополучно перебирается в Европу... Однако функция этого персонажа для автора важна: Белый проникнут тем же неприятием террора и разгула вседозволенности, что и остяки во время своего массового возмущения. И когда он гневно проклинает приспешников сатаны, его устами говорит сам автор, чье сердце наполнено болью за судьбу своего народа».¹⁹⁴

А. Цукор пишет: «<...> русский аристократ, офицер царской армии, белогвардеец Белый (во имя спасения царской семьи занесенный в таежную глухомань и волею судеб попавший в семью Матери и Отца Детей), в простом «мужицком» труде и природной жизни познает высший смысл бытия».¹⁹⁵

Портретных черт Белого в романе нет, о Чухновском автор пишет: «Глава красного войска Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев, гордился тем, что даже внешним обликом смахивал на маршала Тухачевского, с которым он когда-то брал Омск, а позже подавлял тамбовское крестьянское восстание. Там его отряд отличился особым рвением и жестокостью».¹⁹⁶ Вскользь в романе Айпин упоминает родословную Бе-

¹⁹⁴ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 114–115.

¹⁹⁵ Цукор, А. Лишь бы не было лжи и путаницы // Литературная Россия. – 2004. – № 41 (2173). – С. 6.

¹⁹⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 50.

лого: «Он помолчал, потом неторопливо заговорил о своих корнях. По отцовской линии он скандинавского, финно-шведского происхождения. Оттуда в очень ранние времена его предки попали в Россию. Говорил очень скупое. Про своего отца сказал, что он тоже был военным, ходил в японскую. Дед защищал Крым, а прадед участвовал в войне против Наполеона. Таким образом, все его предки были военными. Все воевали. Точнее, Россию, свое отечество, защищали от врагов. Сам он тоже принимал участие в войне, воевал с немцами».¹⁹⁷ Да в размышлениях Чухновского проявятся отдельные характеристики белого полковника: «А выловить его трудно потому, что обличьем он похож на остяка, одет в малицу и кисы, знает язык и обычаи, изучил местность и приметы погоды, хорошо владеет различными видами оружия, а упряжкой управляет не хуже всякого оленевода или охотника. В военных операциях дерзок и непредсказуем. Поди не одну академию закончил, не одну войну прошел».¹⁹⁸ В полковнике Чухновский видит сильного противника.

Оба героя обладают немалым военным опытом. Именно опыт ведения войны, подавления мятежей позволяет Чухновскому выстроить стратегию победы над бунтовщиками: «Видно, полковник выполнял функции штаба восстания, дергал за ниточки. Чухновский понимал: уничтожить штаб противника – значит обеспечить себе полпобеды. Поэтому важно было выйти на его след или на того, кто заменяет его, будь он генерал, поручик или рядовой белогвардеец».¹⁹⁹ Опыт участия в военных операциях позволяет Чухновскому здраво оценить сложившуюся ситуацию на Севере, сравнить ее с партизанской войной и осознать, что даже он, бывалый воин, не готов к подавлению этого сопротивления: «Не вполне был готов главарь к такой войне. В ночь-заполночь сорвали из Екатеринбургских казарм, погрузили в теплушки, потом пересадили на конный поезд, на сани. А теперь вот – на олени нарты. И – вперед на подавление остяцкого вос-

¹⁹⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 104.

¹⁹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹⁹ Там же. С. 83.

стания! Никто, конечно не подумал ни о теплой одежде, ни о специальном снаряжении. Нет даже масхалатов и лыж. Крутись командир, выполняй приказ! Вписывай славную страницу в летопись доблестной Красной Армии! А тут такую страницу можно вписать, что потом Красная Армия будет отмываться до конца своих дней. Красноармейцы стали злы как волки – от холода, от непривычной пищи, от постоев в снежных ямах. Да просто от страха холодной и лютой смерти. Ни фронтов тебе, ни тылов. Не знаешь, с какой стороны нападет враг. Но одно правило войны главарь усвоил хорошо: если хочешь выжить, крепко держи в кулаке свое войско. Дашь слабинку – пропадешь. Война не знает пощады».²⁰⁰

Война – это суть героя, основа его жизни. Она дает ему возможность почувствовать свою власть: «Еще на въезде в город, еще не расквартировавшись, он уже почувствовал себя полным хозяином. Теперь вся жизнь завертелась вокруг него, красного командира <...>. По военному положению хозяин один – тот, кто командует войском, у кого в руках реальная сила. Возможно, по этой причине в глубине души, никому не признаваясь, он любил войну и военные походы. Еще в гражданскую, будучи младшим командиром, впервые ощутил это сладостное чувство вседозволенности и превосходства. Что хочу – то и творю».²⁰¹ Чухновскому Айпин дает право на свою веру. Это не просто убийца, он – теоретик, размышляющий о смысле войн вообще, сравнивающий сражения, которые уже прошел, с войной на остяцких землях.

Военное окружение Белого составляли лучшие воины: «И в русской армии он был не последним русским офицером. Ведь через его руки прошли лучшие русские воины и воинские формирования».²⁰²

Окружение Чухновского составляют худшие представители воинской братии, такие как Иуда, Мингал. «Помощник главаря

²⁰⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 19.

²⁰¹ Там же. С. 50–51.

²⁰² Там же. С. 235.

столь изобретателен и безжалостен, сколь угодливо усерден перед начальством, что «чуть ли не выворачивался из собственной шкуры». И портретные описания (у помощника левое плечо «приопущенное», глаза «мертвые, без всякого выражения», сам он «костлявый», «скособоченный», голос его «писклявый», он «лает» «по-собачьи»), и упоминания «злопамятного и мстительного характера», и поведение Мингала – все служит Айпину для обрисовки помощника главаря, такого же головореза, как и его хозяин».²⁰³

Однако многое сближает Белого и Чухновского. Оба офицеры, которые сделали военную карьеру. Оба привыкли подчиняться приказам, воинская честь не позволяет нарушать отданные руководством распоряжения. И Белый, и Чухновский живут с Богом в душе. Только у Белого вера ярко выражена, у Чухновского же она сокрыта, однако отдельные эпизоды указывают на то, что и он верит в высший закон и боится Божьей кары. Не случайно Чухновский растерялся перед иконой Божьей Матери, которая «висела в переднем углу, напротив входа, на тонкой жердинке чума»: «Главарь обалдело завертел башкой. Ему показалось, что заговорила Божья Матерь».²⁰⁴ Время и окружение не позволяют Чухновскому открыто выражать свои чувства, мысли, поэтому и икона им не может быть названа иначе, как «опиум народа».

Атрибутом Воина является оружие. Этот же атрибут указывает и на суть героя. В романе Белый безоружен, только в воспоминаниях Матери Детей упоминается, что рядом с найденным русским было оружие. Чухновский же в романе фиксируется с оружием (пистолетом) в руках: «Вожак красных, выставив руку с пистолетом, ворвался в чум и закричал: «Стой!» <...> Главарь, припустив руку с пистолетом, взревел: «Ма-ал-чать!» <...> Главарь, ткнув пистолетом в направлении мальчика, scomандовал <...>».²⁰⁵ Связано с Чухновским и его окружением появле-

²⁰³ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 113.

²⁰⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 11.

²⁰⁵ Там же. С. 8.

ние в романе еще одного атрибута – лиственничных дубинок: «Мать Детей воочию убедилась, как «работают» лиственничные дубины, о которых много говорили в народе. Красные солдаты, передавала молва, избивали ими не только пленных, не только восставших, но и тех, кто им приходился не по нутру. Точнее, не избивали, а забивали, как скот. Ибо никто не помнит ни одного случая, чтобы битый этой дубиной выжил. Нет таких. Кого приговорили к дубине, тот, считай, мертв».²⁰⁶ Именно этот атрибут – «Обрубок ствола дерева почти с сажень длиной»²⁰⁷ – становится смертоносным оружием. Он же определяет и суть красных в романе.

Опорой Воина является вера. Белый живет с Богом в душе, с верой в сердце. Взбунтовавшиеся остяки черпают силу в вере: «<...> база <...> находилась в глубине лесов, в верховьях остяцких рек, в районе православной русской церкви или лесной часовни. Там остяки заряжались верою, укрепляли дух. Молились, как они выражались, русскому Богу, просили у Бога помощи в борьбе против красных русских. <...> Ибо дед-остяк <...> прямо и без всякого страха объявил командиру-главарю: «Ты нас не победишь! <...> Потому что нам помогают два Бога – остяцкий и русский. Мы молимся русскому Богу в русском Божьем доме».²⁰⁸ И только Чухновский и его окружение без веры, без Бога, поэтому и доминирует в них демоническое, сатанинское начало, поэтому и напоминают отдельного представителя красного войска Менквов – лесных чудовищ.

Мифологический пласт отсылает в романе к образу Воина-богатыря. Этот образ обретает этнические корни: «Угры – это воины-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории. <...> Угры умели воевать и могли постоять за себя».²⁰⁹ Именно с образом Воина-богатыря вводится в текст и типичное для богатыря обмундирование: «Они обучали юношей

²⁰⁶ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 124.

²⁰⁷ Там же. С. 126.

²⁰⁸ Там же. С. 80.

²⁰⁹ Там же. С. 151.

военному делу, выплавляли железо, ковали мечи и пики, изготовляли боевые шлемы и рубахи-кольчуги».²¹⁰ Главной функцией воина-богатыря является защита от врагов, главной чертой, характеризующей богатыря, становится гордость: «<...> гордые богатыри не хотели и не могли стать подлыми убийцами».²¹¹

Айпин устами Отца Детей дает описание древних воинов, используя сказочные формулы, характеризует мощь и воинскую отвагу угорских богатырей, их сверхъестественные возможности: «До прихода русских никто не одерживал верх над угорскими богатырями, никто не мог их одолеть. Были они стройными, ловкими, рослыми. Грудь спящего богатыря вздымалась до уровня трех нижних венцов деревянного терема города-крепости. При необходимости богатырь мог надолго схорониться под снегом в тайге, под водой и льдом в реке. Попав в засаду, легко перемахивал через конные повозки татарского войска и беспрепятственно перелетал через огненное кольцо многих костров. Страхивал, разбивая насмерть, одновременно дюжину воинов с левой и с правой руки. В безысходной ситуации богатырь прибегал к магической шаманской силе – мог обернуться иголкой и затеряться в траве-мураве под ногами иноземного войска. Богатырь заговаривал болезни, останавливал кровь, снимал боль, прикосновением пальцев руки заживлял колотые и резанные раны, мог превратиться в невидимку. <...> На протяжении многих веков угорские богатыри были непобедимы. Все знали, что непобедимы угорские богатыри. Бесстрашны, как медведи. Проворны и ловки, как горностаи. Быстры, как лоси. Живучи, как семиголовые великаны. Благородны, как угорские боги».²¹² Ратные подвиги богатырей сделались достоянием народа, поэтому их имена живут в древних преданиях: «<...> еще в древние-здревние времена о них начали складывать легенды

²¹⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. –С. 152.

²¹¹ Там же. С. 153.

²¹² Там же. С. 154–155.

и сказания. До сих пор передаются из уст в уста предания о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье».²¹³

Обман мог покрыть имя Воина-богатыря позором: «Для богатыря считалось позором обмануть врага и одолеть его в нечестном бою. Только слабый духом и телом может пойти на обман и таким путем завоевать победу».²¹⁴ Здесь же выведена и формула успеха богатыря: сила не только телесная, но и духовная в первую очередь.

Причиной гибели древних богатырей стала их «честность и доверчивость», что невольно свидетельствует и о том, что перестали вестись справедливые войны, одной из них стал мятеж на Севере. Не случайно автор приводит в романе причины бунта остяков в четвертой главе романа.

Мифологический же пласт позволяет выделить коня как верного помощника Воина, как неперемный атрибут его образа. Белый в романе прямо не изображается на коне, но неоднократно упоминается наличие у него сего атрибута воинства: «В первую мировую командовал Первым энским казачьим наследника цесаревича полком. В августе 1916 года в Лесистых Карпатах полк провел блистательную атаку, за что был отмечен особой наградой – шефом полка был назначен наследник цесаревич Алексей. Потом он получил дивизию, затем в гражданскую, – армию»,²¹⁵ «Перед последним земным мгновением он ощутил прилив сил и увидел себя молодым, блестящим командиром, гарцующим на белом коне перед Первым энским казачьим наследника цесаревича полком. Наступил наивысший миг напряжения перед атакой. Сейчас его полк сорвется с места и конная лава сметет врагов России. И он спиной, точнее, всем телом почувствовал, что в этой атаке каждый воин-кавалерист готов сложить свою голову за веру, царя и отечество. И принял бы как высокую честь».²¹⁶ Конь становится и перевозчиком души героя после смерти: «<...> на

²¹³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 154–155.

²¹⁴ Там же. С. 155.

²¹⁵ Там же. С. 236.

²¹⁶ Там же. С. 238.

этом дыхание его замедлилось. <...> И его белый конь взвился к небесам...».²¹⁷ Айпин конкретизирует, «белый конь», – следовательно, чистая, светлая душа героя вознеслась на небеса, и, возможно, там найдет покой, примирится со временем и историей, чего не хватило Белому в земной жизни.

Чухновский же в данных событиях с конем не связан. Он располагается либо в обозе, либо скрывается за спиной каюра, что выдает трусоватость красного командира: «Главарь-командир невольно съежился и притаился на нарте за его спиной. Пули свистели слева и справа. Командир выглядывал из-за спины каюра, оценивал обстановку, уточняя позиции сторон. Больно не хотелось ему нырять в сугроб. Из сугроба ничего не увидишь – много не накомандуешь. Да к тому же из сугроба надо будет регулярно высовываться, а кому хочется подставлять голову под пулю. Противник прицельно бил по серым красноармейским шлемам и не трогал безоружного каюра первой нарты. Тут лучшей позиции для командира не сыскать. <...> Командир, покрикивая и матюгаясь, на бойцов, так и просидел весь бой за спиной своего каюра».²¹⁸ Хотя и Чухновский служил в кавалерии, и у него конь выступал неизменным атрибутом воина в прошлом: «Но каждому свое: летуну – летуново, пехотке – пехотково. Теперь ты пехотка. Будь ты хоть трижды прославленным кавалеристом гражданской».²¹⁹

Мать Детей, взявшая оружие, вступившая в поединок с аэропланом, тоже становится воительницей. Айпин рассказывает, что воинственность в крови у аборигенов Севера, поэтому четко озвучивает на страницах произведения остяцкую концепцию ведения войны: «На этой войне у остяков существовал свой порядок вступления в бой. Сначала воюют мужчины, а когда погибают, вступают женщины, последними дети, те из них, кто уже может держать в руках ружье».²²⁰ Столь же четко Айпин

²¹⁷ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 238.

²¹⁸ Там же. С. 20–22.

²¹⁹ Там же. С. 19.

²²⁰ Там же. С. 9.

называет и причины, которые превращают женщину в воительницу, на примере истории Хомани: «Войско открыло стрельбу <...>. Когда остановились, увидели, что шальная пуля убила сына, маленького Учу. Ему было всего четыре зимы и четыре лета, и в поездках он всегда сидел на отцовской нарте, за спиной отца. Отец сына почернел лицом, и с того дня семья решила воевать с красными до смерти. Муж научил жену стрелять из винтовки. И обстреливали они войско то с удобных позиций, с которых можно быстро исчезнуть, то с небольшими отрядами остяков и самоедов. Так прошла почти вся зима. Потом она сказала мужу, что «по иному жить» стала. Тогда муж запретил ей брать в руки оружие, так как солдаты обычно не стреляют по безоружным <...>. С той поры она перестала воевать. А вообще казымские женщины все воинственные, отчаянные. Может быть, стреляют не так метко, как мужчины воины, но зато ничего не боятся. Тем более, если погибают дети и муж. Не боятся красных. Не боятся пуль. Не боятся смерти...».²²¹

Смерть Воина на поле сражения, за веру, с честью – непременная составляющая образа. Именно такую смерть встречает Белый, не сломленный, верящий в возрождение России: «Простые люди почитали за честь умереть за веру, царя и Отечество. <...> Обидно, тяжело и горько на душе. И тут он почувствовал, как впервые после отроческих лет скупые слезы невольно покапались из прикрытых глаз и, как бы рассекая лицо на части, прорыли к подбородку глубокие траншеи. Припомнилась ему истина, что у Господа надо просить не легкой жизни. А легкой смерти. Но и жизнь его не была легка, и легкой смерти он не хотел. Не подобает русскому офицеру заканчивать свой жизненный путь пульей в виске. Он до конца пронесет свой крест, каким бы тяжким он ни был, какие бы муки не пришлось ему испытать».²²²

Воинская сила, армия – опора власти. Это утверждает Белый: «<...> была опора у государства, была опора у России – русская

²²¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 41.

²²² Там же. С. 237.

армия»,²²³ это осознает и Чухновский. Однако Красная Армия не воспринимается как защищающая сила аборигенами севера. В монографии Е. С. Роговер и С. И. Нестерова отмечали: «В глазах местных жителей это каратели, которые не могут остановиться перед расправой с женщинами, невинными детьми, беспомощными стариками. Эти грабители ненавидят друг друга, считают подручных «гадами» (любимое слово главаря), «иудами», недаром один из них носит такое имя. Еще один штрих набрасывает Айпин на портрет карателей – они не только безжалостны, трусливы, бессовестны, но и преступно нечистоплотны; после них остаются грязные следы; они все вокруг успели изгадить».²²⁴

Как видим, образ Воина прочно вошел в роман Айпина наряду с женскими образами. Он позволил лучше раскрыть историческую тему в произведении, ярче озвучить позицию самого автора, четче представить мировоззренческие концепции двух главных героев романа – Белого и Чухновского. Через образ Воина прослеживается сочетание мифологического и художественного в романе.

²²³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 235.

²²⁴ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. И. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 113.

7. Фольклорно-этнографические традиции в романе

Почти все исследователи творчества Е. Д. Айпина отмечают самобытность и национальный колорит произведений прозаика (В. Огрызко «Чувствовать чужую боль» (1990), М. А. Литовская «Картина мира в романе Е. Д. Айпина "Ханты, или Звезда Утренней Зари"» (1997), С. Луцкий «Болит душа» (1999) и др.). В каждом своем произведении автор старается рассказать читателю о быте, культуре, мировоззрении своего народа. Недаром, повесть «У гаснущего очага» называют энциклопедией жизни ханты: «Она не полная, охват жизненных реалий ограничен интересами ребенка, но то, что попадает в поле зрения, дается исчерпывающе»,²²⁵ а роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» – «энциклопедией мифологических и религиозных представлений народа, жизненной мудрости и этикета ханты».²²⁶ Эти справедливые определения рождаются от насыщенности текста произведений прозаика бытовыми подробностями, фольклорными и мифологическими вкраплениями, народными речениями, фразеологизмами и кальками с хантыйского языка.

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» не стал исключением, на его страницах читатель знакомится с обычаями, обрядами, бытом народа ханты. Обычаи и обряды являются наиболее простыми способами регулирования поведения этноса, в них отражаются нравственные и религиозные представления народа, мировоззрение, нравы. К обычаям можно отнести и традиционные трудовые приемы, и формы поведения, жизненного уклада, воспитания.

Уже с первых строк произведения автор ненавязчиво показывает, как устроено жилище, из чего оно сделано, как одеваются ханты: «Вожак красных <...> ворвался в чум <...> левая по-

²²⁵ Луцкий, С. Болит душа... // Новости Югры. – 1999 (17 декабря). – С. 4.

²²⁶ Попов, Ю. Сага о народе ханты // Хантыйская литература: Сборник / Ю. Попов, Н. Цымбалистенко ; сост. В. Огрызко. – М. : Литературная Россия, 2002. – С. 65.

ловина была пуста, а на правой, качая-унимая ревущего малыша, сидела женщина <...> за меховой стеной слышался гомон солдат <...> она кивнула в сторону очага в центре чума, где догорал костер <...> платок сполз на спину, открыв две толстые черные косы. Меховая ягушка, стянутая поясом, держалась только на левом плече, правая грудь, плечо и рука были свободными. Так одеваются, когда грудью кормят ребенка»;²²⁷ какие предметы необходимы хантыйской семье для кочевой жизни: нарты ездовые, грузовые, нарты-лари, маленькие нарточки для подвоза колотых дров и т. д.

Значения многих этнографизмов раскрываются автором в сносках, например: «Макодан – дымовое отверстие чума»,²²⁸ «запор – городьба через реку, где устанавливаются снасти для ловли рыбы»²²⁹ и др. Таким же образом расшифровываются значения табуированных названий животных и частей их тела: «хвостатый – так ханты иносказательно называют собаку»,²³⁰ «горькая – иносказательное название медвежьей желчи»,²³¹ фразеологизмов, дословно переведенных с хантыгского языка: по иному жить стала (забеременела), Ногастый Зверь – Куранг вой 'Лось' (созвездие Большой медведицы). Последнее связано с мифом, согласно которому во времена первотворения лось был шестиногим и потому так быстро бегал, что его люди не могли догнать. Но сын Торума догнал этого лося и отрубил у него две ноги, чтобы отныне человек мог поймать зверя. В мифе «Старичок Торстор» эту полезную акцию совершает главный герой. Размышляя над своей стрелой, он произносит: «Пусть одну лапу зверя она унесет в утреннюю зарю, пусть одну лапу зверя она унесет в вечернюю зарю, пусть образ того зверя запечатлится на

²²⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 8–10.

²²⁸ Там же. С. 25.

²²⁹ Там же. С. 35.

²³⁰ Там же. С. 45.

²³¹ Там же. С. 89.

небе».²³² Так именем Куранг вой стала называться у ханты Большая Медведица.

Читатель узнает о том, каким образом украшалась одежда, а именно, – названия и смысловую нагрузку некоторых орнаментов, выполняющих функцию оберега: «широкий узор «ветка большой березы» <...> самый сложный и мудрый орнамент <...> «Ветка большой березы» держалась на одной заглавной линии, напоминая долую и древнюю реку, от которой ответвлялось бесконечное множество малых речек, ручьев, стариц и заливчиков с самыми замысловатыми изгибами-извивами, куда иглой мастера заносились все мгновения земных и небесных дней милой девушки. Но при этом каждый штрих и каждый стежок строго соразмерны, подпитывают одно заглавное русло и утверждают одну мысль о вечном бытии великой княжны в этом мире. Таким образом, «ветка большой березы» для девушки станет надеждой, оберегающей от всех невзгод на жизненном пути. <...> матери княжон пригодился бы солидный узор «спинка соболя на две стороны», ограждающий от многих земных неприятностей. Мать должна быть не только доброй и ласковой, но и сильной. А силы прибавит ей «спинка соболя на две стороны», прикрывающая ее саму и ее детей справа и слева, отводящая все беды».²³³ Кроме этого одежда и обувь окрашивалась краской, получаемой из коры лиственницы: «Мать Детей помогла ему отворить краску из коры лиственницы. Именно таким светло-коричневым отваром женщины красили одежду, обувь, упряжные ремни и украшения из ровдуги».²³⁴ Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина» подчеркивают: «Внимателен писатель к материальной культуре своего народа, которую тоже ярко поэтизирует».²³⁵

²³² Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М. : Глав. ред. восточ. лит-ры, 1990. – С. 70.

²³³ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 147–148.

²³⁴ Там же. С. 115.

²³⁵ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 117.

На страницах романа знакомимся с элементами народной медицины, благодаря которой северные народы смогли выжить в суровых условиях: «Вода ниткой по бокам закопченной кружки-чайника, со всех сторон покрыла сажей. Иглу тоже смазала сажей. Потом, стиснув зубы, без единого оха и вздоха, прошла большими стежками сажевой ниткой левую обмороженную пятку. После, сменив нитку на новую, со свежей сажей, то же самое проделала с правой пяткой. По нитяным отверстиям стала сочиться кроваво-гнойная жидкость».²³⁶

Особое миропонимание северного этноса, выражающееся в своеобразном времяисчислении, когда отсчет времени начинается с какого-либо значительного события и подразделяется на «Век Удачи и Благополучия. Или Век Горя и Страданий»,²³⁷ нашло отражение в романе Айпина.

Как справедливо заметил Ю. Г. Хозанкович «<...> литературы ханты не утратили связь с мифологией и фольклором. Такая "живучесть" устно-поэтического наследия обско-угорских народов (ханты, манси) определяется его живым бытованием в этнической среде. Как составляющая картины мира, мифология оказывает влияние на формирование менталитета, нравственных идеалов и ценностей народа, а с другой стороны – язык и система мифологических и фольклорных образов оказывают моделирующее воздействие на стиль художественных произведений <...> авторы сознательно, равно как и бессознательно-интуитивно, вводят фольклорное слово в авторский текст с целью углубить его содержание, ввести архетипический контекст и тем самым "достучаться" до сознания сородичей».²³⁸

Не стал исключением и Е. Д. Айпин. В романе «Божья Мать в кровавых снегах» фольклорные жанры гармонично вплетаются в фабулу и структуру произведения. Это предание об истории хантыйского народа и его богатырях, мифологические

²³⁶ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 201.

²³⁷ Там же. С. 134.

²³⁸ Хозанкович, Ю. Г. Фольклорная цитация в романе Еремея Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Литература народов Севера: Сборник статей. – СПб.: Олимп, 2008. – Вып. 9. – С. 110.

воззрения народа о мироустройстве, сказка про большую птицу Карс, плач-причитание Матери Детей над усопшими, молитва над тяжело раненной дочерью.

Столетиями фольклорные произведения вбирали в себя многообразную область навыков и представлений народа о мироустройстве, происхождении народов, долге, этике, морали, тем самым выполняя не только нравоучительные функции, но и передавали необходимые знания для самосохранения рода и каждого отдельного человека. Эти функции фольклора в полной мере отразились в романе. Так, сказка о большой птице Карс помогла героине сохранить жизнь своему ребенку. Сказка представлена двумя эпизодами, которые располагаются в тексте дистантно. Первая часть о том, как Человек Сказки летел на птице Карс и для спасения себя и птицы отрезал свои голени. Именно этот сюжет навел героиню на мысль, что можно кормить ребенка своей кровью. Вторая часть сказки, которая повествует нам причину переселения птицы Карс в другие земли, кажется избыточной, не нужной для фабулы произведения. Но в ней фигурируют два разных героя, которых условно можно разделить на положительного и отрицательного. Один, защищая своих оленей, ранил птицу Карс, второй пожалел ее и оказал помощь, за что и был вознагражден. Тем самым иносказательно, через фольклорное произведение автор возвращается к идее о разделении общества на «людей» и «нелюдей», которая сквозным мотивом проходит через весь роман. Не случайно, командир отряда красных Чухновский напоминает пленнице сказочное чудовище Менква: «Это были полулюди, звероподобные существа <...> отличались злобным нравом и в ярости все сокрушали на своем пути. Попадая же в нужду, а то и просто из потехи часто становились людоедами».²³⁹

Такие фольклорные жанры, как предания, легенды, героические сказания сохраняют и передают будущим поколениям память о прошлом, выражают кодекс идеального поведения. Бельгий, живя в остяцкой семье, изучает язык, культуру, интересу-

²³⁹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 223.

ется прошлым народа, и Отец Детей рассказывает ему историю своего народа. В этом рассказе, а, вернее, пересказе, переплелись исторические предания о великом переселении угров и разделении на три группы, героические сказания о хантыйских богатырях и великих войнах, более поздние сказания о князьях и жизни народа при правлении Белого царя. Эти предания изложены в повествовательной форме, но автор придал им некоторые черты, присущие жанру сказки. Например, начинается повествование со сказочного зачина: «В древние-предревные времена остяков и вогулов называли уграми. Долго ли, коротко ли жили угры на берегу Тепловодного Океана...».²⁴⁰

Весь текст насыщен сказочными оборотами: «древние-предревные», «долго ли, коротко ли», характерными больше для славянского фольклора, хотя в хантыйских сказках существуют аналоги этим выражениям. Кроме этого, в романе встречаются такие заимствования из русского фольклора, как «трава-мурава», «напоили-накормили», «князь-воевода», «чудо-богатырь», «худо-бедно», «святая святых». В то же время Айпин сохраняет много плеоназмов, характерных и для угорского устного народного творчества: «города-крепости», «города-селения», «святилища-капища», «угодья-вотчины», «воины-богатыри», «сети-невода», «узоров-орнаментов», «льды-торосы», «весть-послание» и т. д.

В хантыйском языке достаточно много собирательных существительных, обозначающих единое целое, дословный перевод которых Айпин часто использует в произведении, стремясь приблизить повествовательную форму к фольклорному языку: «реках-землях», «зверя-рыбы», «деревьев-трав», «стрелы-пули», «лесах-болотах». С этой же целью писатель создает авторские плеоназмы: «князьей-предводителей», «палачи-дубинщики», «княгиня-воеводша», «страна-цареубийца», «беседа-диалог», «путник-гость», «бумагах-отчетах».

Особо выделяются приложения, характеризующие умственную деятельность главных героев: «мысли-думы», «мысль-

²⁴⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 149.

вопрос», «мысль-послание», «мысли-рассуждения», «слова-мысли». Те, кто близко знаком с представителями народа ханты, знают, что для них характерна немногословность, неторопливость в речи, на первый взгляд, граничащая с замкнутостью, но внутренний, духовный мир их чрезвычайно богат, и все это богатство часто остается на уровне невысказанных мыслей и дум. Яркий пример философа-мыслителя ханты мы встречаем на страницах романа Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Именно его главный герой Демьян стал автором нескольких теорий: о вере, о судьбе, о любви, о родственности всех людей на планете.

При описании богатырей автор использует гиперболизацию, свойственную сказочным жанрам: «Грудь спящего богатыря вздымалась до уровня трех нижних венцов деревянного терема».²⁴¹ Следуя канонам волшебной сказки, наделяет их сверхъестественной силой: «<...> мог обернуться иголкой и затеряться в траве-мураве под ногами иноземного войска. Богатырь заговаривал болезни, останавливал кровь, снимал боль, прикосновением пальцев руки заживлял колотые и резаные раны, мог превратиться в невидимку...».²⁴² Сохранил автор в описании богатырей и устоявшиеся фольклорные сравнения: «Бесстрашны, как медведи. Проворны и ловки, как горностаи, быстры, как лоси. Живучи, как семиголовые великаны. Благородны, как угорские богатыри».²⁴³

Несмотря на характерные жанру сказки приемы и обилие фольклорной лексики, монолог Отца Детей больше похож на рассуждение, в котором он сначала доказывает величие, благородство и силу древнего угорского народа: «Угры – это войны-богатыри, не знавшие ни одного поражения в своей древней истории. Это обстоятельство подтверждается тем, что малым числом и за короткое время они заняли и закрепили за собой огромную территорию Западной Сибири <...> Угры умели вое-

²⁴¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 154.

²⁴² Там же. С. 154.

²⁴³ Там же. С. 155.

вать и могли постоять за себя. Даже самые многочисленные племена татар не рискнули идти дальше на угорские земли <...> для богатыря считалось позором обмануть врага и одолеть его в нечестном бою. Только слабый духом и телом может пойти на обман и таким путем завоевать победу»,²⁴⁴ а затем раскрывает причины поражения и «вымирания» народа: «Долго бились русские, но не могли победить угорский народ. И тогда русские пошли на хитрость <...> оставили возле стен города-крепости какие-то бочки, а сами ушли. В них оказалась веселящая вода. Напились этой дурной воды угорские богатыри <...> и всех сморил сон <...> таким же образом русские захватили и разрушили и другие города-крепости...»,²⁴⁵ «Русские заняли лучшие рыбные угодья на Оби и привезли кроме водки и табака многие неведомые здесь ранее болезни. Измельчал народ...»²⁴⁶

В монологе Отца Детей чувствуется печаль по невозвратному прошлому, гордость за своих предков, и, как ни странно, нет агрессии и ненависти к «пришлым», столь методично из года в год отравляющих его народ: «<...> оно и понятно: им хотелось спокойно жить и спать. Совсем ни к чему держать под боком сильных инородческих богатырей».²⁴⁷ Но минорные ноты в повествовании и горестные выводы («Очевидно, кончается земная эра обских угров...») резко сменяются своеобразным гимном остяцкому народу и завуалированным предупреждением, что при необходимости на защиту своего народа поднимутся все, от мала до велика, и почтут за честь умереть в бою: «Они прошли через многие тысячелетия, одержав верх во многих битвах-сражениях, закалившись в жаре у Тепловодного океана и в Холоде у Лыдистого Моря, презрев многие тяготы и лишения, одолев безжалостные моры и болезни, познав любовь земную человеческую и небесную божью. И если будет суждено им волею Верховного Отца покинуть навсегда эту землю, то последние

²⁴⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 151, 155.

²⁴⁵ Там же. С. 155–156.

²⁴⁶ Там же. С. 158.

²⁴⁷ Там же. С. 158.

остяки уйдут с достоинством, присущим угорским богатырям, и с надеждой, что найдут пристанище в священном месте шестого ли Небесного Слоя, седьмого ли Небесного слоя, где покоятся души чудо-богатырей, князей-предводителей, воинов, мудрых старцев и шаманов, преждевременно погибших женщин и детей, всех тех, кто положил живот свой за остяцкий народ...».²⁴⁸ Такая философия, вера в то, что души погибших в бою воинов уходят в лучший мир, присуща многим воинственным народам, и автор неоднократно акцентирует внимание читателя на этом, одновременно еще раз возвращая читателя к мифологическим представлениям угорских народов о мироустройстве.

Представления о вертикальной картине мира раскрываются в диалоге Отца Детей и Белого в XII главе романа и неоднократно подкрепляются обрядом погребения, который в более полном варианте описан в начале романа и в дальнейшем, по тексту, представлены его отдельные элементы. Из него можно вычлени- нить информацию о вертикальной картине мира, о вере в то, что и в Нижнем мире люди продолжают жить, только уже «обратной жизнью»²⁴⁹ и им необходимы все предметы, которыми они пользовались при жизни в Среднем мире; о количестве душ, имеющих- ся у женщин и мужчин, и многое другое. У каждого народа – свои ритуалы, в которых отражается мировоззрение народа. Ханты умершему закрывают лицо, так как он «теперь смотрит в потусторонний мир» и значит, в этом мире ничего не видит, поэтому с ним надо разговаривать. Если умирает близкий родственник, на щиколотку привязывают траурную нитку, которая «будет на ноге до тех пор, пока сама не перетрется». «Не смыкая глаз, при живом огне в доме надо «Пять ночей покойников отсидеть» (для мужчин, и четыре – для женщины – Е. К., Н. К.), пока их души не покинут мир людей. «В эти пять дней выносить из дома ничего нельзя, особенно сор». Чтобы оградить и обезопасить себя от душ умерших, которые, уходя, могут забрать с собою душу живого человека, что повлечет за собой

²⁴⁸ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 159.

²⁴⁹ Там же. С. 33.

смерть; нужно выполнять все ритуалы и запреты: «<...> на Сидящую голыми пятками ступать нельзя»,²⁵⁰ перед входом в жилище для оберега кладут или втыкают ножи, топоры: «<...> разыскала два топора и всадила рукоятками в отвердевший наст лезвиями в сторону чума с двух сторон»,²⁵¹ женщине на лицо умершего смотреть нельзя: «<...> по обычаю, женщина не задержала взгляд на неприкрытом, изуродованном лице покойника, а только боковым зрением скользнула по нему»,²⁵² уходя с кладбища, перекрывают тропинку веточками, кладя их крест накрест, и переступают через огонь или дым, очищаясь.

Похоронные и поминальные причитания (плачи) – почти обязательный элемент обряда похорон и поминовения у многих народов. В хантыйской культуре плач – как элемент погребального обряда исследователями не выделяется, наоборот, отмечают сдержанность в проявлении чувств. Автор, стремясь выразить чувства героини, вкладывает в ее уста причитания по усопшим, заимствуя некоторые мотивы и речитативные формулы из славянского фольклора. Например, В. П. Аникин выделяет плачи с мотивом констатации факта смерти, которые «<...> традиционно включали в себя обращение к умершему: почему он покинул семью и как тяжело будет ей без опоры»,²⁵³ что мы и наблюдаем в причитании Матери Детей над средним сыном:

«<...> на кого ж ты нас оставил?

На кого ж ты нас покинул? <...>

Как мы без тебя дорогу к дому найдем?

Как мы без тебя эту дорогу одолеем?

Кто ж нам рыбу озерную наловит?

Кто ж нам рыбу речную добудет?

Кто ж нам зверя-птицу принесет?».²⁵⁴

²⁵⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 31.

²⁵¹ Там же. С. 30.

²⁵² Там же. С. 122.

²⁵³ Аникин, В. П. Русское устное народное творчество. – М., 2001. – С. 209.

²⁵⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 186.

Традиционные обращения и параллелизмы присутствуют и в причитаниях Матери Детей над другими детьми, например: «моя кровинушка»,²⁵⁵ «Милый мой ребенок, разве для этого я тебя вскормила?! Разве для этого я тебя взрастила?!»,²⁵⁶ «разве для того я тебя вскормила-взлелеяла, чтобы ты сгнула посреди этого горестного болота?! Разве для этого я тебя вскормила-взлелеяла, чтобы твоя душа до срока покинула эту землю?!»²⁵⁷ Но в то же время вносит и свои авторские образы и приемы. В некоторых случаях присутствует образ «Горестного мира», который разлучил героев: «Горестный мир нас разлучил. Теперь в мир предков спокойно ступай»,²⁵⁸ «Раз Горестный мир нас разлучил, оставайся...».²⁵⁹ Только в начале романа, оплакивая свою любимую дочь Анну, героиня проклинает убийц: «Какую девочку погу-би-ли-и! <...> Какие твари вас пор-ро-ди-ли... Твар-ри... будьте про-кля-ты... на все времена... пока Земля сто-ит...».²⁶⁰ Автор использует разрядку слов для передачи протяжности произношения слов, уточняя, что героиня «подвывала, давась слезами». Многоточия указывают на прерывистость речи и эмоциональность.

В романе присутствует такой фольклорный жанр, как молитва, произносимая Матерью над тяжело раненной дочерью. «Этот жанр включает в себя обращение к Богу, моление за страждущего ребенка, просьбы и заклинания: «Анна. Я отниму твою боль, залечу твои раны, сделаю тебя здоровой, невредимой».²⁶¹ Исследователи, опираясь на высказывание автора: «словно напевая колыбельную песню», «убаюканная молитвой Матери», сравнивают этот текст с колыбельной песней, но приходят к выводу, что это – вариант причитаний: «По существу,

²⁵⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 186.

²⁵⁶ Там же. С. 44.

²⁵⁷ Там же. С. 71.

²⁵⁸ Там же. С. 44.

²⁵⁹ Там же. С. 45.

²⁶⁰ Там же. С. 73.

²⁶¹ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 123.

это тоже вариант причитания по уходящему из жизни, но построен на убаюкивающих ритмах и обращениях к ребенку».²⁶² Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова, говоря об использовании писателем фольклорных жанров в романе, акцентируют внимание на пяти жанрах: «Книга Айпина поражает свое высокой художественностью. Она вобрала в себя многообразные жанры остяцкого (хантыйского) фольклора. Это, прежде всего, причитания, которые произносит Матерь Детей в трагические минуты своего бытия. <...> Во-вторых, это молитва, произносимая Матерью над тяжело раненной Анной. <...> В-третьих, это своеобразная колыбельная песня, образец которой мы находим в том же эпизоде прощания с дочерью. <...> Важное место в книге занимают предания. <...> Эти предания передают из поколения в поколение старцы <...>. К этому жанру близки легенды, сложенные в давние времена и повествующие о богатыре Мадур Вазе и богатыре-шамане Танье. Эти легенды носят героический характер и являются особой формой национального эпоса».²⁶³

Таким образом, фольклорные элементы в романе представлены следующими жанрами: мифы, предания, сказки, причитания, молитва, заговор, проклятие. Жанр причитания характерен больше для русского фольклора, тем самым автор подчеркивает двоеверие в героине. Автор использует многие характерные для фольклора языковые средства, а именно: параллелизмы, тавтологии, плеоназмы, гиперболы, заимствуя многие образы, мотивы и готовые формулы из славянского фольклорного наследия.

²⁶² Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 123.

²⁶³ Там же. С. 123.

8. Анималистические традиции в романе

Анималистический жанр литературоведческой энциклопедией терминов и понятий «<...> определяется как жанр, основанный на изображении животных».²⁶⁴ Большой толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова, анималистический жанр трактует как «изображение животных <...>. Этот жанр сочетает в себе естественнонаучное и художественное начала. Здесь важны наблюдательность и точность, чтобы верно передать облик и повадки животного».²⁶⁵

В хантыйской литературе, которая ведет свою историю с 30-х годов XX века, исследователи выделяют повесть Р. П. Ругина «Ланги» как яркий образец развития анималистической традиции в северной прозе. Вместе с тем, опираясь на словарно-энциклопедическое понимание анималистического жанра, можно увидеть жанровые признаки анималистической прозы и в рассказах Е. Д. Айпина «Медвежье горе», «Бездомная собака», и в романе «Божья Матерь в кровавых снегах».

Изображение животного и раскрытие трагедии зверя видим в рассказе Е. Д. Айпина «Медвежье горе», созданном писателем в 1972 году. Повествование ведется от лица «лучшего медвежатника рода» деда Ефрема. Трагедия, свидетелем которой стал герой в юности, не забыта. Явственно помнит герой и свои ощущения, свое внутреннее состояние от несчастья, которому стал невольным очевидцем: «А у меня аж сердце упало. И ноги пропали, будто убежали куда. Словно окаменел я, а шелохнуться не могу. Только глаза мои все видят да ум все это укладывает в память. <...> Моему разуму и телу совсем плохо стало».²⁶⁶

Охотничий привал, ночной костер располагают к рассказыванию былей, и дед Ефрем вспоминает историю, которая глубоко отпечаталась в его памяти. Здесь четко автором озвучивается

²⁶⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Сост. А. Н. Никомина. – М. : НПК Интелвак, 2003. – С. 45.

²⁶⁵ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2001. – С. 1536.

²⁶⁶ Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М. : Русло, 1993. – С. 8.

мысль, которая вводит градационную параллель в мир животного и в мир человека: «Медведь, как и человек, бывает разный...». ²⁶⁷ Главным действующим лицом становится медведица, точнее медвежья семья (медведица и два медвежонка). Айпин, используя олицетворения и сравнения, создает живой образ медведицы-матери: «Подхожу я к пескам, гляжу – медведица! Да не одна, а с маленькими деточками. За корягой притаилась. <...> Мать цап за шкуру медвежат, трясет и шипит, словно что-то внушает несмышленишкам. Затем оставила их и крадется к поляне, где олени лежат. Медвежата присели, чернеют, как обгорелые пеньки. Только звездочки сверкают черными ягодками. Забавные такие! Видно, не поймут, почему мать не берет их с собой. Поерзали немного и не выдержали – когда мать скрылась в кустах, пошли следом. Но тут под лапкой медвежонка треснул сучок. Мать в тот же миг вернулась. Грозно оскалилась, но не зарычала – побоялась испугнуть оленей. Оглянулась вокруг, увидела валежник. Подняла одной лапой конец замшелого дерева и сунула под него своих детей. Пусть, мол, побарахтаются, пока на охоту схожу. Сама – снова к поляне. <...> медведица вскинулась на задние лапы и навалилась на оленя. Поймала добычу». ²⁶⁸

Не только человек поражен трагедией медвежьей семьи, но и природа вторит страданиям матери, потерявшей детей. Медведица «<...> вернулась к деткам. Но что такое? Медведица подняла валежину – а детки-то не шевелятся. С небольшим шумком, похожим и на бормотание, и на мольбу, она давай их тормошить и обнюхивать. Движения все быстрее, шум – все громче. Она неприкаянно туда-сюда, влево-вправо, вперед-назад. Что-то неладное случилось. Детки все неподвижны, все безмолвны. И тут медведица-мать заревела на весь лес:

– Бу-ху-ху-ууу!!!
Какой это был рев!

²⁶⁷ Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1993. – С. 7.

²⁶⁸ Там же. С. 7–8.

Деревья, показалось мне, и то заплакали».²⁶⁹

Горе матери затмит разум. Зверь не отличается от человека, по мнению писателя, переживая утрату ребенка. Трагедия матери, потерявшей детей, получает развитие в рассказе. Медведица нашла выход – ценою собственной жизни быть вместе с детьми: «А медведица-мать вихрем крутанулась по лесу туда-сюда и бросилась на дерево. Как полоумная полезла на большую сосну. <...> с ревом она грохнулась с этой сосны. С самой макушки. Упала около мертвых медвежат. <...> Она застонала, вернее, зарыдала, как человек-мать, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске. Вскоре она была уже мертва. Видно, сломала себе хребет...».²⁷⁰

В небольшом по объему рассказе Айпин на первое место поставил животное, раскрыв его внутреннее эмоциональное состояние, подчеркнув человечность его поступков. Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина» (2007) также рассматривают рассказ писателя в традициях анималистического жанра: «Переместив интерес читателя с охоты на необычные повадки и «нравы» животного, Айпин создает великолепное анималистическое произведение, в центре которого оказывается удивительная медведица со своими медвежатами. <...> Е. Айпин <...> подходит к медвежьей теме с другой стороны. Он показывает жизнь медведя как некое чудо, как творение природы, во многом родственное человеку. <...> Так одни из самых ранних рассказов Айпина стал шедевром писателя, рожденным на стыке и схождении разных жанров: охотничьего повествования, анималистической новеллы и философской медитации о родственности и единении в мире всего живого».²⁷¹

Обращаясь к анималистическим традициям, писатели чаще всего раскрывают нравственно-этический аспект человеческой жизни через параллель человек – собака. Не стали исключением

²⁶⁹ Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1993. – С. 8.

²⁷⁰ Там же. С. 8.

²⁷¹ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – С. 14–15.

и произведения Айпина. В созданном в 1979 году рассказе «Бездомная собака» Айпин вновь обращается к взаимоотношениям человека и животного. Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова подчеркивают: «История <...> пса стала особым сюжетом рассказа <...>. Рассказ мог бы стать произведением о животном, он вплотную приблизился к анималистическому жанру, но не стал им, ибо вышел далеко за пределы узких границ последнего. <...> История бродячей собаки как бы «накладывается» на историю хантыйского охотника и рыбака. <...> Несчастному Демьяну оказалась глубоко понятной, близкой и родственной судьба бродячего существа».²⁷²

Уже название рассказа указывает на то, что животное лишено дома, но оно верит людям и ищет у них помощи. Страдающее животное увязалось за упряжкой двух братьев – Михаила и Микуля, когда они проезжали поселок: «<...> упряжки догнала пегая собака на трех лапах. Заднюю правую держала на весу. Видно, где-то поранила».²⁷³ Покалеченное животное не вызывает сочувствия и сострадания у людей. Причина бездушного отношения к животному объясняется словами Михаила: «Оленей разгонит, надо обратную дорогу ей показать <...>».²⁷⁴ На протяжении всего рассказа автор показывает, насколько ожесточились люди, очерствели их души. Участь собаки была предрешена: «<...> Вы ведь у Демьяна ночуете. У него рука тяжелая – быстро порешит ее. <...> он шибко зол на всяких бродячих, уверяла женщина. Что ему стоит пристукнуть одну собаку...».²⁷⁵

Вводит Айпин в текст и описание собаки, подчеркивая деталь, которая отличает животное от других: «Бродячая собака исправно бежала за нартой. Пришитая Голова – дал ей кличку Микуль, поскольку голова ее была черной, ни единого белого пятнышка, словно пришили ее, а все остальное – спина, шея, лапы, хвост – белое».²⁷⁶

²⁷² Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1993. – С. 26.

²⁷³ Там же. С. 101.

²⁷⁴ Там же. С. 101.

²⁷⁵ Там же. С. 101.

²⁷⁶ Там же. С. 103.

Вновь видим в тексте мысль, неоднократно озвученную авторами, обращавшимися к анималистической традиции: «Все-кие они, эти псы!...».²⁷⁷ Реализуется в тексте и афоризм «утро вечера мудренее». Вечером Демьян с гостями приняли решение – Пришитая Голова станет хорошей приманкой для песцов. Утро подарило жизнь животному. Демьян, который больше всех пострадал от бродячих собак, пожалел собаку. Человеческое сострадание подарило собаке не только жизнь, но и дом: «Вот она какая, бездомная, – медленно растягивая слова, проговорил Демьян и остановился возле собаки.

Она мелко дрожала от холода, виляла хвостом и тихонько повизгивала, словно чувствовала, что решается ее судьба. Черная ее морда от инея стала седой. Живые блестящие глаза перебежали с одного охотника на другого. Иногда она робко подпрыгивала, будто пыталась заглянуть в лицо человека, в его душу. И тут Демьян опустил на корточки, взял ее больную лапу, внимательно осмотрел и сказал, что заживет, просто чем-то уколола. А потом долго в задумчивости глядел на нее и молчал. А собака все повизгивала и дрожала от холода.

Наконец Демьян сказал:

– Пусть живет. <...>

– Греха на ней нет, оленей она не гоняла – как безвинную решишь?.. Пусть живет, бездомная... <...>

– Жить тебе, Пришитая Голова, – улыбнулся и Михаил. – Обрела ты теперь дом».²⁷⁸

К анималистическим традициям обратился Айпин в романе «Божья Мать в кровавых снегах», создавая образ Пойтэка. Ум становится ключевой характеристикой собаки: «Пойтэк был не просто умным, а мудрым стариком. <...> Но Пойтэк не был простаком. Он понимал, для чего так настойчиво его подзывают»,²⁷⁹ «Хотя кто предугадает, какими тропами собачий ум хо-

²⁷⁷ Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло, 1993. – С. 106.

²⁷⁸ Там же. С. 107.

²⁷⁹ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург: ПАКРУС, 2002. – С. 204–205.

дит, куда он может повернуть».²⁸⁰ Ум и сообразительность позволили собаке освоить и «житейские истины»: «Уже в первый год жизни он на удивление быстро освоил многие житейские истины. Конечно же, после хозяина главным человеком в доме была Матьер Детей, кормилица и поилица. Услышав ее шаги, он выходил из конуры и, потягиваясь и помахивая хвостом, с «улыбкой на лице» ластился к хозяйке. Разве можно не слушаться того, кто с рождения, изо дня в день, из года в год, кормил и поил тебя?!»²⁸¹

Внешний облик собаки имеет в тексте весьма подробное описание. Повадки Пойтэка, поступки раскрывают его характер: «Навострил короткие ушки и слабо вильнул белым пушистым хвостом, сказав этим, что слышит хозяйку. <...> Пойтэк повернул голову назад, показывая, где он охотился. Потом прилег на дорогу и, опустив тушку птицы на снег, принялся слизывать льдинки с подушечек передних лап. Делал он это с таким видом, будто ничего более важного для него на свете не существует. Никого не слышит и не видит. Ведь лапы носят и кормят его и поэтому требуют особого ухода. Сегодня не почистишь их, ранки не залижешь – завтра не встанешь, на охоту не пойдешь, значит, останешься голодным, а голод – это смерть. Стало быть, здоровые лапы – это жизнь. И Пойтэк отлично понимал это».²⁸²

Собака – последняя опора главной героини романа в борьбе за жизнь ребенка. Помощь Пойтэка сохраняет искру жизни в людях. Это своеобразное возвращение долга собаки женщине, которая когда-то пожалела щенка, уберегла его: «Когда не осталось ни крошки еды, он принес в зубах куропатку. Где и как он добыл птицу – осталось тайной. <...> Он шел нехотя, часто оттаптываясь. Как бы нехотя, как бы раздумывая, стоит ли поделиться с людьми своей добычей».²⁸³

²⁸⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матьер в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 206.

²⁸¹ Там же. С. 213.

²⁸² Там же. С. 205.

²⁸³ Там же. С. 205.

Через воспоминания героини представлена в романе и жизнь Пойтэка, его рождение. Это объясняет связь между собакой и хозяйкой, которая забрала щенка в дом в морозы и спасла его от участи братьев: «Вспомнился тот день, когда родился Пойтэк. А родился он в год жестокой зимы, в самые сильные срединно-зимние морозы. В помете было пять или шесть щенков, но все они замерзли, кроме одного.

В тот вечер, покормив собак, Хозяйка задержалась у конуры Пойтэковой матери, оленегонной лайки Соснэ. Та дрожала от холода и жадно глотала пищу. Хозяйка поняла, что собака обрадовалась не столько ужину, сколько теплу. <...> Под ногами матери на травяной подстилке копошился и едва слышно попискивал беленький комочек, последний щенок. <...> Новорожденный щенок, белый комочек, едва различимый на подлунном снегу, повизгивая, пробирался по тропинке в сторону дома. Не то шагом, не то ползком. Он еще совсем неуверенно держался на дрожащих ножках. Делал несколько шажков, на неровностях тропы спотыкался и плюхался на брюхо. Тоненько поскуливая, царапая утоптаный наст еще не отвердевшими коготками, чуть проползал вперед на животе и потом с трудом поднимался и начинал семенить к дому. Падал. Барахтался на месте. Если переворачивался на бок или спинку, то сучил лапками, как человеческое дитя. Довольно шустро пытался вскочить. Наконец вновь поднимался. Бежал неуклюже. Почти на одном месте. Но настойчиво, целеустремленно. При этом радостно повизгивал. Опять же как ребенок. Он был почти невидимкой на снегу под призрачным лунным светом. И только мечущаяся туда-сюда черная пуговичка кончика носа и тоненький голосок выдавали живое существо. <...>

– Ну, так я заберу беглеца в дом? <...>

– Как только потеплеет, он вернется <...>

Между тем щенок, падая, кувыркаясь, настойчиво полз в сторону людского дома»,²⁸⁴ «Так Пойтэк впервые попал в человеческий дом. Сначала у него не было имени. Звали его просто

²⁸⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 206–209.

Парнишка, Сыночек Соснэ, Собаки Дитя. Он оказался весь белым, ни одной черной шерстинки. Поэтому и получил имя Пойтэк, что значит «куропатка». Был он, как всякий ребенок, очень забавным и любопытным. Отогревшись и окрепнув, он похозяйски обошел всю нижнюю, околотверную, часть дома, проверил и обнюхал оба нижних угла. Желая поближе познакомиться, подходил к людям, терся о их ноги, иногда ненавязчиво взвизгивал, просил внимания. А может быть, просился на руки. Всем домочадцам он понравился. Но когда холода пошли на убыль, его отвели на улицу, в собачий домик. Ибо в семье придерживались веками сложившегося правила: человеку – человеку, собаке – собаке. Так в первый и последний раз Пойтэк пожил в человеческом доме». ²⁸⁵ Цвет собаки символически предопределил его судьбу – стать своеобразным ангелом-хранителем и добрым помощником женщины, последней надеждой – спасителем хозяйки и ее ребенка. Этот путь, видимо, ему определил Верховный бог, так как для собак есть свои правила и законы, установленные свыше. В романе читаем: «Вообще-то для собак были свои правила. С самого рождения собаки должны жить собачьей жизнью. В человеческом доме их никогда не держали и к теплу не приучали. Если начинаешь держать в людском доме, значит, как бы очеловечиваешь их. Стало быть, они должны тогда жить по человеческим правилам. А так не годится. У них свой дом, своя пища, своя тропа. Сам Верховный определил им такую жизнь. У каждого из них своя судьба. У всех разная. И, наверное, их судьбы могут быть не менее счастливыми, чем у людей. Кому что предначертано свыше. И жизнь этого белого комочка (*Пойтэка* – Е. К., Н. К.), как и всякой живности, тоже в руках самого Верхнего. Как он решит, так тому и быть...». ²⁸⁶

Повзрослевшей собаке – любимцу семьи – прощались многие проступки, за которые других собак наказывали. Верность Пойтэка, его разумное исполнение служебных обязанностей подчеркивают ценность животного: «Со временем он стал сте-

²⁸⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 211–212.

²⁸⁶ Там же. С. 206–207.

пенным оленегонным псом. Делал свое дело обстоятельно, без суеты, не по-собачьи разумно. Понимал хозяина без слов: по едва уловимому движению руки, кончика носа, глаз. Не говоря уже об интонации голоса. И конечно, никого, кроме хозяина, не признавал и не слушался. Тот платил тем же: многое произошло Пойтэку, особенно в последние годы. <...> Обычно за такие грехи псы бывали биты, но Пойтэку все сходило с рук. Точнее, с лап. Он знал себе цену. За хорошую оленегонную лайку могли отдать не одного оленя. А Пойтэк, если того требовали обстоятельства, за стадо стоял насмерть перед крылатой ли птицей, перед четвероногим ли зверем, перед двуногим ли существом».²⁸⁷

Интересно и своеобразное уподобление жизни собаки возрасту человека. Новорожденным щенком Пойтэк сравнивается с ребенком, с возрастом он страдает от болезней, как и человек: «С возрастом Пойтэк становился все менее резвым. У него стали побаливать суставы. Полдня он еще мог потоптаться возле стада, а потом потихоньку удалялся в укромное местечко <...> и, лежа на животе, подремывая, наблюдал, как молодые и шумливые собраты сбивали оленей в стадо. Все понимали, что он уже отработал свое, что с него ничего больше уже не возьмешь. Но все настолько к нему привыкли, что не представляли жизнь селения без него».²⁸⁸ «Ты хороший старик! Хороший человек!..»²⁸⁹ – обращается хозяйка к собаке.

С Пойтэком связывает героиня надежду на спасение единственного оставшегося в живых сына Саввы и веру в то, что умная собака приведет помощь к обессиленной хозяйке. Картина спасения появляется перед глазами женщины, впадающей в «сон-забытье»: «Вот Пойтэк подбежал к дверям дома и остановился. Хозяйские собаки подняли невообразимый лай на чужака, посмеявшегося прийти <...> со странной волокушей. Из дома вышли люди. Удивились. <...> Потом опомнились, отвязали люльку и с

²⁸⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 212.

²⁸⁸ Там же. С. 213.

²⁸⁹ Там же. С. 252.

малышом вернулись в дом. Пойтэк постоял еще немного, оглянулся на пустую волокушу и затем сделал несколько шагов в сторону. Он знал, что от него требуется: он должен вернуться к хозяйке, туда, где оставил ее. Сразу, немедленно. <...>

А люди в доме вскоре хватились: где же белый пес, который привез малыша? Убежал обратно? Значит, там есть живой человек. И люди засобирались в дорогу, вслед за Пойтэком»,²⁹⁰ «В том, что Пойтэк вернется и ляжет рядом с ней возле левого бока, с солнечной стороны, она нисколько не сомневалась. Не сомневалась, потому что у него была хорошая родословная. Дедушка Детей погиб в разгар войны между белыми и красными. <...> Родичи оплакали его, исполнив все обряды по погибшему. Только его собака не могла успокоиться: перестала есть и все выла и выла. Когда она своим воем всем измотала нервы, ее отвязали и отпустили. Она убежала на кладбище, легла обочь верхней домовины-надгробия хозяина и там околела. Вот из этой породы и был Пойтэк. Поэтому он не бросит хозяйку, не оставит ее одну, обязательно вернется».²⁹¹

Интересны взаимоотношения Пойтэка с другими собаками. Они строятся по правилам, которые Пойтэк знает и соблюдает: «Собаки продолжали лаять. И Пойтэк не выдержал. Уверенной, но внешне ленивой трусцой по ровненькой прямой побежал к конурам и остановился в десяти шагах от них. За свою долгую жизнь старик Пойтэк хорошо освоил все собачьи правила. Он вздыбил шерсть на загривке, а потом показал клыки, чтобы все видели, что они на месте. И лишь после этого не спеша, шагом, как бы в развалку подошел к корыту молодого пса и начал есть. Молодой раза два твякнул обиженно и забился в конуру.

Все собаки разом, как по команде, перестали лаять. И теперь они с любопытством разглядывали нахального чужака. А Пойтэк, поев, облизнулся, обвел глазом все конуры, постоял как бы в раздумье и с достоинством отошел в сторону».²⁹²

²⁹⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 244–245.

²⁹¹ Там же. С. 246.

²⁹² Там же. С. 245.

Собака в романе определяет линию жизни героини. Разговаривая на разных языках, пес и женщина понимают друг друга. Собака становится символическим воплощением жизни Матери Детей в романе, и героиня понимает это: «Когда женщина впадала в сон-забытье и надолго затихала, Пойтэк подходил к ней и, лизнув ее в лицо, начинал поскуливать. <...> Она знала: Пойтэк понимает все. Они рано или поздно доберутся до жилья. Если бы исход предвещал быть другим, то старик пес просто лег бы рядом с ней и, подобно своему предку на могиле Дедушки Детей, окопел бы возле хозяйки. Но они все шли-ползли вперед».²⁹³

Как видим, Айпин в своих произведениях в лучших анималистических традициях передал облик, повадки, раскрыл характер животного, гармонично сочетая художественное и естественно-научное.

Прозаик воссоздал образы животных в рассказах «Медвежье горе», «Бездомная собака», романе «Божья Матерь в кровавых снегах». В рассказе «Медвежье горе» писатель уподобил медвежью семью семье человека, поэтому и трагедия медведицы-матери воспринимается, в первую очередь, на эмоциях, чувствах. В двух других произведениях Айпин использует параллель «человек – собака», которая, можно сказать, стала уже традиционной для анималистической прозы. Стоит отметить, что повествовательная линия о судьбе животного в последних двух произведениях не является главной, она лишь дополняет основное повествование.

²⁹³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 253.

9. Картины природы в романе

В многовековой культуре человечества укоренилось представление о единении человека с природой. Мы не можем представить себе эпические произведения последних столетий без присутствия в них картин природы. «Формы присутствия природы в литературе разнообразны, это и мифологическое воплощение ее сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения (будь то отдельные возгласы или целые монологи), и описание животных, растений, их так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи – описание широких пространств».²⁹⁴ У каждого крупного писателя особый, специфический природный мир.

Картины природы в произведениях Е. Д. Айпина имеют немаловажное значение. Его герои – чаще всего представители хантыйского народа – неразрывной нитью связаны с окружающим их миром, с полной уверенностью их можно назвать детьми природы. Самыми яркими примерами являются мальчик Роман в повести «Я слушаю землю» (1983), Микуль Сигильетов в повести «В ожидании первого снега» (1979), Демьян в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990). Природа помогает разобраться в себе и в своих жизненных позициях Косте Казамкину – герою рассказа «Последний рейс» (1978). Во многих произведениях она отражает настроение героев, помогает раскрыть идейное содержание творения художника слова.

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» выделяется среди произведений автора скупым изображением природы; имеющиеся описания не блещут метафорами или сравнениями. Они настолько лаконичны и сухи, что воспринимаются читателем как простая констатация фактов, например: «Взошла на востоке Звезда Утренней Зари. Поднялась заря. Всплыло солнце».²⁹⁵

²⁹⁴ Хализеев, В. Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 206

²⁹⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 34.

В романе Айпина каждая пейзажная зарисовка имеет точное предназначение, свою функцию в структуре, фабуле или в раскрытии идейного содержания произведения.

Во-первых, пейзажные зарисовки помогают конкретизировать пространство в тексте: «<...> отослал старшую дочку Анну в осеннее становье возле запора на устье болотной речушки <...> место там укромное, тихое. На окраине бора в ветвистом сосняке спрятались старая моховая избушка-временка».²⁹⁶ Не случайно автор использует такие определения, как «укромное, тихое», именно там можно скрыться, как «спряталась» старая избушка.

Во-вторых, описания природы конкретизируют время действия: «Яркое солнце ослепило ее. По-весеннему порыжели сосны. По-весеннему ярко блистали белые снега. А у основания чума, на меховой крышке, снежинки превратились в серебряные капли воды. Серебристые капельки. Вода... Весна...».²⁹⁷ Из этого отрывка мы понимаем, что с момента трагической встречи Матери Детей с главарем красных Чухновским, которая произошла зимой, прошло не менее месяца, и наступила ранняя весна, так как снег начал таять только на темных поверхностях: стволах деревьев, меховой крышке чума. И далее в тексте по состоянию снега можно определить, что к моменту расставания героини с последним сыном весна вступила в полную силу: «подтаивающая колея, талая вода в копытце».²⁹⁸

В-третьих, природа раскрывает душевное и физическое состояние героев, их мысли. Вернемся к уже прозвучавшему отрывку: «Яркое солнце ослепило ее. По-весеннему порыжели сосны. По-весеннему ярко блистали белые снега. А у основания чума, на меховой крышке, снежинки превратились в серебряные капли воды. Серебристые капельки. Вода... Весна...».²⁹⁹ Через три последних предложения автор сумел передать логику

²⁹⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 35.

²⁹⁷ Там же. С. 48.

²⁹⁸ Там же. С. 239, 243.

²⁹⁹ Там же. С. 48.

мыслей героини и ее удивление. «Безмолвное небо. Покалеченные сосенки»³⁰⁰ – а далее читатель узнает, что смертельно ранена старшая дочь Анна, ее смерть принесла матери еще одну душевную травму.

В-четвертых, описание природы соответствует определенному этапу в жизни героя, например, осень символизирует старость, конец жизненного пути: «Легкое движение осеннего воздуха слегка пошевеливало прядь его белых волос на затылке, да низкое осеннее небо осторожно давило на него сверху. За деревьями сада тихо постанывал океан. Пусто, глухо, уныло. Пронзительно-осенний воздух, низкое небо, стон океана <...> небо все ниже опускалось над ним. Океан постанывал все глуше и глуше. Ветер уже перестал прикасаться к седой пряди волос на затылке».³⁰¹

В-пятых, в описаниях природы ярко прослеживается мифологические воззрения народа ханты: вера в силу небесных светил (солнце, луна). Многократно возникает в тексте образ Звезды Утренней Зари, символизирующую своим появлением границу между ночью и наступающим новым днем. Примерно такое же значение имеет созвездие Большой Медведицы, которое упоминается в тексте один раз: «Ногастый Зверь вверх пришел. Мы к утру идем...».³⁰²

Особое внимание следует уделить лиственнице, священному дереву в культуре народа, издревле являющегося помощником и другом человека. В романе лиственница присутствует в двух ипостасях: лиственничная роща в Березово, символ величия царской России, мощи былого: «Эти лиственницы, высокие. Прочные, здоровые, как сам светлейший князь (*Меньшиков – Е. К., Н. К.*), будто случайно, по ошибке природы оторвались от родимой природной почвы и крепкими корнями вцепились и выросли в этот высокий мыс над крутояром, обрывающимся к реке, к Северной Сосьве. Ведь во всей округе нет ничего более

³⁰⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 69.

³⁰¹ Там же. С. 235–237.

³⁰² Там же. С. 33.

сильного и мощного, чем этот лиственничный лес-великан»;³⁰³ и лиственничные дубины, которыми забивали красные непокорных. Северная природа невольно становится предательницей и врагом по отношению к коренным жителям, через образ лиственничных дубин и мороза, который становился «своего рода красным охранником».

Автор изображает природу не только, как зримую картинку, но и с использует звуковые ассоциации: «От луны было светло как днем. Мороз гулко протыкал «пузыри» деревьев. Изредка с хрустом отваливались ветви сосен. Со звоном оседали на снег лунные куржинки».³⁰⁴ Это единственная пейзажная зарисовка, которую можно считать лирическим отступлением, но и в этом случае данные строки показывают, насколько сильным был мороз.

В романе вырисовывается определенный ландшафт: равнинная местность, лес с большим количеством озер и болот, все это замерзшее, пустынное и безжизненное. Деревья не дают спасительную защиту путникам, они являются сторонними наблюдателями происходящих событий. Примечательно то, что все боевые столкновения с красными происходят на озерах, как и первые военные действия на Божьем озере, получившем название «Казымское восстание». Образ озера символичен тем, что оно является замкнутым пространством, тем самым автор замыкает все действие на Казымском восстании.

Время в романе ограничено тремя временами года: зима, весна, осень. Лето, символизирующее расцвет жизни, отсутствует. Из времени суток автор акцентирует внимание на ночь – время уединения, размышлений, время темных сил, и утро – символ возрождения, но в то же время, это начало нового дня, приносящее героине новые испытания.

Участниками действий из мира животных в романе становятся олени, собаки, волки и два ворона. Олени являются неотъемлемой частью жизни коренного населения – это средство пере-

³⁰³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 52.

³⁰⁴ Там же. С. 208.

движения, источник пищи, материала для одежды и обуви. Кроме того, это еще и умные животные: вожак Угольный пытается скрыться от «Назойливой железной птицы» в прибрежном лесу, а правый пристяжной принимает все осколки от бомбы на себя, тем самым они спасают детей, сидевших в нарте. Отношение Матери Детей, да и всех остяков к оленям особое – для них они больше чем животное, поэтому автор вместо слова морда употребляет «лицо» по отношению к оленю: «она благодарно провела рукой по остывающему «лицу» старого оленя».³⁰⁵

Большое внимание автор уделяет старой собаке по кличке Пойтек, верно служившей своей хозяйке до конца, настолько умной и преданной, что, будучи голодной, способна была отдать свою добычу людям.

Из мира дикой природы в романе встречаются два ворона, предвещающие смерть молодой хантыйской семье. Своеобразная аналогия прослеживается между Матерью Детей и волчицей, также потерявшей своих детей. Образ волчицы усиливает мотив одиночества в произведении.

В романе наблюдаем присутствие природы через образы животных, птиц; через скупые пейзажные зарисовки, которые в произведении не многочисленны, отличаются лаконичностью и небольшим объемом. Каждое из описаний играет определенную роль в тексте, а именно: конкретизируют пространство и время; раскрывают душевное состояние героев, их мысли; символизируют этапы человеческой жизни; отражают мифологическое мировоззрение народа. Через природные составляющие раскрываются мотивы одиночества, предательства, взаимопомощи. Все это служит единой цели – раскрытию идейного содержания произведения.

³⁰⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 186.

10. Композиция произведения

Композиция – это состав и определенное расположение частей, элементов и образов произведения в некоторой значимой временной последовательности. Последовательность эта никогда не бывает случайной и всегда несет содержательную и смысловую нагрузку.

Разделение произведения на главы носит чаще вспомогательный характер, служит для удобства, чтения и подчинено более глубоким слоям композиционного строения произведения. Так, роман «Божья Матерь в кровавых снегах» состоит из пролога, 24 глав, раскрывающих сюжет произведения и эпилога. Сюжет состоит из четырех основных линий: судьба главной героини Матери Детей и ее семьи, судьба русского офицера Белого, судьба молодой хантыйской семьи, попавшей в плен, и эпизоды из жизни красного командира Чухновского, раскрывающие становление его личности и его роль в подавлении Казымского восстания. Все эти линии взаимосвязаны не только во временном и пространственном единстве, но и, так или иначе, пересекаются или стремятся встретиться на страницах романа. О. К. Лагунова в монографии отмечает: «В центре романа, казалось бы, – судьба одной остяцкой семьи, вовлеченной в «колесо времени», в водоворот трагических событий 1933–1934 годов. Но романное повествование, как и содержание всей книги, выводит смысл произведения за эти рамки. В этом плане особую значимость обретают иллюстрации Г. Райшева и выборка документов из Архива УНКВД Омской области. Они составляют второй и третий разделы книги. В тексте романа также наличествуют документы из Тобольского фонда госархива Тюменской области. Многие герои многих произведений Е. Д. Айпина совершают путешествие по дороге памяти. Последний роман писателя в этом плане – не исключение. У каждого были свои причины двигаться «в обратную сторону, вглубь прожитых лет». <...> В романе чередуется время размышлений, воспоминаний и время действий. Категория времени осознается героями и как нечто масштабное, грандиозное, требующее осмысления, и как достаточно локальное, замкнутое, требующее решений, поступ-

ков. С одной стороны, повествование насыщено реалиями исторического времени <...>. С другой – оно концентрируется вокруг судьбы одной остяцкой семьи <...> Прошлое в романе – это не только фрагменты чьей-то биографии. Оно проясняет причины описываемых событий, убеждает в том, что что-то важное и ценное уходит безвозвратно».³⁰⁶

Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова, размышляя о романе Айпина «Божья мать в кровавых снегах», пишут: «Своеобразно композиционное построение романа Е. Айпина. Вслед за прологом, передающим в концентрированном виде суть произошедшего на остяцких землях, идут двадцать четыре главы, основанные на чередовании повествования о «красных» во главе с их вожаком и о матери, воплотившей волю и свободолобивый дух народа. Параллельно проходит рассказ о Белом, царском офицере, оказавшемся на Обской земле: ему посвящены 7–8 и 14–15 главы романа, тематически связанные с основным сюжетом книги. Одновременно роман вбирает в себя и четыре новеллы об остяцкой женщине-мстительнице, о Маше Обалкиной, ставшей жертвой пришельцев на эти земли, о волчице и о собаке Пойтэке, но и эти истории оказываются подчиненными основному стержню повествования и отнюдь не выпадают из напряженно развивающегося сюжета и структуры целого. Произведение венчается Эпилогом, излагающим события, последовавшие за основным романым действием.

Такая композиция весьма характерна для Айпина <...> Энергичная завязка, с которой начат сюжет «Божьей Матери в кровавых снегах», сразу вводит читателя в суть происходящего. <...> Картины разорения становья, избиений, грабежа и убийств сменяют друг друга. От них автор естественно и закономерно переходит к изложению обстоятельств захвата селения, а затем, вос-

³⁰⁶ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 187.

пользовавшись одним из отступлений IV главы, к предыстории Казымского восстания».³⁰⁷

Пролог и эпилог обрамляют произведение и выполняют не только привычную для них функцию, предварение и заключение описываемых в романе событий, но и за счет появляющегося только в них образа Сени Малого – народного героя, мстителя, угорского партизана, символа непокорности, несломленности всего хантыйского народа – закольцовывают композицию произведения. О. К. Лагунова пишет: «Пролог и эпилог обрамляют повествование, где сплелись земное и небесное, история и миф, преступление и наказание, жажда уничтожить и стремление выжить, чтобы отомстить. Это роман о поединке без правил, когда сошлись Вера и безбожие, разум и безумие, воин и ребенок, дарующий жизнь и отбирающий ее».³⁰⁸

Основными композиционными приемами, позволяющими расположить части композиции и расставить акценты между образами и элементами являются повтор, усиление, противопоставление и монтаж. Все эти приемы автор использовал в своем произведении, но основным в романе является противопоставление, которое присутствует не только на языковом уровне, как художественное средство, но и за счет противопоставлений образов становится основным композиционным приемом всего произведения.

Весь роман построен на противопоставлении. В основу произведения положен конфликт между техногенной цивилизацией и коренным населением, между представителями Советской власти и народом, не важно русским или хантыйским. Суть конфликта не меняет этническая принадлежность героев романа.

Уже в названии романа «Божья Матерь в кровавых снегах» зафиксировано противостояние добра и зла: с одной стороны, Божья Матерь – символ добра, чистоты, заступничества, веры в

³⁰⁷ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 111–112.

³⁰⁸ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 181.

Бога, и с другой стороны, сочетание «кровавые снега» – ассоциируется со смертью, горем, убийством, отсюда безверие, так как убийство один из тяжких грехов. Сразу возникает мотив одиночества и обреченности. О. К. Лагунова выделяет в романе «мотив преждевременности»: «В системе мотивов, наличествующих в романе, значимое место занимает мотив преждевременности. Уходят до срока один за другим дети Матери, расстреляны или умерли от голода и ужаса дети в мертвом селении. Не родившись, погибает наследник молодой ненки. Насильственная смерть настигла детей царской семьи. Погибают молодые ненцы и ханты в сражениях с красными. Документы, вошедшие в третий раздел книги, свидетельствуют о преждевременной гибели тех, кто был (или не был) причастен к Казымскому восстанию».³⁰⁹

Все люди в романе поделены на «людей» и «нелюдей»: «Сейчас в народе разбудили самые низменные страсти, чтобы одна половина народа уничтожила другую. В живых останутся те, у кого напрочь искалечена душа. Это уже не люди, а существа страшнее зверя».³¹⁰ Автор так и называет их «красная нелюдь».³¹¹

Последовательно проводится в тексте противопоставленность главных героев, Чухновского и Белого. Оба военные, но являются офицерами разных армий, с разными политическими взглядами и жизненными ценностями. Для Белого, потомственного дворянина, царь не только наместник Божий на Земле, но и «душа народа, лицо России»,³¹² без него он не представляет благополучного будущего страны. Чухновский – пролетарий, воюет за Россию без царя, но сам не задумывается о будущем страны и народа, он живет настоящим и упивается своей безграничной властью. Для Чухновского синонимичны понятия «власть» и

³⁰⁹ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 188.

³¹⁰ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 137.

³¹¹ Там же. С. 27, 172, 178.

³¹² Там же. С. 136.

«хозяин»; и то, и другое предполагает вседозволенность и безнаказанность, именно поэтому он любит войну и военные походы. Неслучайно все его воспоминания связаны с войной, с подавлением восстаний, захватом городов. Он вспоминает людей, наделенных немалой властью: Тухачевского, Троцкого, князя Меншикова. Даже имя свое ассоциирует с вождем революции: «А зовут меня Владимир, правда, не Ильич, а Васильич».³¹³

Оба по-разному появляются в жизни остяцкой семьи. Белый, в отличие от красного командира, ни разу не переступил грань, отделяющую гостя от хозяина, он сочувствует осяткам, интересуется историей народа, изучает язык, знакомится с традициями и обычаями народа. Белый офицер делится с ними сокровенными мыслями о стране, царской семье, о красных с их жестокостью, не щадящих «ни своих, ни чужих детей, ни родных, ни близких».³¹⁴ Белый оставляет Божий дом, возведенный собственными руками, красный командир – разгромленное становье, залитый кровью снег.

«Противопоставленность героев может быть зафиксирована формулой: "человек с... – человек без...". Один с богом в душе, другой безбожник. Один с благодарностью принимает помощь остяков, другой без всякого разрешения берет, что считает нужным. Белый человек семейный, скучающий о родных, тревожащийся за их судьбу, о семье Чухновского речи нет. Один с "внутренним трепетом", "с опаской" взялся за творение икон с ликами царских великомучеников, другой без мысли о грехе расстреливает икону Божьей Матери».³¹⁵

Даже время в романе поделено на «Век Страданий» и «Век Благополучия»: «<...> хозяин пояснил, что у остяков каждое время имеет свою окраску. Отсчет времени начинается с какого-либо значительного, эпохального события. Вспоминая прошлое, старики обычно говорили, что наступил или закончился такой-

³¹³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 53.

³¹⁴ Там же. С. 159.

³¹⁵ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах») // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 209.

то век. Или Век Удачи и Благополучия. Или Век Горя и Страданий».³¹⁶ «Век красных» тоже получил свое название в романе – «смутное время».

О. К. Лагунова выделяет в романе «время жизни и время не жизни», которым соответствует цветовая символика: белый и красный цвет. «Оба цвета заявлены в названии романа. Божья Матерь ассоциируется со светом, жизнью, то есть белым цветом».³¹⁷ Не случайно Матерь Детей представляла, что, если бы она шила одежды для царской семьи, они были бы белыми, так как это цвет божественный, оберегающий: «В белых одеяниях ходят только боги. Белый цвет – это цвет жизни у остяков».³¹⁸ Матерь Детей рассказывает русскому человеку о том, что белый цвет повсюду и всегда с остяками. Белый снег, белая зима сменяется белыми ночами, белым солнцем, белым днем. С наступлением прохлады в доме поселяется огонь чувала, который освещает все белым светом. А затем опять приходит белоснежная зима, а за ней весна с «серебристо-белым настом, с матово-белой коркой льда <...> и земля начинает принимать пополнение».³¹⁹ «Белый царь для остяков был гарантом стабильности, порядка, традиций. Белый человек <...> с уважением и благодарностью принял помощь <...> построил Божий дом, сотворил иконы. Белый щенок, принесенный вопреки всем правилам в дом людей, становится единственным, кто может спасти последнего еще живого ребенка.

Красный цвет в романе не просто всегда рядом с белым, а поглощает его. Потому Божья Матерь – в кровавых снегах. Потому вместо дающего жизнь белого молока ребенок сосет материнскую кровь. Потому окаменела обнаженная белая грудь кормящей матери и застыло белое молоко на губах мертвого мла-

³¹⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 134.

³¹⁷ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах) // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 213.

³¹⁸ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 145.

³¹⁹ Там же. С. 145–146.

денца. Красный цвет разлился по всей остяцкой земле, Красный цвет внес в жизнь аборигенов хаос <...>.³²⁰ Красный царь поверг страну в бездну, красный командир жестоко расправляется с остяками. Почти на каждой странице романа встречается слово «красный» или «кровавый» убеждающее в том, что жизнь на этой земле на грани исчезновения: «красная нелюдь», «красная пуля», «покрасневшие от слез глаза», «кровавый день», «кровавая работа», «кровавые пиры», «кровоточащая грудь», «красная крылатая машина», «огненный камень красных», «окровавленный наст дороги», «весь дом в крови», «окровавленный труп», «окровавленные волосы» и т. д.

Противопоставление героев, цветов, времени подчеркивает в данном произведении основную мысль, которая выводит нас на философский уровень: это вечное противостояние добра и зла, воплощенные в романе образами «красной нелюди» и народом (остяцким, самоедским, русским). Несмотря на всю трагичность описываемых событий, которые рождают чувство обреченности и безысходности, автор оставляет надежду на возрождение народа. Не случайно Айпин на протяжении всего романа знаково фиксирует наступление весны. С ее приходом окровавленный снег сойдет, и наступит новая жизнь.

Еще один композиционный прием занимает, несомненно, важное место в структуре произведения – это повтор. Все столкновения героев с отрядом Чухновского происходят на озерах: «озерко перед станомъ»³²¹ Отца и Матери Детей, семья ненцев «ехали по озеру на двух упряжках и столкнулись с красным войском»,³²² молодожены «стремительно уходили по озеру»,³²³ но были настигнуты – все это создает аллюзию первого вооруженного столкновения на Божьем озере, главном святилище ханты и ненцев, описанного в прологе романа. Тем самым, автор утвер-

³²⁰ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 213.

³²¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 20.

³²² Там же. С. 40.

³²³ Там же. С. 73.

ждает мысль о том, что война не закончилась, народ не покорился, он продолжает противостоять натиску захватчиков. Для этой же цели в романе присутствует образ Сени Малого, неуловимого мстителя, которого люди каждой реки считали своим: «Казымские уверяли, что он из рода Молдановых, ляминские и пимские – из рода Хоровых, тромаганские – из рода Медведя, аганские – из рода Бобра. Словом, он был из народа...».³²⁴ А скорее всего, таких борцов одиночек было много, и их деяния причислялись легендарному Сене Малому. Именно об этом думала главная героиня, когда представляла свои последние дни жизни: «И станет она таким же неуловимым и бесстрашным воином, как Малый Сеня-старик. Красные еще долго ничего не будут знать о ней. Все свои потери они спишут на Сеню-старика, который, в конце концов, останется один на один с красным войском <...> еще многие годы он будет уходить из их широкого расставленных сетей, из любых засад целым и невредимым».³²⁵

Неоднократные упоминания о готовящихся выступлениях остяков и самоедов тревожащие Чухновского создают ощущение единства всего народа: «По поступающим донесениям, вокруг большого села Полноват, что стоит на правом берегу Малой Оби возле устья Казыма, в урманах формируются отряды обских остяков, готовые выступить по первому сигналу от казымских мятежников»,³²⁶ – недаром во главе местного населения стоит русский человек: «<...> ходили упорные слухи, что одним из руководителей восстания является белогвардеец, полковник генштаба царской армии <...>. Он и разработал все военные операции остяков, обучал их военному делу, инструктировал...».³²⁷

Близким к повтору приемом является усиление. Этот прием применяется в тех случаях, когда простого повтора недостаточно для создания художественного эффекта, когда требуется уси-

³²⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 256.

³²⁵ Там же. С. 247.

³²⁶ Там же. С. 224.

³²⁷ Там же. С. 80.

лить впечатление путем подбора однородных образов или деталей. В данном произведении автор не раз использует усиление, но только для организации небольших фрагментов текста, о чем мы будем говорить при анализе художественных средств.

Монтаж – «способ построения литературного произведения, при котором преобладает прерывистость изображения, его разбитость на фрагменты».³²⁸ Конечно, нельзя утверждать, что в основу романа положен принцип монтажа, но монтажное начало так или иначе присутствует в сюжетных произведениях, где есть вставные рассказы, хронологические перестановки и, как мы наблюдаем в данном случае, цитаты из архивных материалов. Таким образом, в рассказ Отца Детей об истории угорского народа закралась цитата из архивного документа, данная со сноской на источник и подтверждающая существование князей – потомков оставшихся в живых богатырей, присягнувших русскому царю: «<...> 2 февраля 1887 года тобольский губернатор сообщал министру внутренних дел: «3 февраля истекшего года в с. Обдорском Березовского округа вверенной мне губернии скончался обдорский князь Иван Матвеевич Тайшин, имевший высочайшую грамоту, данную в 14 день января 1768 г. Отцу покойного князя Матвею Тайшину за собственной подписью ее величества государыни императрицы Екатерины II об утверждении его в княжеском достоинстве с предоставлением ему права заведывания остяцким народом и собирания ясака со сдачею такового в казну».³²⁹ Архивные материалы, даны и в конце произведения в качестве приложения. Так автор подтверждает достоверность описываемых событий.

А. Цукор отмечает философские мотивы в произведении: «Бело-черный» роман, построен на противостоянии Света и Тьмы; восстание – это сражение Добра со Злом. Главная героиня Матерь Детей – земное отражение Богоматери. И это заявлено в названии романа. Ее противник командир карательного от-

³²⁸ Хализеев, В. Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 276–277.

³²⁹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С.156–157.

ряда Главарь, Вожак, Зверь – Враг рода человеческого. Сатана. «Красные» – бесы, демоны – его воинство».³³⁰

Все произведение: сюжет, фабула, образы героев, в большей степени собирательные, символические, – ориентировано на описание исторического события, оставившего неизгладимый след в судьбе хантыйского и ненецкого народов, описании бесчеловечных методов и способов подавления восстания советской властью. Именно об этой своей главной цели автор заявляет в начале произведения: «Впервые возможность рассказать об этом событии появилась спустя 60 лет после подавления Казымского восстания 1933–1934 гг.»³³¹

Многосюжетная композиция романа, художественная достоверность, система традиционных для автора средств создания образов позволили Айпину в «Божьей Матери в кровавых снегах» создать синтез семейной хроники и исторического романа.

³³⁰ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах») // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 210.

³³¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 5.

11. Поэтика романа

Главной художественной особенностью романа можно считать его символичность, которая проявляется, в первую очередь, в образной системе произведения.

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» символичен уже в своем названии, о чем мы уже писали. Божья Матерь – символ добра, чистоты, заступничества, веры в Бога; «кровавые снега» ассоциируются со смертью, горем, убийством. Если учесть тот факт, что главная героиня Матерь Детей – это земное отражение Богоматери, то название романа в полной мере отражает основную сюжетную линию – путь Матери Детей по бескрайним северным просторам, окропленным кровью ее детей и сородичей.

Ярким символичным героем является образ Сени Малого, который не участвует в развитии сюжета и выступает символом непокорности, несломленности всего хантыйского народа.

Образы главных героев в большей степени собирательные: за личностью Белого мы видим все дворянство, его взгляд на происходящие события и возможные пути развития страны отражает точку зрения русской интеллигенции, его судьба – это судьба многих эмигрантов, живущих в чужой стране, но ежечасно думающих о своей покинутой стране; за личностью Чухновского видим типичный образ красного командира, стандартную схему восхождения по служебной лестнице – из простого сына рабочего, уличного хулигана и заводилы – в командира, благодаря своим личностным качествам: способностью управлять, быть лидером, вести за собой небольшую группу людей, жестокости, изворотливости; за образом Матери Детей читатель видит всех хантыйских женщин.

Текст произведения насыщен и другими, более привычными и универсальными для литературы символами, – это и цветовая символика, о которой мы уже писали; и библейские образы и символы; и фольклорно-этнографические, к которым можно отнести образ Менква, звероподобного существа, с которым сравнивается командир отряда Чухновский; образ Пойтека, – священной собаки, о чем говорят его цвет и табуированное назва-

ние «Хвостатый»; образ двух воронов, «вещих птиц»,³³² в зависимости от контекста могут предвещать и хорошее, и плохое.

Символика в творчестве Е. Д. Айпина является неотъемлемой частью. Становясь орудием в руках автора, помогает ему подчеркнуть свои мысли и вместе с тем создать свое особое мифопоэтическое пространство.

Важную роль в романе играют имена. Имя собственное относится к наиболее выразительным, ярким и специфическим элементам, поскольку любое художественное произведение представляет собой «автономный вербальный мир», слова, в том числе и имена собственные, приобретают в нем свою собственную значимость.

Все онимы в романе можно подразделить на группы: личные имена, табуированные названия, религиозные имена и названия, этнографическая лексика и лексика, обозначающая время и пространство.

В свою очередь, личные имена условно можно разделить на имена исторически известных личностей, упомянутых в произведении, имена положительных героев и отрицательных. В романе упоминаются сильные, обладающие в свое время большой властью люди – это маршал Тухачевский, князь Меншиков, Петр Первый, Троцкий, Николай Александрович Романов. Культурный фон этих имен стал дополнительным планом демонстрации мотива власти в произведении.

Несмотря на то, что автор упоминает настоящие имена главных героев: Вера Саввична, Петр Николаевич, Владимир Васильевич Чухновский, в тексте они фигурируют под именами: «Мать Детей», «Белый», «Чухновский». Уже говорили, что имя «Мать Детей» выбрано автором не случайно. Здесь прослеживается аналогия с именем Божьей Матери. Кроме этого, внешнее сходство обеих женщин, которое отмечают героини-мужчины, сходство в судьбах и другие детали связывают эти два образа, делая Мать Детей земным отражением Богородицы.

³³² Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 121.

Офицер царской армии, вступивший в армию под командованием А. В. Колчака, известную как Белая армия, стал «Белым офицером» или просто «Белым». Тем самым автор противопоставляет героев по цветовому признаку (белый – красный) и по принадлежности к власти. Айпин подчеркивает, что белый цвет в культуре ханты является божественным, символом света, добра, чистоты, оберегом от всех бед и невзгод, тем самым имя Белый наполняется дополнительной семантикой защитника, некоторой причастностью к Богу, что не упускает возможность подтвердить своими деяниями и поступками сам герой.

Называя командира красных просто по фамилии, автор выражает тем самым негативное отношение к герою. Чухновский получает целый ряд косвенных наименований нейтрального и оценочного характера: «командир», «глава войска», «хозяин-владыка», «главарь», «командир-главарь», «вожак», «войка-заспинник», «ненавистный захватчик». Если проследить частотность использования этих имен в тексте, то можно заметить, что чем ближе к концу произведения, тем чаще автор использует имена, содержащие негативную оценку.

По тому же принципу помощник командира Володя Мингал в произведении фигурирует только под именем «Мингал», автор уточняет, что за глаза его называли «Мингал-Мангал-Мандал», тем самым принижая образ героя. Этой же цели служит авторский комментарий: «<...> его славное имя», которым он гордился с самого детства, так как оно было таким же, как у вождя революции, друзья переименовали в имя «Людька».

Некоторые косвенные имена и названия также получили оценочные наименования: аэроплан – «крылатая дура», «железный людоед», «железное чудовище», «чудовище-хищник»; летчик – «ведущий ирод»; каюр – «остяк-предатель»; отряд красных – «каратели», «собачье войско», «приспешники сатаны» и т. д. Причем карателями красноармейцев автор называет не только в данном произведении. Это имя впервые прозвучало в рассказе «Клятвопреступник» (1978): «Пришел пароход «Святая Мария» <...> все в селе заговорили: каратели пришли, каратели

<...> тогда их называли карателями, а теперь красными партизанами...».³³³

Желая вызвать у читателя глубокую неприязнь к предателям и перебежчикам, автор наделяет одного из каюров библейским именем Иуда, и вкладывает в уста Чухновского рассуждения о причинах гражданской войны и предательства: «Он понимал, почему одни русские пошли на других русских: одним пообещали землю, заводы и фабрики – словом пообещали райскую жизнь <...>, а этому остяку что пообещали власти за предательство? Каждый вечер по кружке спирта? За каждую отнятую жизнь глоток водки?»³³⁴

Еще одно библейское имя – Ирод, широко используемое в русском языке как слово с экспрессивно-негативной окраской, дает возможность сопоставить образ летчика с Иродом Великим, погубившим тысячи младенцев ради сохранения своей власти. Пилот аэроплана не только безжалостно убивает детей и женщин, но и ради развлечения сбрасывает бомбы на животных.

Изображая жизнь и быт народа, автор использует много этнографизмов. Это названия предметов одежды и быта: ягушка, гусь, кисы, подволоки, чум, макодан, нарты, аргиш, хорей, аркан, запор и т. д.

Говоря о своем родном народе, Е. Д. Айпин изображает не только бытовые реалии, но и духовное богатство, религиозные верования, которые раскрываются в романе через обычаи, обряды, запреты. К одним из видов запретов относятся табуированные названия животных, частей тела животных и человека. В данном произведении автор знакомит читателя с некоторыми запретами, используя при этом табуированные названия: «Человеческую «светлую», «яркую», то есть кровь не должны видеть ни Солнце, ни Луна, ни Небо, не должны клевать-крошить ее

³³³ Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. – М.: Русло. 1993. – С. 93–94.

³³⁴ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 16.

вместе со снегом ни глупые птицы, ни неразумные звери»,³³⁵ «Когда отсиживаешь плохие ночи-дни <...> на Сидящую (*иносказательное имя Земли – Е. К., Н. К.*) голыми пятками ступать нельзя»,³³⁶ «Родственники покойных не должны уходить с кладбища первыми. Для этого есть специальный человек, женщина-хромоножка (*огонь – Е. К., Н. К.*)», ее же героиня называет «Безногая женщина».³³⁷

Медведь в культуре ханты – одно из главных священных животных, поэтому все, что касается медведя, имеет иносказательные названия. В тексте мы встречаем название медвежьей желчи – «горькая».³³⁸ Упоминаются иносказательные имена собаки – «хвостатая»³³⁹ и волчицы – «высоконогая».³⁴⁰

В особую группу можно выделить лексику, связанную с представлениями ханты о мироустройстве. В романе представлена вертикальная картина мира и соответственно названия трех миров: Нижний Мир, Средний Мир, Верхний Мир. Жизнь в нижнем мире называется «обратной жизнью».³⁴¹ Верхний мир делится на «Небесные Слои», на шестом или седьмом Небесном Слое есть священное место, где живут бессмертные души воинов, погибающих в бою. Место это называется «запретным, и непереводаемым словом «Тарн». Старцы иногда добавляли к этому понятию другие слова «Пухол», «Пауль» или «Торум».³⁴²

Имя Верховного Бога варьируется: «Верховный Отец», «Отец», «Верховный Бог», «Торум». Чаще всего герои называют его «Верховным Отцом», который все видит и обо всех заботится: «Он пошлет в мои сети-невода лишнюю рыбку, на мои стрелы-пули – лишнюю птицу и лишнего зверя, в мое стадо – лиш-

³³⁵ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 186.

³³⁶ Там же. С. 31.

³³⁷ Там же. С. 47.

³³⁸ Там же. С. 89.

³³⁹ Там же. С. 45.

³⁴⁰ Там же. С. 199.

³⁴¹ Там же. С. 33.

³⁴² Там же. С. 135.

него оленя. Для гостя, а ты у нас гость».³⁴³ Кроме Торума, в произведении фигурируют и другие боги и богини, это «Земля-Матушка» («Сидящая», «Сидящая Матерь»), Солнышко-Матушка, Месяц-Старик, вместе они составляют семейную пару «Месяц-с-Солнцем» или «Солнце-с-Месяцем» и, конечно же, православная Божья Матерь – ко всем главная героиня обращается с мольбой о помощи, и они не только ей помогают, наполняют силой и уверенностью в благополучном исходе, но и разговаривают с нею.

У северных народов своеобразный отсчет времени, который отражается в данном произведении. Например, названия месяцев восходят к характерным событиям, которые происходят в этом месяце. В романе встречается название месяца апреля – «Месяц Вороны»,³⁴⁴ названного так в честь прилета священной птицы вороны – охранительницы всех детей и матерей.

В хантыйском языке понятие «сутки» выражается словами «*атл-хӓтл*» (букв.: ночью-днем). Дословный перевод с хантыйского использует автор и в романе, чтобы показать логику мышления народа: «Когда отсиживаешь плохие ночи-дни, надо руками что-то делать...».³⁴⁵

Для обозначения сторон света автор создает очень поэтические названия: восток – «сторона Восходящего солнца», запад – «сторона Заходящего солнца», юг – «Полуденная», север – «Полуношная» сторона.

В данном произведении имена выполняют разные функции: через имена исторических личностей реализуется мотив власти; личные и косвенные имена отрицательных героев выступают как средство характеристики, оценочного отношения и эмоционального воздействия; в именах положительных героев присутствует религиозный подтекст. Автор использует культурный фон библейских имен, а именно – Иуда и Ирод, для раскрытия образов героев. Е. Д. Айпин стремится донести до окружающих культу-

³⁴³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 98.

³⁴⁴ Там же. С. 87.

³⁴⁵ Там же. С. 31.

ру, мировоззрение, обычаи северного народа, поэтому он включает в свои произведения этнографические описания, мифологическую, сакральную информацию.

При прочтении романа Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» читателю сразу бросается в глаза некоторая сухость и лаконичность повествования. Почти полное отсутствие бытовых и пейзажных зарисовок придает динамичность развитию действия. Этому же способствует преобладание простых, ничем не осложненных предложений.

В зависимости от контекста меняется лексика и синтаксис предложения, например, когда речь идет о событиях XIX века, автор использует древнерусские обороты речи: «<...> князь-воевода во главе войска ушел на войну с чужестранцами, пришедшими завоевывать русскую землю, и пал на поле брани. А у нее-де, у княгини, растут дочка да сын, славные дети. И все они, втроем вспоминают ее, спасительницу Анну, и молятся за ее здравие».³⁴⁶ В речи Матери Детей и Отца Детей преобладает обско-угорская структура предложения, а именно – подлежащее на первом месте, сказуемое – на последнем, между ними – все второстепенные члены: «Плохое на детей наших в мыслях не держи... Наша дочка Анна цела и невредима вернулась. Упряжку из двух оленей сберегла <...>»³⁴⁷ «Мы их древними сказаниями называем <...> Предания ничего об этом будто бы не говорят...».³⁴⁸ Речь командира красных Чухновского насыщена просторечными словами и неправильными грамматическими формами: «Знам ваших»,³⁴⁹ «Так пошто беглого не снял? <...> может статья, я тебя пристрелю»,³⁵⁰ «добровольцы только сдуру прут»³⁵¹ и т. д.

Изобразительные приемы служат не столько для выразительности описания, сколько для передачи определенного содержания

³⁴⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 94.

³⁴⁷ Там же. С. 45.

³⁴⁸ Там же. С. 144.

³⁴⁹ Там же. С. 9.

³⁵⁰ Там же. С. 15.

³⁵¹ Там же. С. 57.

ния. Например, в тексте преобладают оценочные эпитеты, характеризующие героев, либо передающие чувства и отношения героев друг к другу, отношение автора к происходящим событиям: «проклятый аэроплан», «ненавистный аэроплан», «собачье войско», «мертвые, без всякого выражения, глаза», «мышинные, с пакостливой пленкой, глаза», «кровавый день», «кошмарная полудрема», «жуткий кошмар», «неразумные звери», «осиротевший дом», «страдальческие морщины» и т. д.

Следует отметить, что описание глаз является одной из важных деталей при раскрытии образа героев в произведениях Е. Д. Айпина. Чаще всего автор использует этот прием, характеризуя отрицательных героев, например, в рассказе «Конец рода Лагермов» (1974) расчетливый и корыстный, хладнокровный убийца «Беспалый» обладает ледяно-голубыми, мертвыми глазами; комиссар Никишин в рассказе «Клятвопреступник» (1978) – обладатель глубокоседающих, колких и кровожадных глаз; глаза капитана Буркина из рассказа «Последний рейс» (1972) не только характеризуют героя, но и передают эмоциональное состояние капитана, которое от полного равнодушия и апатии меняется на заинтересованность и гнев: «Неподвижные серые глазки стеклянно уставились...», «Сонные глазки его ожили и теперь беспокойными мышатами метнулись на берег», «его холодные колючие глазки впились...».³⁵²

Сочетание «Кровавый глаз» стало нарицательным именем героя нескольких произведений Е. Д. Айпина. Этот образ присутствует в рассказе «Клятвопреступник» (1978), в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1987) и в пьесе «Красная нарта» (1991). В романе «Божья Мать в кровавых снегах» мертвые глаза характеризуют помощника командира Мингала как безжалостного, пронырливого, способного на предательство и мелкие пакости человека. Недаром у Чухновского возникло подозрение, что его помощник «<...> когда-то, на заре Советской власти, вешал комиссаров», а теперь перебежал на более сильную сторону. В описании командира красных автор тоже

³⁵² Айпин, Е. Д. Последний рейс. Избранное: Роман и рассказы. – М. : Русло, 1993. – С. 10, 13.

использует эту деталь: «<...> ненавистные оплывшие зенки главаря <...>»,³⁵³ «Его налитые кровью глазищи заметались <...>».³⁵⁴ Употребление просторечных слов с негативной окраской (зенки, глазищи), сближает образ героя с чудовищем из фольклорных произведений.

Есть в романе и другие тропы, делающие текст более выразительным. Это метафоры: «из его узорчатых очей выплескивалась тоска».³⁵⁵ В данном случае определение «узорчатые» обозначают голубые глаза. Невольно вспоминается выражение «глаза – это зеркало души», и становится понятно, что сильная тоска, переполнившая душу человека, отражается в его глазах. А из глаз Матери Детей и пленницы исходит черный огонь ненависти: «Она в первый раз вперила в него свои темные глаза – из них брызнул черный огонь ненависти», «глаза ее горели черным огнем»,³⁵⁶ «Мать Детей вперила яростно горящий взор».³⁵⁷ Использование слова «вперила» и сравнение взгляда с огнем показывает силу ненависти к врагу.

С помощью метафор автор передает стремительность действий: «молнией метнулась к командиру»,³⁵⁸ неожиданность и силу выкрика: «резко и отрывисто выстрелил вопрос:

– Где полковник?».³⁵⁹

Текст насыщен сравнениями, обогащающими язык произведения: глаза – «как два озера»,³⁶⁰ топоры – «как непреклонные стражи»,³⁶¹ комочки земли ассоциируются с «черными слезами Сидящей»,³⁶² сосновые бревна «напоминали сказочных лесных

³⁵³ Айпин, Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 10.

³⁵⁴ Там же. С. 11.

³⁵⁵ Там же. С. 101.

³⁵⁶ Там же. С. 84.

³⁵⁷ Там же. С. 10.

³⁵⁸ Там же. С. 85.

³⁵⁹ Там же. С. 79.

³⁶⁰ Там же. С. 70.

³⁶¹ Там же. С. 30.

³⁶² Там же. С. 38.

фей, стыдливо загорающих на бело-ягельном бору»,³⁶³ выступающая на бревнах смола «как золотистый загар»³⁶⁴ и др. Олицетворяя «безжизненные»³⁶⁵ бревна, автор создает атмосферу таинства и одухотворенности при строительстве Божьего дома, недаром указывается, что герой «бережно брал на руки (*бревна – Е. К., Н. К.*), как бы вдыхая в каждое вечную жизнь <...> своим дыханием и руками не спеша оживлял их».

Неоднократно главная героиня сравнивается с птицей, а ее дети – с птенцами: «аэроплан <...> устремился на беззащитный выводок женщины»,³⁶⁶ «успокаивая своих птенцов <...> все повторяла-говорила»,³⁶⁷ «всем своим телом закрыла детей в родном гнездышке»,³⁶⁸ «Матерь Детей, омертвевшая, затихла и теперь лежала, подобно подбитой птице...».³⁶⁹ В то же время аэроплан ассоциируется у героев с «хищной птицей».³⁷⁰ Автор через аллегория говорит о том, что общество уподобилось животному миру, в котором царит закон джунглей. Айпин не останавливается на этом, говоря о том, что часть человеческого общества не только уподобляется животным, но и становится хуже зверя, создает очеловеченный образ волчицы. Казалось бы, волк – один из опаснейших, кровожадных хищников, но в романе – это мыслящее, обладающее интуицией существо, живущее по Божьим законам.

Особое значение имеет в романе олицетворение небесных светил, огня, Земли, которое связано с языческими представлениями коренных народов. В произведении они не только выступают как боги и богини, к которым взывает и молит о помощи главная героиня, – они становятся невольными зрителями развертывающейся трагедии: «С неба кротко смотрело на нее пе-

³⁶³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 113.

³⁶⁴ Там же. С. 113.

³⁶⁵ Там же. С. 112.

³⁶⁶ Там же. С. 66.

³⁶⁷ Там же. С. 67.

³⁶⁸ Там же. С. 10.

³⁶⁹ Там же. С. 73.

³⁷⁰ Там же. С. 67.

чальное солнце»,³⁷¹ «Месяц, то открывая из-за тучек, то закрывая половину своего лица, размышлял»;³⁷² и ее участниками: «Земля каждый день понемногу уступала, позволяя углубиться в свое чрево»,³⁷³ в момент отчаяния мать детей обращается к «Сидящей».

Айпин широко использует в своем романе градацию, с помощью которой передает движение времени, ценность и значимость каждого мгновения: «И завертелось колесо времени <...> пронеслись в ее сознании события последних лет, месяцев, дней и часов»,³⁷⁴ «И, как и прежде, завертелось колесо времени.

Лета и зимы ее жизни.

Месяцы.

Дни.

Мгновения».³⁷⁵

Сочетание градации и различных видов повторов усиливает эмоциональное напряжение и подчеркивает основные мысли произведения. Например, после набега красных на становье, автор описывает состояние своих героев такими словами:

«И осталась Матьер Детей с сожженным сердцем.

Чум стонал.

Плакал.

Ревел.

На макодан давило студеное небо.

Вздрагивали продрогшие сосны».³⁷⁶

Каждое новое предложение начинается с новой строчки, усиливая накал страстей и огромное горе, которое нарастает, что передается градацией «стонал, плакал, ревел». Небо не просто «студеное», но оно еще и «давит» на героев, усиливая чувство обреченности и безысходности. Постепенно буря эмоций затухает – «вздрагивают» не сосны, а плечи оставшихся в живых.

³⁷¹ Айпин, Е. Д. Божья Матьер в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 217.

³⁷² Там же. С. 220.

³⁷³ Там же. С. 39.

³⁷⁴ Там же. С. 34.

³⁷⁵ Там же. С. 49.

³⁷⁶ Там же. С. 25.

Потеря каждого ребенка отзывалась ударом по сердцу матери. От первого ее крика: «Треснуло небо. Треснуло солнце. Все вокруг покрылось трещинами. И мать повалилась на остывающее тело Анны, завывала нечеловеческим голосом. Ее жуткий вой, вползая во все земные и небесные трещины, расшатывал, казалось, все мироздание. Все рушилось. Все рассыпалось. Казалось, подступал конец Мира, человечества, остяцкого народа <...>».³⁷⁷ Полные тождественные повторы глагола «треснуло» и лексико-семантические повторы: «треснули, треснуло, трещинами, трещины», и второй ряд: «расшатывал, рушилось, рассыпалось, подступал конец» связывают этот отрывок в единое целое, показывают силу материнского горя. В финале произведения героине кажется, что на «песчинки-пылинки» рассыпается она сама.

В большом количестве встречаются и другие виды повторов: анафоры, эпифоры и параллелизмы. С помощью анафоры автор передает чувства героини, для которой старшенькая дочь была опорой и надеждой. Ее преждевременная смерть опустошила сердце и душу героини, она чувствует себя одинокой в этом огромном мире: «С уходом Анны у нее все усиливалось ощущение пустоты. Пустоты в сердце. Пустоты в душе. Пустоты вокруг себя. Пустоты на земле».³⁷⁸ Описывая расстрелянный чум, автор сравнивает младенца в подвешенной люльке с небесным херувимом и реконструирует причину гибели ребенка: «<...> он еще с большим нетерпением стал высматривать внизу свою молодую и красивую маму. Он надеялся на чудо. Он звал маму. Он ждал маму. Он просил воды, пищи и тепла. Его мучила жажда, ибо слезами выплакал всю воду».³⁷⁹ Разбив этот эпизод на короткие предложения, автор зримо растягивает мучения младенца. Этот образ обреченного на смерть от жажды, голода и холода ребенка присутствует и в пьесе «Красная нарта» (1991). В этом же произведении атаман приговаривает ребенка на мучи-

³⁷⁷ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 72–73.

³⁷⁸ Там же. С. 127.

³⁷⁹ Там же. С. 167.

тельную смерть: «Сам ... подох ... нет»,³⁸⁰ сравним, Чухновский, оставляя в живых Матерь Детей и ее Маленьких детей, говорит: «Без нас подохнут!».³⁸¹

При описании «кровавого пира красных» романист использует и эпифору «Стенки чума в крови. Лежанки в крови. Посуда в крови. Одежда в крови. Весь дом в крови».³⁸²

Некоторые параллелизмы повторяются дважды с небольшими изменениями для того, чтобы показать горе, переживания, неоднократные, мучительные воспоминания героев произведения, например:

«<...> двое ее детенышей канули в бездну.

Ее детеныши превратились в пустоту.

Ее детеныши превратились в ничто <...>

И Волчица-мать заплакала...».³⁸³

И чуть дальше по тексту: «Она лежала неподвижно <...> и, прикрыв глаза, смотрела картинки.

Волк-отец с сыном проваливаются в бездну.

Превращаются в пустоту.

Превращаются в ничто.

Но оплакивать их нет сил».³⁸⁴

А также в романе дважды повторяется почти слово в слово следующая мысль: «Остяки считали, что православная икона оберегает человека в доме и во дворе, а за их пределами вступают в силу их остяцкие боги. Так причудливо переплелись две религии»,³⁸⁵ «Удивительно сплелись две веры – православная и остяцкая. Считалось, русская икона охраняет человека от нечистой силы только внутри дома, поблизости от него. А за пределами дома человек находится во власти языческих богов и бо-

³⁸⁰ Айпин, Е. Д. Красная нарта: Пьеса. – Ханты-Мансийск, 1991. – С. 17

³⁸¹ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – С. 24.

³⁸² Там же. С. 166.

³⁸³ Там же. С. 191.

³⁸⁴ Там же. С. 192.

³⁸⁵ Там же. С. 81.

гинь».³⁸⁶ Так автор подчеркивает важность этого единства, мирного сосуществования двух религий.

О приеме антитезы в романе уже писали. Следует пояснить, что она используется Айпиным не только как композиционный прием, но и как выразительное средство, например, для описания состояния героев: «<...> проснулась в странном оцепенении. То ли сон, то ли явь. То ли на том свете, то ли на этом»;³⁸⁷ для пояснения мотивов героев: «Солдат живет одним днем: сегодня жив, завтра – мертв».³⁸⁸

Противопоставление времен года в сочетании с эпитетами придает тексту особую поэтичность: «Белая зима сменяется зеленым летом. Но взамен белому снегу приходит белая ночь <...> когда напрочь угасает белая ночь и приходит прохлада бесснежного предзимья, в доме поселяется огонь чучала, освещающий белым светом людей, чтобы они бесследно не растворились в черной осенней мгле. Потом вступает в свои права белоснежная зима. А ее заменяет ласковая весна с серебристо-белым настом...».³⁸⁹ Несмотря на то, что сочетания «осенняя мгла» и «ласковая весна» разделены предложением, они явно противопоставляются друг другу.

Автор включает в роман устойчивые выражения, а, точнее, – их дословные переводы с хантыйского языка, а в сносках уточняет их значение, например: «по-иному жить стала»,³⁹⁰ т. е. забеременела; «сидя на Белого царя живут»,³⁹¹ т. е. являются подданными царя.

Автор использует устойчивые выражения, широко известные в славянской и северной этнических культурах, внося в них авторские изменения: «За детей она в живой огонь войдет, в живую воду ступит»,³⁹² «каждому свое: летуну – летуново, пехот-

³⁸⁶ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 93.

³⁸⁷ Там же. С. 48.

³⁸⁸ Там же. С. 19.

³⁸⁹ Там же. С. 145.

³⁹⁰ Там же. С. 41.

³⁹¹ Там же. С. 156.

³⁹² Там же. С. 131.

ке – пехотково»,³⁹³ «не будет мне прощения ни на том, ни на этом свете».³⁹⁴ Русская пословица «Слово в карман не положишь» стала отправной точкой для создания следующих рассуждений автора: «Красный царь, люди которого обещают много всяких благ на словах. Но словом сыт не будешь. Словом не укроешься от дождя и снега. Словом не затопишь чумал в доме. Слово не запряжешь в нарты...».³⁹⁵

О. К. Лагуновой отмечено, как мастер слова с помощью особого построения синтаксических конструкций смог не только лаконично и точно описать представшую перед героиней картину в расстрелянном чуме, но и передать причину гибели людей: «<...> описание увиденного в чуме разбито автором на фрагменты, состоящие из нескольких предложений, каждое из которых начато с новой строки. Ритмическая организация данного отрывка отражает суть произошедшего. Выстрелы очередями, за каждым выстрелом – чья-то жизнь».³⁹⁶ Лагунова также отмечает повторяемость приемов, используемых Айпиным в произведениях: «Диалог Чухновского с пленницей напоминает разговор Прокопия и Беспалого в рассказе «Конец рода Лагермов», когда вопросы-предложения сопровождаются молчанием, концентрирующим раздражение и ненависть к «гостю»-захватчику:

«– Садись.

Она взглянула на табуретку, отошла от порога в сторону печки, но не села <...>

– Ну, садись к столу, чайку попей!

Она не двинулась с места, но повернула голову к столу, посмотрела, как над кружкой струится пар от горячего чая, и с деланным равнодушием отвела взгляд в сторону <...>

– Скажи, как тебя зовут?

³⁹³ Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. С. 19.

³⁹⁴ Там же. С. 141.

³⁹⁵ Там же. С. 130.

³⁹⁶ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 208.

Она молчала.
– <...> Скажи, откуда родом?
В ответ молчок.
– Куда ехала?
Нет ответа.
– Откуда ехала?
Молчок.
– Кого видела в пути?
Молчание.
– Сколько вооруженных?
Все без ответа.
– Сколько безоружных?
Без ответа.
– Сколько селений проехала?
Нет ответа.
– Расскажи, не бойся, почти ласково проговорил он <...>
Девушка будто не слышала его слов <...>
– А ты... будешь ездить в моем обозе до тех пор, пока не заговоришь. Поняла?
Молчание <...>
– Теперь-то. Поди, без ножа пришла? Передумала меня убивать? <...> Где полковник? Отдай мне полковника.
Девушка не ответила <...>
– Отдашь полковника – мы тоже уйдем ко всем чертям <...>
Девушка молча слушала».³⁹⁷

Несмотря на то, что роман написан на русском языке, автору удалось передать этнический колорит в произведении. Это проявляется в манере повествования, в построении предложений. Этому же способствуют многочисленное использование этнографизмов, табуированных названий, национальных устойчивых выражений. В то же время мы наблюдаем некий синтез со славянской культурой, который выражается в использовании автором поговорок, устойчивых выражений и характерной лексики.

³⁹⁷ Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Врата Сибири. – 2006. – № 1 (18). – С. 205.

В романе наблюдается связь с ранними произведениями автора, выражающаяся в повторяемости приемов, образов.

Особое построение синтаксических конструкций, разрядка слов передают эмоциональное состояние героев, темп и интонацию речи.

В тексте преобладают повторы (анафоры, эпитеты, параллелизмы), градация, которые фиксируют внимание читателя на основных мыслях автора и главных героев. Автор широко использует сравнения, эпитеты, чаще оценочные, обогащающие повествование. Система изобразительно-выразительных средств, используемых Айпиным в романе, усиливает эмоциональное воздействие произведения, придает речи поэтичность.

Заключение

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» стал логическим завершением давно волновавшей автора проблемы – исторического прошлого хантыйского народа. Если в ранних произведениях Айпина историческая тема рассказала и о репрессиях, унесших жизни тысячи сородичей, реализовалась только в абстрактном образе «Кровавого глаза» и вскользь упомянутых «карателях», то в этом романе автор впервые называет все своими именами. Так как в основу произведения были положены исторические события, автор уделяет большое внимание фактам, поэтому в произведение включены архивные документы, которые придают роману историческую достоверность, и сближают его с публицистикой. Принцип историзма определил и стиль изложения, и концепцию произведения. В рамках одного временного периода (1933–1934 гг.) Айпин раскрыл взаимосвязь событий истории России с событиями региональной истории (Казымским восстанием). Столь же закономерно появление в романе и образа Воина.

На примере жизни отдельных семей автор повествует о судьбе целого народа и всей страны. Основное место в романе занимает семья Матери Детей, через которую автор знакомит читателя с традициями, культурными и нравственными ценностями народа ханты. Семейная линия неразрывно связана с религиозной тематикой, с мотивами материнства и детства, с мотивом дороги и мотивом смерти. Мотив дороги осмысливается в романе с философской точки зрения: дорога – это внутреннее становление личности, это жизненный путь отдельных героев, это судьба всего народа и его будущее. Мотив власти, «мотив преждевременности» дополняют основные темы романа. Обращается автор и к литературным традициям. В романе четко прослеживаются традиции анималистической прозы.

Религиозная тематика раскрывается через образы, затрагивающие две религии: христианскую, в ее православной форме, и языческие верования народов Севера. Христианская религия представлена традиционной атрибутикой, также реализуется в образах. Герои живут с верой: речь и помыслы Белого насыще-

ны религиозными суждениями и стремлениями; Мать Детей становится земным отражением Богоматери. Языческие верования дополняются богатым фольклорно-этнографическим материалом в романе.

Для раскрытия идейного содержания произведения автор использует прием антитезы. В основе произведения заложен конфликт между разными группами людей, которые, в свою очередь, автор подразделяет на «людей» и «нелюдей». С помощью приема антитезы Айпин раскрывает образы главных героев, философские мотивы: противостояние добра и зла, которое реализуется через символы, цветовую палитру.

Роман «Божья Мать в кровавых снегах» выделяется среди произведений автора лаконичностью повествования. Почти полное отсутствие бытовых и пейзажных зарисовок придает динамичность развитию действия. Немногочисленные пейзажные зарисовки раскрывают душевное состояние героев, их мысли; символизируют этапы человеческой жизни; отражают мифологическое мировоззрение народа.

Автор опирается на фольклорные традиции. В текст романа вплетаются такие фольклорные жанры, как миф, предание, сказка, причитание, подвергшиеся авторской обработке. Мифы и предания переданы в виде пересказа с использованием характерных для фольклора языковых средств: фольклорные эпитеты, тавтологии, плеоназмы, гиперболы. Причитания представлены в прозаической и стихотворной форме, с использованием характерных для этого жанра параллелизмов.

Таким образом, в романе «Божья Мать в кровавых снегах» мы видим сплав разных стилевых элементов: повествовательных, фольклорных и публицистических.

Система образов романа весьма нетипична для хантыйской литературы, но уже традиционна для прозы Айпина. Доминанта женских образов в его романе неоспорима. Образ Матери, образ Возлюбленной, образ Святой, образ Земной женщины соединяются в одной героине – Матери Детей. Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова заключают: «<...> роман Еремея Айпина, написанный зрелым мастером хантыйской прозы и отличающийся исключительной художественной выразительностью, открыто и

гневно протестует против любых форм насилия, террора, попрания человеческих прав. В нем множество трагедийных эпизодов и смертей, но всем своим пафосом он славит жизнь. Мы верим, что Пойтэк дотащил малыша Савву до человеческого жилья, что доползла до него и многострадальная мать дитя. Недаром, когда она настойчиво вопрошала своих богов и богинь, а потом и Божью Матерь в золотом окладе, все они настойчиво говорили о том, что надо жить. И этому наставлению, порой звучащему как завет, осталась верной героиня романа – Матерь, воспетая Еремеем Айпиным. Недаром зовут ее Верой».³⁹⁸

Именно через единство матери и детей Айпин аллегорически представил нити родства, кровные и духовные связи между людьми с одинаковой системой ценностей, между соплеменниками. О. К. Лагунова отмечает: «Мать и Дитя в начале романа и на иконе, и в жизни – единое целое, не случайно Дитя на руках Матери. В финале это целое разрушено. Но даже если прежняя гармония не восстановится, Дитя спасено, а залитый кровью снег по весне сойдет. Не случайно Е. Д. Айпин знаково фиксирует наступление весны. История помещена автором внутрь природного круга. Значит, будет жизнь – дорогой ценой, но будет».³⁹⁹

³⁹⁸ Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – С. 126.

³⁹⁹ Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 189–190.

Список литературы

1. Айпин, Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах [Текст] / Е. Д. Айпин. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – 304 с.
2. Айпин, Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари [Текст] / Е. Д. Айпин. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 334 с.
3. Айпин, Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера [Текст] / Е. Д. Айпин. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во ; Москва : ЗАО «Фактория Арктики», 1998. – 256 с.
4. Айпин, Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы [Текст] / Е. Д. Айпин ; послесл. и комм. В. Огрызко. – М. : Русло, 1993. – 424 с.
5. Айпин, Е. Д. Красная нарта: Пьеса [Текст] / Е. Д. Айпин. – Ханты-Мансийск, 1991. – 19 с.
6. Айтматов, Ч. Т. Буранный полустанок: Романы [Текст] / Ч. Т. Айтматов. – М. : Профиздат, 1989. – 585 с.
7. Айтматов, Ч. Т. Плаха: Романы [Текст] / Ч. Т. Айтматов. – М. : Профиздат, 1989. – 585 с.
8. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество [Текст] / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001. – 726 с.
9. Библийская энциклопедия [Текст]. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 768 с.
10. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. Е. Е. Узловой. – М. : Дрофа, 1999. – 912 с.
11. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – С. 1536.
12. Ващенко, А. Мы – ваша совесть [Текст] / А. Ващенко // Литературная Россия. – 1998 (3 июля). – С. 9–10.
13. Ващенко, А. Бремя особого рода [Текст] / А. Ващенко // Литературная Россия. – 2006. – № 37. – С. 14–15.
14. Ветер, А. Горькая книга [Текст] / А. Ветер // Литературная Россия. – 2003 (21 марта). – С. 10.
15. Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [Текст] / А. В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 606 с.

16. Дайкин, Э. О. Национальное в литературе [Текст] / Э. О. Дайкин // Эстетика американского романтизма. – М. : Просвещение, 1977. – С. 373–375.
17. Домокош, П. Формирование литератур малых уральских народов [Текст] / П. Домокош. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1993. – 288 с.
18. Ерныхова, О. Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. [Текст] / О. Д. Ерныхова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 160 с.
19. Жулева, А. В зеркале нашего времени [Текст] / А. Жулева // Мир Севера, 2008. – № 6. – С. 46–51.
20. Залыгин, С. Главная книга Еремея Айпина [Текст] / С. Залыгин // Тюменские известия. – 2004 (5 августа). – С. 4–5.
21. Иллюстрированный энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. Т. В. Фирсановой. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 894 с.
22. Козлов, Ю. Кровь под «белым» пятном [Текст] / Ю. Козлов // Литературная Россия. – 2002 (19 апреля). – С. 6.
23. Кузьмина, А. С. Христианизация коренных народов Обского Севера: Культурологический аспект [Текст] / А. С. Кузьмина. – СПб. : Инфо-да, 2004. – 149 с.
24. Кунык, Т. Отстоять красоту своей земли [Текст] / Т. Кунык // Мир Севера: этнополитический и литературно-художественный журнал. – М. : Литературная Россия, 2008. – № 6. – С. 37–42.
25. Лагунова, О. К. Истинная цена воли (О романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» [Текст] / О. К. Лагунова // Врата Сибири. – 2006. – № 1(18). – С. 202–215.
26. Лагунова, О. К. Аксиологичность образного ряда в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» [Текст] / О. К. Лагунова // Реальность этноса: Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности. – СПб. : Астерион, 2006. – С. 557–560.
27. Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) [Текст] / О. К. Лагунова Тюмень : Изд-во ТГУ, 2007. – 260 с.

28. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / Под ред. А. Н. Никономкина. – М. : НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стлб.
29. Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. Избранные статьи : в 3-х т. [Текст] / Ю. М. Лотман. – Т. 1. – Таллин : Александра, 1993. – С. 413–447.
30. Луцкий, С. Трагедия красной нелюди [Текст] / С. Луцкий // Литературная Россия. – 2003 (4 июля). – С. 11.
31. Луцкий, С. Болит душа... [Текст] / С. Луцкий // Новости Югры. – 1999 (17 декабря). – С. 4.
32. Малый энциклопедический словарь [Текст]. – М. : ООО «Изд-во Астрель», 2002. – 112 с.
33. Мифы, предания, сказки хантов и манси [Текст]. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1990. – 568 с.
34. Огрызко, В. Вместо послесловия [Текст] / В. Огрызко // Е. Д. Айпин. Клятвопреступник: Избранное. – М. : Наш современник, 1995. – С. 424–427.
35. Общественно-исторические проблемы в литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://linky.ru/~review/htm/sochin/139.htm>
36. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1994. – 928 с.
37. Петушков, В. Дорога к утренней звезде» [Текст] / В. Петушков // Мир Севера: этнополитический и литературно-художественный журнал. – М. : Литературная Россия, 2008. – № 6. – С. 55–60.
38. Попов, Ю. Сага о народе ханты [Текст] / Ю. Попов, Н. Цымбалистенко ; сост. В. Огрызко // Хантыйская литература: Сборник. – М. : Литературная Россия, 2002. – С. 58–71.
39. Роговер, Е. С. Творчество Еремея Айпина [Текст] / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 140 с.
40. Рубайло, А. Т. Художественные средства языка [Текст] / А. Т. Рубайло. – М. : Просвещение, 1961. – 122 с.
41. Святые [Электронный ресурс]. – Режим доступа : dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/91984/Святой

42. Севастьянова, С. Божья Матерь в кровавых снегах [Текст] / С. Севастьянова // Сургутская трибуна. – 2002. – № 200. – С. 7–8.
43. Словарь литературных терминов : в 2-х т. [Текст] / Под ред. Ю. Подольского. – Т. 1. – М. : Педагогика-Пресс, 1985. – 1460 стлб.
44. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норит, 2003. – 960 с.
45. Теория литературы : в 2-х т. [Текст] / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 512 с.
46. Тимофеев, Л. И. Основы теории литературы [Текст] / Л. И. Тимлфеев. – М. : Просвещение, 1976. – 447 с.
47. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 334 с.
48. Тэн, И. Философия искусства [Текст] / И. Тэн. – М. : Русло, 1996. – 236 с.
49. Успенский, Б. А. Семиотические проблемы стиля в лингвистическом освещении [Текст] / Б. А. Успенский // Тр. по знак. системам (IV). – Тарту, 1969. – С. 487–488.
50. Хализеев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализеев. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.
51. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 4-х т. [Текст] / В. Ф. Ходасевич. – Т. 3. – Москва : Высшая школа, 1997. – 311 с.
52. Хозанкович, Ю. Г. Фольклорная цитация в романе Еремья Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» [Текст] / Ю. Г. Хозанкович ; под ред. проф. Е. С. Роговера // Литература народов Севера: Сборник статей. – СПб. : Олимп, 2008. – Вып. 9. – С. 110–116.
53. Цукор, А. Лишь бы не было лжи и путаницы [Текст] / А. Цукор // Литературная Россия. – 2004. – № 41. – С. 6–7.
54. Шаррен, А.-В. Отражения и выражения: некоторые размышления о возрождении народа и о сути литературного творчества [Текст] / А.-В. Шаррен // Литературная Россия. – 2004. – № 41 (2173). – С. 6–7.

55. Шмидт, С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии [Текст] / С. О. Шмидт. – М. : Олимп, 1997. – 256 с.

56. Энгвер, Н. То, что под камнем [Текст] / Н. Энгвер // Литературная Россия. – 2004. – № 13. – С. 10.

57. Энциклопедический словарь юного литературоведа [Текст] / Сост. В. И. Новиков, Е. А. Шкловский. – М. : Педагогика-Пресс, 1998. – 424 с.

Оглавление

Введение.....	3
1. Семейная тема в романе.....	8
2. Историческая тема в романе.....	21
3. Языческие и христианские мотивы	31
4. Мотив дороги в романе	46
5. Женские образы в романе.....	55
6. Образ Воина в романе	68
7. Фольклорно-этнографические традиции в романе.....	79
8. Анималистические традиции в романе	91
9. Картины природы в романе	102
10. Композиция произведения.....	107
11. Поэтика романа.....	117
Заключение	134
Список литературы.....	137

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок

Е. В. Косинцева, Н. В. Куренкова

**«Все в этом мире от Бога...»:
роман Е. Д. Айпина
«Божья Матерь в кровавых снегах»**

Монография

Редактор, корректор Шарова П. С.
Верстка Семенов И. С.
Дизайн обложки Матвеева Н.

Подписано в печать 25.12.2010
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 8,9. Тираж 300 экз. Заказ № 115.

Отпечатано в Информационно-издательском центре
Югорского государственного университета,
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16